

11.9.74

С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ—1974

3

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 3

МАЙ—ИЮНЬ

БАКУ — 1974

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Г. А. АБДУРАХМАНОВ, П. А. АЗИМОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. А. ДАДАШЗАДЕ,
С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Э. В. СЕВОРТЯН,
И. С. СЕИДОВ (зам. главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор), ЯШЕН КАМИЛЬ**

Адрес редакции: 370602, ГСП Баку-122, просп. Нариманова, 31. Академгородок.

К 250-ЛЕТИЮ АКАДЕМИИ НАУК СССР

А. Н. КОНОНОВ

ТЮРКСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ В АКАДЕМИИ НАУК СССР

По данным Всесоюзной переписи населения 1970 г., в Советском Союзе представлено 25 тюркских языков, на которых говорят 32,4 млн. человек. Тюркские языки являются государственными языками пяти союзных республик: Азербайджана, Казахстана, Киргизии, Туркмении, Узбекистана, шести автономных республик: Башкирии, Каракалпакии, Татарии, Тувы, Чувашии, Якутии, двух автономных областей: Горно-Алтайской, Хакасской, часть населения ряда других республик и автономных областей также говорит на тюркских языках.

Сказанного вполне достаточно, чтобы составить ясное представление о месте и значении тюркского языкознания, равно как и других тюркологических дисциплин, в общем балансе гуманитарных наук Советского Союза.

Строго научному изучению тюркских языков в России предшествовал многовековой период практического освоения тюркских языков русскими, о чем свидетельствуют многочисленные заимствования тюркской лексики в русском языке, а также некоторые детали быта, обычаев старого (допетровского) придворного церемониала и т. п.

Научное востоковедение в России обязано своим возникновением энергии и государственной мудрости Петра I, который дважды отправлял молодых людей «ради обучения турецкого языка» в Персиду (1716 г.) и Царь-град (1724 г.).

Гениальная прозорливость Петра I позволила ему сквозь толщу сплошной неграмотности и дикости, царившей в тогдашней российской действительности, увидеть великое будущее науки в России и создать Академию наук.

28 января 1724 г. Петр I «указал учинить Академию, в которой бы учились языкам, также протчим наукам и знатным художествам и переводили б книги»¹.

Не случайно в этих кратко сформулированных задачах Академии наук на первое место выдвинуто изучение языков и третьими (по порядку) указаны переводы книг. Изучение западных и восточных языков,

¹ См.: Г. А. Князев, А. В. Кольцов. Краткий очерк Академии наук СССР. М.—Л., 1957, стр. 10.

переводы иностранных книг диктовались исторической необходимостью, которая издавна определялась географическим положением России — между Западом и Востоком.

Среди первых членов Академии наук² был востоковед Готлиб (Теофил)-Зигфрид Байер (1694—1738), который, по обычаю того времени, занимался целым рядом восточных языков. В круг научных интересов Байера входили и тюркские языки: ему принадлежит первый опыт перевода на латинский язык одной главы из широко известного ныне труда Абу-л-Гази (1603—1664) «Шаджара-и тюрк» («Родословная тюрков»). Имя Байера упоминается также в истории попыток дешифровки тюркских рунических надписей, открытых в начале XVIII в. в бассейне верхнего Енисея.

В истории собирания и публикации енисейских рунических надписей оставил след³ натуралист академик (с 1767 г.) Петр-Симон (Петр Сибирич) Паллас (1741—1811), вошедший в историю русской лексикографии как редактор первого издания «Сравнительных словарей всех языков и наречий» (см. ниже).

В деятельности Академии наук принимал активное участие (описал коллекцию «татарских» монет и выступал с докладами) востоковед, занимавшийся изучением ряда ближневосточных языков, в том числе и тюркских, переводчик Коллегии иностранных дел Георгий-Якоб (Георгий Яковлевич) Кер (1692—1740), которому было вменено в обязанность обучать русских молодых людей «сриентальным языкам»⁴.

Имя Г. Я. Кера вошло в историю тюркологии в России в связи с изучением двух важных исторических памятников — «Бабур-наме», сочинения Захир ад-дина Бабура (1482—1530)⁵, и «Шаджара-и тюрк» Абу-л-Гази. Глубокое понимание стоящих перед Россией задач в области изучения Востока проявил Г. Я. Кер в своем проекте «Академии, или Общества восточных наук и языков на благо и во славу Российской империи»⁶.

Таким образом, востоковедение в С.-Петербурге в конце тридцатых годов XVIII столетия было представлено двумя учеными, умершими в расцвете своей научной деятельности (Г.-З. Байер — в 1738 г., Г. Я. Кер — в 1740 г.) и не оставившими учеников. Потеря этих двух безусловно крупных востоковедов усугубилась еще одним важным событием: новый «Регламент имп. Академии наук и художеств в Санктпетербурге» (24 июля 1747 г.) предусматривал перевод гуманитарных наук в Академический университет. Тем самым востоковедение, равно как и другие историко-филологические дисциплины, лишалось права быть представленным в высшем научном учреждении страны. Тем не менее собрание лингвистического, этнографического и археологического материала различных народов, обитавших в Сибири, Поволжье, на Кавказе, продолжалось силами участников академических экспедиций, которые особенно энергично действовали в течение всего XVIII в. В инструкциях, кото-

² «Ученые, входящие в состав действительных членов Академии, именовались в в Проекте 1724 г. академиками. Во многих других официальных документах того времени и более поздних они назывались профессорами» (см.: «История Академии наук СССР», т. I. М.—Л., 1958, стр. 35).

³ См.: А. Н. Бернштам. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков VI—VIII веков. М.—Л., 1946, стр. 13.

⁴ См.: Б. М. Данциг. Изучение Ближнего Востока в России. М., 1968, стр. 7—12.

⁵ Подробнее см.: Г. Ф. Благова. К истории изучения «Бабур-наме» в России. — «Тюркологический сборник». М., 1966, стр. 168—176.

⁶ Подробнее см.: А. Н. Кононов. История изучения тюркских языков в России. Докто-
рская диссертация. М., 1972, стр. 33—45; 58—69.

рыми Академия наук снабжала свои экспедиции, в обязательном порядке предписывалось собирать «пробы всех чужих языков...»⁷

В это же время вне стен Академии наук продолжались собирание и обработка тюркского лексического материала, составление вокабуляриев и лексиконов, практически необходимых для повседневных сношений с тюркоязычным населением тогдашней России. Архивы сохранили довольно значительное число таких лексикографических опытов, среди которых особое место занимает «Российско-татарско-калмыцкий словарь» (Рукописный отдел Библиотеки Академии наук СССР, Ленинград), который по инициативе известного ученого и государственного деятеля В. Н. Татищева (1686—1750) составлялся в основанной им Татарско-калмыцкой школе в Оренбурге⁸.

Для истории русской и тюркской лексикографии в России представляют исключительный интерес два больших словаря: «Лексикон Российский, исторический, географический, политический и гражданский» (А—К. СПб., 1793), составленный В. Н. Татищевым, и «Сравнительные словари всех языков и наречий» (I—II. СПб., 1787—1798; второе издание: СПб., 1791) — коллективный труд многих составителей, первое издание которого вышло под редакцией П. С. Палласа, второе — Ф. И. Янковича де Мириево.

В «Лексиконе» В. Н. Татищева дается объяснение многих восточных, преимущественно тюркских этнонимов, топонимов, географических, исторических, этнографических терминов.

В первом издании «Сравнительных словарей...» представлен лексический материал девятнадцати тюркских языков и диалектов, во втором издании их уже двадцать четыре. В непосредственной связи с собиранием материалов для «Сравнительных словарей...» находится рукописный «Словарь языков разных народов в Нижегородской епархии обитающих, имянно Россиян, Татар, Чювашей, Мордвы и Черемис ... под призором преосвященного Дамаскина, епископа Нижегородского и Алатырского сочиненный, 1785 года».

В том же — 1785 — году «в пользу обучающегося при Казанских гимназиях юношества татарскому языку» был составлен рукописный «Русско-татарский словарь» (известный в трех списках), автором которого был первый преподаватель татарского языка русским Сагит Хальфин. Этим же — 1785 — годом датируется анонимный рукописный «Словарь языка чувашского». В Ленинградском отделении Института востоковедения Академии наук СССР хранится рукописный «Турецкий лексикон» (СПб., 1793).

Политическими и военными интересами в Турции продиктовано поспешное издание двух переводов с французского одной и той же книги: «Турецкая грамматика, или краткий и легчайший способ к изучению турецкого языка», СПб., 1776; второй перевод издан в Москве в 1777 г.⁹

Конец XVIII столетия ознаменовался важным событием в истории разработки грамматики татарского языка: в 1798 г. было закончено, а в 1801 г. издано в типографии Академии наук в С.-Петербурге выдающееся сочинение — первая «Грамматика татарского языка» И. И. Гиганова (ум. в 1800 г.), на формирование грамматических взглядов которого

⁷ См.: В. Ф. Гнучева. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках. — «Труды Архива Академии наук СССР», вып. 4. М.—Л., 1940.

⁸ См.: А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 70—84.

⁹ Подробнее см.: там же, стр. 181—183.

большое влияние оказала «Российская грамматика» М. В. Ломоносова¹⁰. Формирование грамматических идей отечественных тюркологов тесно связано с развитием соответствующих идей, воззрений и схем в русском языкознании, родоначальником которых был М. В. Ломоносов. Изучение влияния результатов исследований отечественных специалистов по грамматике, фонетике и лексике русского языка на развитие тюркского языкознания в России является одной из интереснейших и важных задач советской тюркологии.

Начало XIX столетия в истории Академии наук ознаменовалось важным событием: 25 июля 1803 г. был утвержден новый «Регламент имп. Академии наук», по которому гуманитарные науки — «история, статистика и экономия политическая» — вновь упоминались среди «наук, коими Академия должна заниматься».

Несмотря на то что в новом Регламенте ни слова не было сказано о языкознании и востоковедении, тем не менее возвращение гуманитарных наук в Академию наук позволило зачислить в число адъюнктов (1804 г.), а затем избрать экстраординарным академиком (1807 г.) Генриха-Юлиуса Клапрота (1783—1835), талантливого немецкого ориенталиста, не внесшего, однако, за свое семилетнее пребывание в России ничего сколько-нибудь значительного в русское востоковедение¹¹.

Первым членом-корреспондентом Академии наук по разряду восточной словесности и древностей (с 1810 г.) был Г. И. Спасский (1783—1864), тюрколог-автодидакт, собравший ныне опубликованный лексический материал по ряду тюркских языков Сибири, автор статьи «Древности Сибири», сыгравшей важную роль в изучении тюркских рунических надписей.

Первым востоковедным научно-исследовательским учреждением, предтечей Института востоковедения Академии наук СССР, явился Азиатский музей Академии наук (1818—1930)¹², первым директором которого был ординарный академик по разряду восточных древностей (с 1817 г.) Х. Д. Френ (1782—1851), арабист, оставивший значительный след в истории тюркологии. Им были систематизированы и описаны тюркские рукописи и нумизматические коллекции, принадлежавшие Академии наук, опубликован ряд статей по истории тюркских народов, а также издан в содружестве с казанским ученым Ибрагимом Хальфиным (сыном упомянутого выше С. Хальфина) оригинальный тюркский текст «Шаджара-и тюрк», сочинения Абу-л-Гази.

По-видимому, не без влияния активной научной деятельности Х. Д. Френа на основании «Дополнительных пунктов» (от 30 января 1830 г.) к «Регламенту имп. Академии наук» от 1803 г. для «истории и словесности азиатских народов» было выделено два места; в «Уставе имп. Санктпетербургской Академии наук» (от 8 января 1836 г.) в числе наук, достойных быть представленными в Академии, значатся «восточная словесность и древности». Востоковедение в Академии наук, будучи официально признанной научной дисциплиной, за короткий срок достигло значительных успехов, о чем свидетельствуют труды русских востоковедов второй половины прошлого века, получившие мировую известность.

¹⁰ См.: М. З. Закиев. Роль идей М. В. Ломоносова в становлении лингвистических взглядов представителей Казанской школы тюркологов. — «Ученые записки Казанского государственного педагогического института», вып. 74. Вопросы тюркологии. Казань, 1970, стр. 15—20.

¹¹ См.: А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 96—98.

¹² См.: «Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР». М., 1972.

За изданием упомянутого выше труда И. И. Гиганова последовала публикация ряда работ, описывающих преимущественно грамматический строй татарского языка¹³, однако грамматика И. И. Гиганова, оставаясь единственной в своем роде, сохраняла свое значение.

Новый этап в истории разработки грамматики тюркских языков в России начинается с выходом в свет удостоенного Демидовской премии труда члена-корреспондента Академии наук Мирзы Александра Казем-Бека (1802—1870)¹⁴ «Общая грамматика турецко-татарского языка» (Казань, 1846). Это было второе издание, «исправленное и обогащенное многими новыми филологическими исследованиями автора», ранее опубликованной «Грамматики турецко-татарского языка» (Казань, 1839).

«Общая грамматика» Казем-Бека, как и «Грамматика татарского языка» Гиганова, является сравнительной грамматикой ряда тюркских языков, причем Казем-Бек первый в России расширил круг сравниваемых языков путем привлечения аналогий из монгольского языка. Его «Общая грамматика» получила многочисленные и в общем одобрительные отзывы (И. Н. Березин, В. В. Григорьев, Б. А. Дорн, О. Н. Бётлингк и др.). Переведенная на немецкий язык Ю.-Т. Ценкером (Лейпциг, 1848), она надолго стала основным пособием для изучения турецкого языка в России и в Западной Европе.

Особое место в истории изучения тюркских языков в России принадлежит знаменитому санскритологу, выдающемуся тюркологу, блестящему лингвисту академику О. Н. Бётлингку (1815—1904), автору исследования «О языке якутов» (СПб., 1851, на немецком языке), до сих пор не потерявшего своего научного значения¹⁵.

Академия наук охотно поддерживала ученых, не состоявших в ее штате. По инициативе Академии наук, на ее средства и по ее инструкции, было организовано путешествие (1845—1849) финского ученого М. А. Кастрена (1813—1852)¹⁶, имевшее большое значение для этнографо-лингвистического изучения Сибири. Это путешествие ознаменовалось важным для тюркологии событием: с помощью академика А. А. Шифнера (1817—1879), редактора и издателя двенадцатитомного научного наследия М. А. Кастрена¹⁷, была опубликована грамматика койбальского и карагасского языков¹⁸.

Член-корреспондент Академии наук, первый профессор турецкого языка (с 1822 г.) в Петербургском университете О. И. Сенковский (1800—1858), автор небольшого пособия «Основные правила турецкого разговорного языка» (СПб., 1829, 76 стр.), более известен как журналист, редактор журнала «Библиотека для чтения» и литератор¹⁹, нежели как тюрколог.

В истории тюркологии почетное место занимает член-корреспондент Академии наук Н. И. Ильминский (1822—1891), положивший начало

¹³ Подробнее см.: М. З. Закирова. Исторический обзор грамматик татарского языка. Автореф. канд. дисс. Казань, 1951, 20 стр.

¹⁴ А. Рзаев. Мирза Казем-Бек. Баку, 1965.

¹⁵ См.: сб. «О. Н. Бётлингк и его труд „О языке якутов“». Якутск, 1973, 237 стр.

¹⁶ О нем см.: сб. «Памяти М. А. Кастрена». Л., 1927.

¹⁷ Nordische Reisen und Forschungen. Im Auftrage der kais. Akademie der Wissenschaften hrsg. von A. Schiefner, Bd I—XII. St.—Pb., 1853—1862.

¹⁸ Bd XI. Versuch einer Koibalischen und Karagassischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den tatarischen Mundarten des Minussischen Kreises. 1857. XIX+210 стр.

¹⁹ В. Каверин. О. И. Сенковский (Барон Брамбеус). Жизнь и деятельность. — Собрание сочинений, т. VI. М., 1966, стр. 283—477.

изучению казахского языка, издавший в оригинальных текстах «Бабурнаме» (1857), «Қысас ал-анбийа» Рабгузи (1859), редактор и один из авторов «Граматики алтайского языка» (Казань, 1869).

Среди многочисленных словарей тюркских языков, изданных отечественными тюркологами, особое место занимают: «Словарь джагатайско-турецкий» (СПб., 1868—1869), автором-издателем которого был историк и филолог, востоковед-автодидакт академик В. В. Вельяминов-Зернов (1830—1904); «Сравнительный словарь турецко-татарских наречий» (т. I—II. СПб., 1869—1871) доцента факультета восточных языков Петербургского университета и драгомана V класса при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел Л. З. Будагова (1812—1878); «Опыт словаря тюркских наречий» (СПб., 1893—1911) родоначальника новой тюркологии академика В. В. Радлова (1837—1918); «Словарь якутского языка» (т. I—III. СПб., 1907 — Л., 1930), составленный членом-корреспондентом (с 1927 г.), а затем почетным академиком (с 1931 г.) Э. К. Пекарским (1858—1934) при ближайшем участии Д. Д. Попова и В. М. ИONOва; «Словарь чувашского языка» (Казань — Чебоксары, 1928—1950) основоположника чувашского языкознания Н. И. Ашмарина (1870—1933).

Новый этап в истории отечественной и мировой тюркологии датируется серединой прошлого столетия и связан с научно-организационной и общественной деятельностью В. В. Радлова, начавшейся с 1858 г. в Сибири, в г. Барнауле, и закончившейся в Петрограде 12 мая 1918 г.²⁰

Одновременно с В. В. Радловым действительным членом Академии наук состоял известный иранист К. Г. Залеман (1849—1916)²¹, в списке трудов которого насчитывается одиннадцать печатных тюркологических работ²².

В течение всего прошлого столетия в составе действительных членов Академии наук только один — В. В. Радлов — был «профессиональным» тюркологом-универсалом, занимавшимся изучением живых тюркских языков, тюркскими памятниками рунического, уйгурского, арабского письма, тюркской лексикологией и лексикографией, тюркской диалектографией и диалектологией, тюркской этнографией и археологией.

В. В. Радлов, никогда не преподававший в университетах, в петербургский период своей жизни (1884—1918) имел «приватных» учеников, это были Н. Ф. Катанов (1862—1922), П. М. Мелиоранский (1868—1906), А. Н. Самойлович (1880—1938), С. Е. Малов (1880—1957). Их тюркологические изыскания ограничивались более узкими рамками и велись на сравнительно ограниченном фактическом материале.

Н. Ф. Катанов скорее был склонен к этнографическим и лишь отчасти — к лингвистическим исследованиям (на материале, близком ему по рождению). П. М. Мелиоранский стал первым в России тюркологом-лингвистом. А. Н. Самойлович, отдавая предпочтение тюркскому языкознанию, много сделал и для тюркского литературоведения и этнографии. С. Е. Малов, самый близкий ученик В. В. Радлова в последние годы жизни, сосредоточился (по рекомендации своего, как говорил сам Сергей Ефимович, «приватного» учителя) на изучении живых тюркских языков Центральной Азии и Западного Китая, а также на исследовании рунических и уйгурских письменных памятников.

²⁰ О нем см.: «Тюркологический сборник. 1971». М., 1972.

²¹ А. Г. Периханян. Карл Германович Залеман. — «Очерки по истории русского востоковедения», сб. IV. М., 1959, стр. 79—115.

²² «Материалы для биографического словаря действительных членов имп. Академии наук», ч. I, А—Л. Петроград, 1915, стр. 295—298.

Э. К. Пекарский, усилиями В. В. Радлова и К. Г. Залемана вызволенный из якутской ссылки, прибыл в 1905 г. в С.-Петербург, где до конца дней своих работал в области якутской лексикографии, этнографии и фольклора.

Из четырех избранных в течение прошлого столетия членов-корреспондентов Академии наук (Г. И. Спасский, О. И. Сенковский, М. А. Казем-Бек, Н. И. Ильминский) только двое (М. А. Казем-Бек и Н. И. Ильминский) оставили заметный след в истории отечественного тюркского языкознания.

Сказанное дает основание утверждать, что в XIX в. тюркология в России трудами ряда ученых, особенно благодаря многолетней неутомимой собирательской и исследовательской деятельности В. В. Радлова, добилась значительных успехов, хотя их могло бы быть значительно больше. К оценке дооктябрьской тюркологии в России вполне применимы слова В. В. Бартольда: «Обзор русских трудов по изучению Востока показывает, что русской наукой в этом отношении достигнуты, особенно в XIX в., значительные успехи, но что эти успехи большею частью все-таки далеко не соответствуют тем ожиданиям, на которые, казалось бы, дают право географическое положение России, состав ее населения и труд длинного ряда поколений со времени Петра Великого»²³.

* * *

Великая Октябрьская социалистическая революция поставила перед тюркологией, как и перед всей наукой в целом, новые задачи.

Реализация ленинской национальной политики на Советском Востоке потребовала от тюркологов прежде всего решения неотложных проблем культурной революции: замены арабского алфавита более современной азбукой, создания новых алфавитов для бесписьменных языков²⁴, разработки пособий по родному языку для тюркоязычной школы всех ступеней и т. п.

Академия наук в лице С. Ф. Ольденбурга, Н. Я. Марра, В. В. Бартольда, А. Н. Самойловича, С. Е. Малова, Б. Я. Владимирцова, Е. Э. Бертельса вела большую исследовательскую и научно-организационную работу, имевшую целью удовлетворить насущные нужды культурной революции на Советском Востоке.

Новыми задачами были вызваны к жизни новые востоковедные учреждения, старые востоковедные ячейки получили новые планы. В середине 20-х годов текущего столетия в Ленинграде разными аспектами востоковедной работы (в том числе и тюркским языкознанием) занимались следующие учреждения: 1) Азиатский музей Академии наук; 2) Музей антропологии и этнографии при Академии наук; 3) Этнографический отдел Русского музея; 4) Комиссия по изучению племенного состава СССР при Академии наук; 5) Комиссия по изучению производительных сил СССР при Академии наук; 6) Яфетический институт при Академии наук; 7) Академия истории материальной культуры; 8) Институт истории искусств; 9) Эрмитаж; 10) Этнолого-лингвистический факультет Ленинградского государственного университета; 11) Исследовательский инсти-

²³ В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России. Изд. 2-е. Л., 1925, стр. 294.

²⁴ См.: «Сводный протокол совещания по вопросу о приспособлении латинского алфавита к турецким языкам». — «Известия Российской Академии наук», IV серия, 1924, № 12—28, стр. 653—662.

тут сравнительного изучения языков и литератур Запада и Востока при Ленинградском государственном университете²⁵.

В это время востоковедов (в том числе и тюркологов) было очень мало; в штатах большинства названных учреждений значились одни и те же лица.

В Москве, вне системы Академии наук, был создан ряд научно-учебных учреждений, основной целью которых была подготовка национальных научных кадров для Советского Востока. На базе Восточной секции Института языка и литературы Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) и Комиссии по изучению языков и этнических культур народов Востока СССР при Главнауке Наркомпроса РСФСР в июне 1926 г. был создан Институт народов Востока (ИНВ), в организации которого деятельное участие принимал академик Н. Я. Марр. В 1929 г. задачи и цели ИНВ были уточнены, и он получил новое наименование: «Научно-исследовательский институт этнических и национальных культур народов Востока». В 1930 г. этот институт был преобразован в «Научно-исследовательский институт народов Советского Востока» (НИИНСВ), а позднее (в 1931 г.) — в «Институт национальностей СССР».

На Советском Востоке еще в грозные дни гражданской войны были созданы высшие учебные заведения, в организации которых деятельное участие принимали ученые (в том числе и востоковеды) Москвы и Ленинграда. В 1918 г. в Ташкенте был создан Туркестанский Восточный институт, преобразованный в 1924 г. в Восточный факультет Среднеазиатского государственного университета (САГУ).

В эти годы новые востоковедные учреждения возникают в Киеве, Казани, Баку, Владивостоке, Иркутске, Тбилиси, Ереване, Симферополе, Феодосии.

Решение новых государственной важности задач, поставленных перед советским востоковедением в целом и советской тюркологией в особенности, настоятельно требовало объединения усилий немногочисленных ученых и создания специальных организаций.

Сразу же после Октябрьской революции в Петрограде при Академии наук возникли две организации востоковедов: «Радловский кружок» (1918—1930), в который вошли тюркологи и монголисты, и «Коллегия востоковедов» (1921—1930), первое объединение советских востоковедов.

В 1921 г. в Москве при Наркомате национальностей была создана «Всероссийская (с 1923 г. — Всесоюзная) научная ассоциация востоковедения» (ВНАВ, 1921—1930). В 1926 г. в Киеве была организована «Всеукраинская научная ассоциация востоковедения» (ВУНАВ).

После окончания гражданской войны во всех концах нашей Родины возникли общества и организации, имевшие самое непосредственное отношение к различным аспектам тюркологических исследований: Научное общество татароведения (Казань, 1923—1927), Общество изучения Татарстана (Казань, 1928—1930), Общество по обследованию и изучению Азербайджана (Баку, 1923—1929), Общество изучения Чувашского края (Чебоксары, 1921), Общество по изучению Башкирии (Уфа, 1923), Общество изучения Киргизского края (Оренбург, 1921—1929), Общество изучения Казахстана (Оренбург, Кзыл-Орда, 1920), Туркменское общество краеведения (Ашхабад, 1925), Институт туркменской культуры (Туркменкульт, Ашхабад, 1927), Закавказская научная ассоциация по

²⁵ А. Н. Самойлович. Востоковедение в Петрограде. — «Новый Восток», 1922, № 1, стр. 465—466; 1924, № 6, стр. 508—511; «Востоковедение в Петрограде. 1918—1922». Пг., 1923.

изучению Грузии, Армении, Азербайджана и стран Ближнего Востока (Тифлис, 1924), Якутское исследовательское общество «Возрождение Якутии» (Якутск, 1925), Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт краеведения (Нальчик, 1925), Общество изучения чувашской культуры (Москва, 1927), Комплексный научно-исследовательский институт Каракалпакской АССР (Турткуль, 1930).

Настоятельная необходимость объединения усилий многочисленных учреждений, ведущих работу в различных областях тюркологии, выдвинула на повестку дня вопрос о создании координационного центра. С этой целью в апреле 1927 г. В. В. Бартольд был составлен для Совета Народных комиссаров СССР одобренная Президиумом Академии наук СССР «Записка об учреждении Туркологического института для систематизации и объединения туркологических работ самой Академии и тех учреждений, которые пожелают объединить с нею свои туркологические исследования»²⁶.

В результате этой инициативы был создан «Туркологический кабинет» (1928—1930; сокращенно: ТУРК)²⁷, объединивший под председательством В. В. Бартольда всех ленинградских тюркологов, число которых во второй половине 20-х годов пополнилось новой плеядой ученых: Н. К. Дмитриевым, К. К. Юдахиным, А. Д. Новичевым, Х. Джемдет-заде, С. С. Джикия, А. Л. Троицкой, Н. П. Дыренковой, А. К. Боровковым и др.

Важной вехой на пути перехода на новый — латинизированный — алфавит, яркой страницей в истории отечественной тюркологии советской эпохи явился I Всесоюзный тюркологический съезд в Баку (1926)²⁸, в организации которого активно участвовали востоковеды Академии наук СССР²⁹. В целях содействия созыву Туркологического съезда Академией был создан Комитет в составе Н. Я. Марра, В. В. Бартольда, А. Н. Самойловича.

В 1929—1930 гг. в жизни высшего научного учреждения СССР начался новый этап: Академия наук пополнила свои ряды новыми членами (январь—февраль 1929 г.) и получила новый устав (29 мая 1930 г.).

4 апреля 1930 г. Общее собрание Академии наук СССР утвердило предложение о слиянии Азиатского музея, Коллегии востоковедов, Института буддийской культуры и Туркологического кабинета в Институт востоковедения Академии наук СССР.

Одновременно с Институтом востоковедения Академии наук СССР на базе Яфетического института (первоначально — Институт яфетидологических изысканий), основанного Н. Я. Марром в 1921 г., был создан Институт языка и мышления (ИЯМ) Академии наук СССР, носивший после смерти Н. Я. Марра (20 декабря 1934 г.) его имя; в 1951 г. ИЯМ был преобразован в Институт языкознания Академии наук СССР.

Туркологическими исследованиями в Институте востоковедения Академии наук СССР занимались Среднеазиатский и Турецкий кабинеты.

²⁶ «Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР». М., 1972, стр. 413.

²⁷ О программе работ ТУРК'а см.: «Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР», стр. 413—414.

²⁸ Первый Всесоюзный тюркологический съезд 26 февраля—6 марта. Стенографический отчет. Баку, 1926. — В сб.: «В борьбе за новый тюркский алфавит» (к I Тюркологическому съезду). Под общей редакцией М. Павловича. М., 1926.

²⁹ В Архиве Ленинградского Восточного института хранится адресованная ВНАВ (от 21 марта 1924 г.) записка А. Н. Самойловича «О необходимости созыва Туркологического съезда для обсуждения и разрешения неотложных практических вопросов культурно-просветительного значения в жизни Союзных республик и областей с преобладающим турецким (= тюркским. — А. К.) населением».

ты, которыми руководил А. Н. Самойлович. В обоих кабинетах предпочтение отдавалось историко-этнографическим темам. В течение первых десяти лет существования Института востоковедения в планах этих кабинетов фигурировали языковедческие темы: К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь (план 1932 г.), А. К. Боровков. Грамматика узбекского языка (план 1938 г.), А. Н. Кононов. Грамматика турецкого языка (план 1940 г.).

А. Н. Самойлович, несмотря на весьма ответственные научно-организационные обязанности (директор Института востоковедения Академии наук СССР, академик-секретарь Отделения гуманитарных наук, заведующий двумя кабинетами и ряд других), не оставлял своей исследовательской работы, о чем свидетельствует обширный список его трудов этого периода³⁰.

Созданный в 1934 г. Кабинет (позднее — Сектор) тюркских языков Института языка и мышления возглавил С. Е. Малов³¹, которому в разное время помогали С. С. Джикия, А. Н. Кононов и Е. И. Убрятова. Основной темой Кабинета являлось составление словарной картотеки по памятникам древнетюркской письменности, которая позднее вошла в состав «Древнетюркского словаря» (Л., 1969, стр. IV). С. Е. Малов уделял много времени и внимания подготовке новых кадров тюркологов, преимущественно из представителей тюркоязычных народов СССР.

Во время Великой Отечественной войны тюркологи Института востоковедения Академии наук СССР, как и другие востоковеды, были эвакуированы в Ташкент, а тюркологи Института языка и мышления (С. Е. Малов, Е. И. Убрятова) — в Алма-Ату, где работали в содружестве с узбекскими и казахскими учеными, преподавали в высших учебных заведениях.

По возвращении в Ленинград (май 1945 г.) С. Е. Малов организовал в Институте языка и мышления Семинарий по изучению памятников древнетюркской письменности, на который собирались все ленинградские тюркологи. Непременным и деятельным участником семинарских занятий был В. М. Жирмунский (1891—1971).

Семинарий С. Е. Малова дополнялся регулярными (в течение 1945—1949 гг.) собраниями — «Тюркологическими четвергами», проходившими в Турецком кабинете Института востоковедения Академии наук СССР, при постоянном участии С. Е. Малова. В настоящее время в Ленинграде функционирует Семинар тюркологов под председательством А. Д. Новичева.

В послевоенные годы С. Е. Малов издал или подготовил к изданию целую серию трудов, заложивших основу для последующих изысканий в малоисследованных или вовсе неизученных областях тюркского языкознания: 1) Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951; 2) Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952; 3) Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959; 4) Уйгурский язык. Хамийское наречие. Тексты, переводы, словарь. М.—Л., 1954; 5) Лобнорский язык. Тексты, переводы, словарь. Фрунзе, 1956; 6) Язык желтых уйгуров. Словарь и грамматика. Алма-Ата, 1957; 7) Уйгурские наречия Синьцзяна. Тексты, переводы, словарь. М., 1961; 8) Язык желтых уйгуров. Тексты и переводы. М., 1967.

Многолетняя сотрудница С. Е. Малова и его биограф Е. И. Убрятова в числе других своих работ опубликовала две весьма полезные моногра-

³⁰ Ф. Д. Ашнин. Александр Николаевич Самойлович (1880—1938). — «Народы Азии и Африки», 1963, № 2, стр. 243—264; список трудов, стр. 253—263.

³¹ Литературу о нем см.: А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 112.

фии: 1) Очерк истории изучения якутского языка. Якутск, 1945; 2) Исследования по синтаксису якутского языка, I. Простое предложение. М.—Л., 1950; публикация продолжения последней работы ожидается в ближайшее время.

После реорганизации Института востоковедения Академии наук СССР (июль 1950) и создания Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР (1956) немногочисленные тюркологи и монголисты были объединены в Тюрко-монгольском кабинете, которым в настоящее время заведует С. Г. Кляшторный. Последние годы тюркологи-филологи работали преимущественно над двумя важными темами: описанием тюркских рукописей собрания Института востоковедения³² и составлением «Библиографического словаря отечественных тюркологов. Дооктябрьский период» (В. Г. Гузев, Н. А. Дулина, А. Н. Кононов, Ю. А. Ли. М., 1974). Л. Ю. Тугушева занимается описанием древнеуйгурских рукописей. До конца 1973 г. в Кабинете работал В. Г. Гузев, подготовивший впервые на русском языке монографию «Османский язык» (6 п. л., сдана в печать).

С. Г. Кляшторный, крупный специалист по истории древних тюрков, в силу специфики изучаемого им исследовательского материала все чаще выступает как палеограф, переводчик, лингвист³³.

Ю. А. Петросян в своих исследованиях, посвященных «Новым османам» (М., 1958), «Младотурецкому движению» (М., 1971), «Истории просвещения в Турции» (совместно с А. Д. Желтяковым. М., 1965), широко пользуется историко-филологическим методом, обнаруживая при этом глубокое знание истории и современного состояния турецкого языка, а также основных проблем турецкого языкознания в связи с главными этапами формирования турецкой нации, что особенно наглядно проявилось в работе над важным историческим памятником: «Хусейн. Беда'и ул-века'и» («Удивительные события»). Издание текста, введение и общая редакция А. С. Тверитиновой. Аннотированное оглавление и указатели Ю. А. Петросяна, ч. 1—2 (М., 1961).

Л. Я. Медведева занята подробным описанием научного архива С. Е. Малова.

Тюрко-монгольский кабинет начиная с 1967 г. регулярно (последнее время один раз в два года) проводит тюркологические конференции, материалы которых публикуются в «Тюркологических сборниках» (М., 1970, 1971, 1972) и на страницах журнала «Советская тюркология».

Всесоюзным центром тюркологических исследований в области языкознания является Сектор тюркских языков Института языкознания Академии наук СССР (заведующий сектором — Э. Р. Тенишев), предшественником которого была тюркологическая ячейка Московского отделения Института языка и мышления во главе с Н. К. Дмитриевым (1898—1954)³⁴. В ячейку входили Ф. Г. Исхаков, Э. В. Севортян,

³² А. М. Мушинов. Описание уйгурских рукописей Института народов Азии. М., 1962; Л. В. Дмитриева, А. М. Мушинов, С. Н. Муратов. Описание тюркских рукописей Института народов Азии, I. М., 1965; А. Х. Нуриахметов. «Искендер-наме» Ахмеди в рукописных собраниях Ленинграда. — «Краткие сообщения Института народов Азии», № 69. М., 1965, стр. 136—151.

В 1960 г. ИВ АН СССР был переименован в Институт народов Азии АН СССР. В 1968 г. восстановлено прежнее наименование: Институт востоковедения АН СССР.

³³ См., например: С. Г. Кляшторный. Древнейший письменный памятник Второго тюркского каганата. — «Тюркологический сборник. 1972». М., 1973, стр. 411; *его же*. Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии. — Там же, стр. 255—265; *его же*. Монеты с рунической надписью. — Там же, стр. 334—338 и др.

³⁴ В. Д. Аракин. Николай Константинович Дмитриев (1898—1954). Серия: «Замечательные ученые Московского университета», 42. Изд. МГУ, 1972.

Н. А. Баскаков. Здесь была задумана и осуществлена коллективная работа «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков» (I—IV. М., 1955—1962. Редакторы: Н. К. Дмитриев, Н. А. Баскаков, Е. И. Убрятова. Исполнители: Н. А. Баскаков, С. А. Бурнашева, В. Ф. Вещилова, Н. З. Гаджиева, Э. А. Грунина, Н. К. Дмитриев, Ф. Г. Исхаков, А. А. Коклянова, А. А. Пальмбаха, Э. В. Севортян, А. А. Юлдашев).

Фонетика и морфология тувинского языка советской эпохи получили обстоятельное освещение в книге Ф. Г. Исхакова и А. А. Пальмбаха «Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология» (М., 1961).

Сотрудниками Сектора тюркских языков проделана большая исследовательская работа во всех областях тюркского языкознания. Особо следует отметить изыскания в области синтаксиса (Н. З. Гаджиева), исследования и описания малоизученных тюркских языков (саларский, язык желтых уйгуров — Э. Р. Тенишев, кумандинский язык — Н. А. Баскаков, гагаузский — Л. А. Покровская, караимский — К. М. Мусаев), изучение исторической фонетики и морфологии чувашского языка (Л. С. Левитская), исследование сложных форм глагола, изучение проблем тюркской лексикографии и лексикологии (А. А. Юлдашев). Специального упоминания заслуживает многолетняя самоотверженная работа Э. В. Севортяна, которому помогает Л. Г. Серова, над «Этимологическим словарем тюркских языков» (I том — в печати). Большую и плодотворную работу в различных областях тюркского языкознания ведет Н. А. Баскаков. Отвлеченные на важную — редакторскую — работу, успешно продолжают исследовательскую деятельность в области тюркского языкознания Г. Ф. Благова и А. А. Коклянова. Автором солидного и оригинального исследования по синтаксису — «Тюркский трехчлен» (М., 1967) — является сотрудник Сектора Е. А. Поцелуевский.

Для дальнейшего развития тюркологических исследований большое значение будет иметь коллективная работа сотрудников Сектора «Сравнительно-историческая фонетика тюркских языков». Здесь же в течение ряда лет проводится работа над обширной и важной темой «Тюркская диалектология», первые результаты которой представлены в подготовленном к печати сборнике (под редакцией Е. И. Убрятовой) «Диалекты тюркских языков». Сотрудники Сектора активно участвуют в работе над одной из важнейших проблем советского тюркского языкознания — «Атлас диалектов тюркских языков СССР».

Большую и очень нужную работу ведет Ф. Д. Ашнин, книгу которого «Алтайское языкознание. Библиографический указатель литературы по алтайским (тюркским, монгольским и тунгусо-маньчжурским) языкам, изданной в России и СССР. 1726—1970» все алтаисты ждут с понятным нетерпением.

Сектор тюркских языков Института языкознания Академии наук СССР ведет важную работу по подготовке (через аспирантуру) тюркологов-языковедов.

Широко известный своими исследованиями в области общего, финно-угорского и урало-алтайского языкознания Б. А. Серебренников много и плодотворно работает над изучением фонетического и грамматического строя тюркских языков (см., например, его последнюю книгу: «Вероятностные обоснования в компаративистике». М., 1974).

Научный совет по комплексной проблеме «Закономерности развития языков в связи с развитием социалистических наций» (председатель — Ю. Д. Дешериев) много внимания уделяет изучению соответствующих проблем на материале тюркских языков (см., например, сборники: «За-

кономерности развития языков народов СССР в советскую эпоху. Основные процессы внутривидового развития тюркских, финно-угорских и монгольских языков». М., 1969; «Внутривидовое развитие старописьменных языков». М., 1973).

Тюркологи-лингвисты Института востоковедения Академии наук СССР, первым руководителем которых был В. А. Гордлевский (1876—1956)³⁵, около десяти лет занимаются созданием большого (150 п. л.) «Турецко-русского словаря», составителями которого являются А. Н. Баскаков, А. А. Кямилава, К. М. Любимов, Ф. А. Салимзянова, Р. Р. Юсипова; редактор — Л. Н. Старостов. В настоящее время этот труд готовится к печати.

В трудной области сравнительно-исторической лексикологии и грамматики давно и плодотворно работает Э. Н. Наджип; его известные исследования тюркских письменных памятников XIV в.³⁶ знаменуют собою новую ступень в изучении тюркских языков этого сложного, с точки зрения политических и культурно-исторических условий, периода. Всеобщее признание получил фундаментальный «Уйгурско-русский словарь» (М., 1968) Э. Н. Наджипа. Давно подготовлен им к изданию «Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV в.», хронологически продолжающий «Древнетюркский словарь» (Л., 1969).

В Институте востоковедения Академии наук СССР продолжается работа в области турецкого языкознания; представлены в печать труды: Р. Ф. Тарасенко «Словоизменительные аффиксы в тюркских языках», А. Н. Баскакова (ныне сотрудника Института языкознания АН СССР) «Словосочетания в современном турецком языке». Последним подготовлена также работа «Структурные типы словосочетаний и предложений в современном турецком языке». Отдельными проблемами грамматического строя турецкого языка занимаются Л. Н. Старостов, К. М. Любимов, Р. Р. Юсипова. Д. Д. Васильев делает первые успешные шаги в трудной области изучения памятников рунического письма.

Е. И. Маштаковой, литературоведу-тюркологу, принадлежит ряд исследований по турецкой литературе. Ее книга «Михри-хатун. Диван. Критический текст и вступительная статья» (М., 1967) свидетельствует об эрудиции автора — филолога и лингвиста-текстолога³⁷.

Литературоведы — специалисты в области турецкой литературы Л. О. Алькаева, А. А. Бабаев, Х. К. Кяmileв, Н. А. Айзейнштейн, Ф. А. Салимзянова, С. Н. Утургаури — в своих работах широко используют филологические и лингвистические приемы исследования.

А. С. Тверитинова (1910—1973), крупный специалист по средневековой истории Турции, знаток старого турецкого (османского) языка, своими переводами труднейших исторических текстов и комментариями к ним заявила о себе как о высококвалифицированном филологе и лингвисте³⁸.

За свою еще сравнительно короткую исследовательскую биографию И. В. Стеблева сумела сделать достаточно много на нелегком пути изу-

³⁵ В. А. Гордлевский. Избранные сочинения, т. I. М., 1960; т. II. М., 1961; т. III. М., 1962; т. IV. М., 1968.

³⁶ «Хорезми. Мухаббат-наме». Издание текста, транскрипция, перевод и исследование Э. Н. Наджипа. М., 1961; его же. Кыпчакско-огузский литературный язык Мамлюкского Египта XIV века. Докт. дисс. М., 1965; его же. Памятник XIV в. «Нахдж ал-Фарадис». Исследование, словарь (рукопись) и др.

³⁷ См. еще: Е. И. Маштакова. Из истории сатиры и юмора в турецкой литературе (XIV—XVII вв.). М., 1972.

³⁸ См., например, одну из ее последних работ: Книга законов Султана Селима I. Публикация текста, перевод, терминологический комментарий и предисловие А. С. Тверитиновой. М., 1969.

чения древнетюркской поэзии, что позволяет видеть в ней не только хорошо подготовленного литературоведа, но и квалифицированного лингвиста³⁹.

Следует отметить, что московские тюркологи регулярно собираются на свои заседания в Кабинете-библиотеке им. В. А. Гордлевского при Институте востоковедения Академии наук СССР (председатель — Н. А. Баскаков).

Созданный в 1957 г. Алтайский сектор Ленинградского отделения Института языкознания Академии наук СССР (заведующий сектором — О. П. Суник), объединивший тюркологов и тунгусоведов, проделал весьма значительную работу в области алтаистических исследований, организовал в мае 1969 г. в Ленинграде первую алтаистическую конференцию, материалы которой опубликованы в сборнике «Проблема общности алтайских языков» (Л., 1971). Одна из больших коллективно разработываемых тем нашла свое отражение в сборнике «Очерки по сравнительной лексикологии алтайских языков» (Л., 1972). Закончена и ждет издания коллективная монография «Очерки исторической морфологии алтайских языков», готовится к печати «Введение в алтаистику».

Важным событием в истории изучения лексики алтайских языков явится выход в свет коллективного труда «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков» под редакцией В. И. Цинциус (находится в печати).

По общему признанию, издание «Древнетюркского словаря» (Л., 1969) стало подлинным событием в истории советской тюркологии. Его составители — сотрудники Сектора А. К. Боровков (1904—1962)⁴⁰, А. М. Щербак, Д. М. Насилов, И. В. Кормушин, Л. В. Дмитриева, С. Н. Муратов, Н. И. Летягина — известны своими исследованиями в разных областях тюркского языкознания.

В Институте истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР (Новосибирск) под руководством Е. И. Убрятовой ведется работа по изучению народов Сибири⁴¹.

Язык тофаларов, одного из тюркоязычных народов Саяно-Алтайского нагорья, вновь — после работ М. А. Кастрена, Н. Ф. Катанова, Н. П. Дыренковой — начал изучаться молодым ученым В. И. Рассадным, труд которого «Фонетика и лексика тофаларского языка» (Улан-Удэ, 1971) получил ряд одобрительных отзывов.

Институт этнографии Академии наук СССР ведет большую работу по изучению этнографии тюркских народов; в трудах этнографов — А. А. Попова, Л. Э. Коруновской, Л. П. Потапова, С. М. Абрамзона, А. Л. Троицкой и других — нередко исследуются и лингвистические проблемы. Н. П. Дыренкова (род. в 1899 г. — погибла в Ленинграде 28 октября 1941 г.), известный этнограф-тюрколог, успешно работала в области языкознания; ей принадлежат: «Грамматика ойротского языка» (М.—Л., 1940), «Грамматика шорского языка» (М.—Л., 1941), «Грамматика хакасского языка» (Абакан, 1948), «Тофаларский язык» (В сб. «Тюркологические исследования». М.—Л., 1963). На стыке этнографии, археологии и языкознания работает А. Д. Грач; см., например, его книгу «Древнетюркские изваяния Тувы» (1961). Историк-этнограф Д. Е. Еремеев в своей книге «Этногенез турок» (М., 1971) анализирует ряд спе-

³⁹ И. В. Стеблева. Развитие тюркских поэтических форм в XI веке. М., 1971; «Захир ад-дин Мухаммад Бабур. Трактат об арузе». Факсимиле рукописи, издание текста, вступительная статья и указатели И. В. Стеблевой. М., 1973.

⁴⁰ Э. В. Севортыан. Памяти А. К. Боровкова. — «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка». 1962, вып. 2, стр. 171—175.

⁴¹ Сб. «Фонетика и морфология языков народов Сибири». Новосибирск, 1972.

циальных лингвистических проблем, связанных с генеральной темой — язык и нация.

Сотрудники Института мировой литературы им. А. М. Горького (ИМЛИ, Москва), литературоведы-тюркологи А. А. Валитова и Х. Г. Короглы в своей работе широко используют филологические и лингвистические методы исследования старой и новой письменной литературы и фольклора. А. А. Валитова в течение ряда лет занималась составлением критического текста знаменитой поэмы Юсуфа Баласагунского «Кутадгу-билиг»⁴² (XI в.). Х. Г. Короглы давно зарекомендовал себя как сведущий филолог⁴³.

Успешно развивается изучение башкирского⁴⁴, татарского⁴⁵, кумыкского⁴⁶, якутского⁴⁷ языков в институтах истории, языка, литературы Башкирского (Уфа), Дагестанского (Махачкала), Казанского филиалов Академии наук СССР и в Якутском филиале (Якутск) Сибирского отделения Академии наук СССР.

Основанный в 1970 г. в Баку журнал «Советская тюркология», орган Академии наук СССР и Академии наук Азербайджанской ССР, играет важную роль в развитии отечественной тюркологии, публикуя на своих страницах результаты исследований, материалы, информацию и отклики на все мероприятия, связанные с историей и современным положением тюркологической науки.

В конце двадцатых—начале тридцатых годов в республиках и автономных областях Советского Востока Комитетом наук были созданы филиалы Академии наук СССР, впоследствии преобразованные в республиканские академии наук. Деятельное участие в их организации принимали русские тюркологи: А. Н. Самойлович, С. Е. Малов, А. А. Семенов, Н. К. Дмитриев, Е. Э. Бертельс, А. П. Поцелуевский, К. К. Юдахин, А. К. Боровков и др.

* * *

Тюркское языкознание за 250 лет существования Академии наук прошло огромный путь — от собирания, накопления преимущественно лексического материала (главным образом по тюркским языкам Поволжья, Сибири, Кавказа и, отчасти, Средней Азии) до строго научного исследования истории и современного состояния лексики, фонетики, грамматики всех тюркских языков.

Послеоктябрьский период развития отечественного языкознания в Советском Союзе знаменуется расширением круга ученых-тюркологов.

⁴² А. А. Валитова. К изданию критического текста и перевода «Кутадгу-билиг». — «Краткие сообщения Института народов Азии». XLIV, 1961, стр. 77—88.

⁴³ См., например: Х. Г. Короглы. Дастанный эпос туркменского народа. — «Труды Института языка и литературы Академии наук Туркменской ССР». Ашхабад, 1956, вып. 1; *его же*. Туркменская литература. М., 1972.

⁴⁴ «Башкирско-русский словарь». М., 1958; «Вопросы башкирской филологии». М., 1959; Т. М. Гарипов. Башкирское именное словообразование. Уфа, 1959; К. З. Ахмеров. Из истории башкирской письменности (история алфавита и орфографии башкирского литературного языка). Уфа, 1972.

⁴⁵ «Диалектологический словарь татарского языка». Казань, 1969 (на татарск. яз.); «Современный татарский литературный язык. Лексикология, фонетика, морфология». М., 1969; «Современный татарский литературный язык. Синтаксис». М., 1971; «Татарско-русский словарь». М., 1966.

⁴⁶ «Кумыкско-русский словарь». М., 1969.

⁴⁷ Е. И. Коркина. Наклонения глагола в якутском языке. М., 1970; «Якутско-русский словарь». М., 1972; «О. Н. Бётлингк и его труд „О языке якутов“. (Материалы конференции, посвященной 120-летию выхода в свет труда О. Н. Бётлингка „О языке якутов“»). Якутск, 1973.

К тюркологическим исследованиям во все возрастающем масштабе привлекаются представители тюркоязычных народов и народностей; во всех тюркоязычных республиках и областях созданы специальные институты, изучающие местные тюркские языки.

Советский период развития отечественной тюркологии характеризуется рядом специфических особенностей, к числу которых в первую очередь относятся: новая методология и методика тюркологических исследований, введение в научный обиход новых материалов, расширение круга исследуемых проблем, новое научное истолкование старых проблем.

За последние пятьдесят лет получили развитие и старые традиционные области тюркологии.

Тюркская лексикография и лексикология характеризуются теперь наличием разного типа словарей по всем тюркским языкам.

Изучение тюркской фонетики и фонологии характеризуется углубленным анализом звукового строя тюркских языков в сравнительно-историческом, фонологическом и экспериментальном аспектах. В исследовании морфологии тюркских языков, наряду с выяснением формальных сторон, все большее значение приобретает исследование семантики грамматических форм и отдельных грамматических категорий в их взаимосвязанности. Последние годы характеризуются повышенным вниманием к исторической грамматике отдельных тюркских языков. Исследование ряда проблем морфологии тюркских языков (частей речи, глагольных видов, перифрастических форм глагола, аналитических форм глагола, состава словопроизводящих аффиксов, вопросов словообразования) является почти целиком заслугой советских тюркологов.

Изучение синтаксиса тюркских языков по существу началось только четверть века тому назад. При разработке этой большой и важной темы особое внимание уделялось и уделяется разграничению синтаксических единиц — учеными исследуются словосочетание и предложение, сложное предложение в его делении на главное и придаточное, критерии определения состава предложения, синтаксические функции причастий, деепричастий, глагольно-именных (масдарных) конструкций и т. п.

Монографическое описание получили диалекты и их разновидности почти всех тюркских языков Советского Союза. Составлено большое число диалектологических словарей. По диалектологии азербайджанского, татарского, киргизского, казахского языков написаны обобщающие исследования. Проводится необходимая подготовительная работа для создания «Атласа тюркских языков СССР».

Широким фронтом ведется работа по изучению памятников тюркских языков рунического, уйгурского, арабского письма. Многое сделано в области грамматического и филологического исследования всех старых и вновь открытых памятников. Проектируется издание корпуса памятников рунической письменности.

Решением Президиума Академии наук СССР (от 11 октября 1973 г.) при Отделении литературы и языка создан Советский комитет тюркологов⁴⁸, призванный всемерно способствовать координации и кооперации работ в области тюркского языкознания.

---

⁴⁸ О нем см.: «Советская тюркология», 1974, № 2.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Г. Г. ДЖАФАРОВ

ТЕРМИНЫ РОДСТВА В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ И ГРАММАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ЯЗЫКА

(НА МАТЕРИАЛЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

При изучении лексики, пожалуй, чаще всего идеи и методы системно-структурной лингвистики, в том числе понятие семантического поля, применялись к терминам родства¹.

Анализ терминологии родства как семантической системы до сих пор осуществлялся двумя путями: либо методом компонентного анализа в связи с естественным происхождением людей, но в отрыве от социальной структуры, либо же методом структурного анализа — в связи с социальной структурой, но в отрыве от «биологии» (естественного происхождения)². Между тем эти два аспекта теснейшим образом связаны друг с другом. Кроме того, термины родства интересны не только тем, что они образуют особую семантическую систему, но и своим участием в общей системе и грамматической структуре языка.

Общим для терминов родства является то, что все они выражают отношение. «Отношение, — пишет Джон Локк, — есть способ сравнения или рассмотрения двух вещей вместе и присвоения имени на основании этого сравнения одной или обеим, иногда даже самому отношению»³. Слова, выражающие отношение, называются относительными словами. «Относительные слова, помимо того, что они имеют очевидный признак отношения, как бы объясняют друг друга и способны существовать только вместе»⁴. Термины родства представляют собой разновидность относительных слов.

Языковая практика показывает, что терминами родства, как правило, обозначают родственников. Однако, поскольку родственники — это люди, имеющие и собственные имена, возникает вопрос: что же является объектом обозначения терминов родства: сами родственники или

¹ См.: A. F. C. Wallace and J. Atkins. The Meaning of kinship terms. — «American Anthropologist», vol. 62, 1960, стр. 58—60; T. G. Lounsbury. A formal account of the Grow and Omaha kinship terminology. — «Explorations in Cultural anthropology. Essays in honor of George Peter Murdock», ed. Ward H. Goodenough. New York, 1964, стр. 351—393; *его же*. The structural analysis of kinship semantics. — «Proceedings of the ninth international congress of linguistics», ed. Horace G. Lunt. Cambridge, 1962, стр. 1073—1090; У. Вейнрейх. О семантической структуре языка. — В сб.: «Новое в лингвистике», V. М., 1970, стр. 241; С. Ульманн. Семантические универсалии. — Там же, стр. 288; M. J. Lief. The Punjabi kinship terminology as a semantic system. — «American Anthropologist», vol. 73, 1971, № 3, стр. 546.

² M. J. Lief. Указ. раб., стр. 545.

³ Дж. Локк. Избранные философские произведения, т. I. М., 1960, стр. 325.

⁴ Там же, стр. 323.

же только их родственные отношения? Этот вопрос связан с более общей проблемой значения и обозначения слова вообще. Значение слова, в том числе терминов родства, не ограничивается тем или иным местом и временем, не носит ситуативного характера. Обозначение же слова всегда обусловлено определенным местом и временем и носит ситуативный характер. Значение слова охватывает то общее, что имеется в отдельных актах обозначения. Но в случае с терминами родства в связи с их своеобразием вопрос несколько осложняется⁵.

Термин родства обозначает объект не по внутренним качествам или свойствам последнего⁶, а в зависимости от его отношения к чему-то внешнему. Как и всякое относительное слово, любой термин родства предполагает сравнение. В соответствии с приведенными выше словами Дж. Локка относительные слова (в том числе термины родства) подразделяются на три разряда: индивидуализирующие, то есть обозначающие только одну из сравниваемых сторон (например, русск. *отец, мать, брат, сестра*), обоюдные, или идентифицирующие, то есть обозначающие обе стороны сразу (например, азерб. *бачанаг* 'свояк'; *гуда* 'родитель одного из супругов по отношению к родителям другого супруга'; *елли* — взаимное название для жен двух и более братьев по отношению друг к другу), и термины, обозначающие само родственное отношение (например, русск. *отцовство, материнство, братство*).

До последнего времени исследователи терминов родства обращали внимание преимущественно на слова первой категории и отчасти на обоюдные термины родства. Между тем подробного рассмотрения заслуживают термины родства всех категорий. При этом следовало бы говорить скорее не о терминах родства вообще, а о двух категориях слов, имеющих отношение к родству. Одна из них обозначает родственников через соответствующие отношения, называемые родственными, другая же не связана непосредственно с обозначением родственников. Слова второй категории выражают понятие о родстве, связанное с тем или иным конкретным понятием о родственнике определенной степени родства.

Дж. Локк считал, что слова типа *отец* и *отцовство* имеют одну и ту же понятийную основу: «У всех наших простых идей есть и отвлеченные, и конкретные названия. Первые (если выразиться языком грамматистов) суть существительные, вторые — прилагательные, как, например, „белизна — белый“, „сладость — сладкий“. То же самое относится к нашим идеям модусов и отношений, как, например, „справедливость — справедливый“, „равенство — равный“, с той лишь разницей, что конкретные названия отношений, преимущественно между людьми, суть существительные, как, например, „отцовство — отец”»⁷. Сопоставление этих конкретных и абстрактных названий с аналогичными языковыми фактами чрезвычайно ценно с точки зрения выяснения семантической

⁵ По вопросу о значении и обозначении терминов родства см.: *M. J. Lief*. Указ. раб., стр. 545, 549, 554; *А. В. Исаченко*. О грамматическом значении. — «Вопросы языкознания», 1961, № 1, стр. 33; *А. И. Моисеев*. Термины родства в современном русском языке. — «Филологические науки», 1963, № 3, стр. 120; *С. Д. Кацнельсон*. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, стр. 135.

⁶ Ср. *M. J. Lief*. Указ. раб., стр. 549: «Терминологии не содержат никакой личной информации».

⁷ *Дж. Локк*. Указ. раб., стр. 468. Д. Шнейдер отличает термины родства от терминов для родственников (см.: *David M. Schneider*. American kin terms and Terms for kinsmen: A Critique of Goodenough's Componential Analysis of Yankee kinship Terms. — «American Anthropologist», p. 2, vol. 67, 1965, № 5. Formal Semantic Analysis, стр. 292), но под последними он подразумевает термины родства описательного характера (типа).

природы терминов родства. Учитывая высокую степень дифференциации словообразовательных моделей в соответствующей области русского языка, мы воспользуемся фактами последнего:

I. Термины родства: *брат — братство, вдова/вдовец — вдовство, жена — *женство* (ср. *женственность*), *мать — материнство, муж — мужество, отец — отцовство*.

II. Слова, выражающие общее родство: *потомок — потомство, род — родство, свой — свойство, семья — семейство*.

III. Обозначения лиц по признаку пола и возраста: *дева — девство* (ср. *девственность*), *дитя — детство, отрок — отрочество, ребенок — ребячество, старик — старчество, юноша — юношество*.

IV. Слова из других пластов лексики: *высок(ий) — высочество, герой — геройство, дурак — дурачество, знакомый — знакомство, удалой — удалство*.

В результате этого сопоставления как бы просвечивается исторически признаковый характер терминов родства (именами существительными они стали позднее; как увидим в дальнейшем, субстантивная функция употребления не свойственна терминам родства). Данная особенность терминов родства до сих пор проявляется в их своеобразном сочетании с именами собственными: по отношению к последним термины родства выполняют либо предикативную, либо атрибутивную функцию.

I. ТИПЫ СЕМАНТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ ТЕРМИНАМИ РОДСТВА ВНУТРИ СООТВЕТСТВУЮЩЕЙ СИСТЕМЫ

Семантические отношения между терминами родства могут описываться в рамках семантического поля или семантической системы. Семантическое поле — это единство взаимно связанных понятий, отличающихся друг от друга исключительно негативно. Семантическая система — это единство взаимно связанных языковых единиц со сложной внутренней организацией (значение+звучание), которые отличаются друг от друга позитивно. Эти единицы различаются и негативно, внешними признаками, то есть и своим звуковым обликом⁸, однако эта сторона не находит отражения в «шкале значимости»⁹. Все то, что характеризует семантическое поле, входит и в число атрибутов семантической системы. Последняя характеризуется также специфическими, не идущими от семантического поля, свойствами.

Единство семантической системы обеспечивается следующими факторами: 1) однородностью категории фактов, которые подлежат мыслительному и словесному отражению общественным сознанием; 2) характером отношения элементов семантической системы к фактам опыта, то есть способом обозначения последних; 3) характером взаимоотношения элементов семантической системы; 4) способом образования значений этих элементов и характером функционирования их в языке. «Позиции, образующие терминологию родства, являются более общими родовыми (категориальными) семантическими понятиями. Термин родства, как отметил Шнейдер, не является только термином для обозначения родственника»¹⁰. Более того, термины только для обозначения родственника не являются терминами родства в точном смысле этого слова. Подобные слова содержат информацию о категории лица, что не свойствен-

⁸ Ср.: Фердинанд де Соссюр. Курс общей лингвистики. М.—Л., 1933, стр. 116—120.

⁹ М. J. Lieř. Указ. раб., стр. 554.

¹⁰ С. Ульманн. Указ. раб., стр. 288.

но терминам родства. Таких слов в русском два — *родственник (-ца)* и *свойственник (-ца)*. В азербайджанском же языке соответствующие слова отсутствуют вообще.

Термины родства как элементы одной и той же семантической системы связаны друг с другом двояко. Во-первых, наличие одного термина в семантической системе определяет наличие другого, что составляет особенность всех относительных слов. В этом случае каждый термин негативно, только своим присутствием в семантической системе, определяет значимость другого термина. Здесь важна лишь принадлежность терминов к одному и тому же типу. Как отмечал М. С. Эдмонсон, «наличие одного термина определенного типа в данной системе предполагает наличие других терминов того же общего типа: термины по родительской линии предполагают наличие терминов по детской линии»¹¹.

Во-вторых, при помощи одних терминов родства наделяются значением другие, об этом говорит и сама возможность толкования значений терминов родства. Такая связь основана на том, что обозначению объекта отдельным словесным знаком всегда предшествует его обозначение посредством сочетаний слов, предложений и даже текстов¹². При всем их количественном и качественном различии между ними имеется нечто общее — все они выполняют функцию обозначения родства: одни — путем описания (непроизвольно, мотивированно, эксплицитно), другие — путем произвольного выражения (немотивированно, имплицитно). Тем не менее в семантической системе терминов родства определенную позицию занимает только словесное выражение понятия родства (описательными и произвольными терминами, имеющими генетическую общность¹³).

А. И. Моисеев на материале русского языка исследовал типы соотносительностей между терминами родства и типы толкования их значений. По наблюдению автора, типы соотносительностей между терминами родства в основном сводятся к следующим: 1) встречаемая относительность — соотносительность: каждому термину, называющему какое-либо лицо по его отношению к другим лицам, соответствуют строго определенные термины, обозначающие этих лиц в их отношении к данному лицу; 2) родовая (или косвенная) соотносительность — по значению слов, обозначающих лиц мужского и женского пола¹⁴.

Количество видов соотносительностей может колебаться в разных языках и различных исторических состояниях одного и того же языка. Так, например, в древнетюркском относительность между словами *aqa*

¹¹ Munro S. Edmonson. Kinship Terms and kinship Concepts. — «American Anthropologist», 1930, vol. 30, № 17, стр. 406.

¹² О соотношении терминов родства и их толковании см. еще: Uriel Weinreich. Travels through semantic space. — «Word», 1958, vol. 14, № 2—3, стр. 362. Идея о том, что обозначению объекта посредством словесного знака и возникновению всякого нового слова всегда предшествует описание (выражение) этого объекта при помощи уже готовых (наличных) словесных средств, производит впечатление новой в контексте семантических исследований. Эта идея пронизывает, например, одну из последних работ У. Вейнрейха (см.: U. Weinreich. Explorations in semantic Theory. The Hague-Paris, 1972). Однако такое понимание семантических процессов в более общем виде содержится в сосюрювской концепции о предшествовании всякому факту языка соответствующего факта речи.

¹³ Часть современных произвольных терминов родства восходит к историческим определениям родства (см.: Suzanne Ohman. Wortinhalt und Weltbild. Stockholm, 1951, стр. 159).

¹⁴ А. И. Моисеев. Термины родства в современном русском языке. — «Филологические науки», 1963, № 3, стр. 123—125.

‘старший брат’ и *ini* ‘младший брат’¹⁵ основывается на признаке возраста (тип встречной соотносительности).

Кроме этого, существует еще третий тип относительности, его можно назвать последовательной, или нумеративной, относительностью. Суть ее сводится к тому, что каждый термин вместе с сопровождающим его понятием служит основой для возникновения следующего термина (вместе с соответствующим понятием). Например: *отец* → *дед* (отец отца) → *прадед* (отец деда) и т. д. Однако этот тип относительности не образует соотносительности, поскольку носит линейный характер.

Не все термины родства являются членами соотносительных пар. Например, так называемые обоюдные термины родства (азерб. *бачанаг*, *елти*, *гуза*) лишены семантических коррелятов. В этом случае пол и степень родства обозначаемых родственников совпадают. Такие термины являются (в отличие от обычных индивидуализирующих терминов родства) классифицирующими. Классифицирующими могут оказаться и относительно-индивидуализирующие термины родства, если они обозначают лиц одного пола и одной степени родства. Ср. *Гардаш гардашы истгэсэди, аллахын да гардашы оларды* ‘Если бы брат любил брата (то есть братья любили бы друг друга), то и бог имел бы брата’ (Пословица); *Дөрд гардаш бир гујуја даш атыр* ‘Четыре брата ищут камни в один колодец’ (Загадка). Однако это — факт речи, а не языка.

За исключением немногих отмеченных случаев, соотносительность пронизывает всю систему терминов родства. Из всех видов соотносительностей наиболее устойчива и особенно интересна встречная соотносительность. В ее рамках сопоставляются и противопоставляются термины родства вместе с выраженными ими степенями родства на основании несовпадения, диаметральной противоположности соответствующих им оснований родства. Обязательным условием всех видов соотносительностей является принадлежность выражаемых противопоставленными терминами понятий к одной и той же сфере опыта (к одной и той же сфере родства — кровного или свойственного и к одной и той же линии родства — прямой или боковой). Ср. *Оғуллар аганы, гызлар ананы, кэлинлэр дэ гайнананы бэјәнмэз* (Аббас Туфарганлы) ‘Сыновьям — отцы, дочерям — матери и невесткам — свекрови (обычно) не нравятся’ (*оғул* и *ата*, *гыз* и *ана* принадлежат к терминам кровного родства; *кэлин* и *гајнана* — к терминам свойственного родства); *Бачы-оғлудур, һагг алмаз, дајыдыр, диши верэр* (Поговорка) ‘[Дядя думает:] ведь он сын сестры, не потребует [от меня] мзды [за услугу], [племянник думает:] ведь он дядя по матери, [за услугу] даст [мне] самку (о скоте)’ (*бачыоғлу* и *дајы* принадлежат к терминам первой боковой линии кровного родства).

Подобная дифференциация терминов родства сохраняет силу и при толковании терминов родства, дублируясь описательными терминами.

Встречная соотносительность носит симметричный характер: каждый из соотносящихся терминов включает в свое значение равное количество признаков [например, *отец* = «родитель» + «мужчина» — *сын*: «дитя» + «мужчина» («мальчик»); *мать* = «родитель» + «женщина» — *дочь*: «дитя» + «женщина» («девочка»)], точнее — признаки степени

¹⁵ См.: «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 48. Отсюда можно сделать заключение, что в древнетюркском имелись и соответствующие «женские» термины в значениях «старшая сестра» и «младшая сестра», хотя этот факт и не нашел отражения в словарях.

родства и пола¹⁶. Отсюда видно, что внешняя соотносительность между отдельными терминами родства имеет более глубокие семантические основания, связанные с формированием этих терминов и компонентов их значения.

Косвенная (родовая) соотносительность противопоставляет термины по следующему принципу: объекты обозначения соотносящихся терминов имеют единое основание родства. Их отличает только несовместимость рода (пола). Например, термины *отец* и *мать* выражают одну и ту же степень родства, основанием которой служат общие дети.

Встречный и косвенный (родовой) типы соотносительностей взаимно симметричны и параллельны. Встречные корреляты терминов, между которыми существует отношение родовой (косвенной) соотносительности, также находятся в отношении родовой соотносительности. Например, термины родства *бабушка* и *дедушка* состоят в отношении косвенной соотносительности; их корреляты по встречной соотносительности — *внучка* и *внук* — связаны тем же отношением.

Встречный и косвенный типы соотносительностей взаимно дополняют друг друга: за исключением одного случая (термины *муж* и *жена*), соотносительность между терминами родства бывает только двух типов — либо встречная, либо косвенная. Однако есть области терминологии родства, где отношение между терминами основывается на нумеративной относительности. Последняя делает возможным исчисление значений одних терминов посредством значений других.

А. И. Моисеев указывает следующие способы толкования терминов родства: 1) толкование через другие термины родства (относительный тип): *дед* — отец отца или матери; 2) толкование частично через другие термины родства и частично с помощью слов, не принадлежащих к терминологии родства (частично относительный тип): *отец* — мужчина по отношению к своим детям; 3) толкование с помощью слов, не принадлежащих к терминологии родства (безотносительный тип толкования): *муж* — мужчина по отношению к женщине, с которой он состоит в браке¹⁷.

Однако не все из указанных способов пригодны для толкования всех терминов родства. Кроме того, не ко всем терминам применимы все три типа толкования. Например, первый тип восходит к повседневной практике толкования терминов более отдаленных степеней родства при помощи терминов родства более близких степеней.

В каждом языке имеются такие термины родства, которые не могут быть объяснены при помощи других терминов родства, но сами они необходимы для толкования и образования некоторых из последних. Термины родства в зависимости от типа толкования могут быть отнесены либо к первичным (ядерным), либо ко вторичным (производным). К первичным (ядерным) относятся: из терминов кровного родства — *отец, мать, сын, дочь, брат, сестра*; из терминов свойственного родства — *муж, жена*.

¹⁶ Ср.: «В очень „терминологизованных“ областях (таких, как имена родства или названия цветов спектра) одни и те же различающие семантические компоненты встречаются в составе многочисленных знаков» (У. Вейнрейх. О семантической структуре языка, стр. 218); «Общее количество различительных признаков в каждом ряду невелико (меньше числа членов ряда)» (В. Д. Черняк. О применении компонентного анализа в исследовании синонимов. — В сб.: «Филологические науки». Л., 1970, стр. 203). Следовательно, в отношении к соотносительным парам терминов родства число различительных признаков должно равняться одному.

¹⁷ А. И. Моисеев. Типы толкования терминов родства в словарях современного русского языка. — «Лексикографический сборник», вып. V. М., 1962, стр. 122—123.

С помощью этих слов можно так или иначе определить (или истолковать) прочие термины родства. Сами же они в обычной языковой ситуации ни в каком толковании не нуждаются: их смысл эмпирически известен любому носителю языка; необходимость в их толковании может возникнуть только в лингвистических целях, что осуществляется при помощи слов более общего значения (второй и третий типы толкования). А это значит, что семантика даже первичных (ядерных) терминов родства неразрывно связана с семантикой прочих слов и выражений (и еще шире — объяснительных предложений) языка.

Толкование одних терминов родства посредством других осуществляется лишь в одном направлении, и, следовательно, между значениями терминов родства существует известная семантическая и значимостная иерархия.

Ниже мы рассмотрим семантическую систему терминов родства в азербайджанском языке с точки зрения их иерархии и типов толкования их значений.

А. Исходные (ядерные) термины кровного родства: *ата* 'отец' = «родитель» + «мужчина»; *ана* 'мать' = «родитель» + «женщина»; *оғул* 'сын' = «дитя» + «мальчик»; *гыз* 'дочь' = «дитя» + «девочка»; *гардаш* 'брат' = «рожденный от одних родителей» + «мальчик»; *бачы* 'сестра' = «рожденная от одних родителей» + «девочка»¹⁸.

Б. Исходные (ядерные) термины свойственного родства: *эр* 'муж' = «член брачной пары» + «мужчина»; *арвад* 'жена' = «член брачной пары» + «женщина».

а) Производные термины прямой линии кровного родства: *баба* 'дед' = «отец отца или матери»; *нәнә* 'бабушка' = «мать отца или матери»; *нәвә* 'внук (-чка)' = «ребенок сына или дочери»; *нәтичә* 'правнук (-чка)' = «ребенок внука (-чки)»; *көтүчә* 'праправнук (-чка)' = «ребенок правнука (-чки)»; *јадыча* 'прапраправнук (-чка)' = «ребенок праправнука (-чки)»; *өтүчә* 'прапрапраправнук (-чка)' = «ребенок прапраправнука (-чки)»; *једдиархадәнән* 'седьмое колено' = «ребенок прапрапраправнука (-чки)».

б) Производные термины первой боковой линии кровного родства: *дајы* 'дядя по матери' = «брат матери»; *әми* 'дядя по отцу' = «брат отца»; *хала* 'тетка по матери' = «сестра матери»; *биби* 'тетка по отцу' = «сестра отца».

в) Производные термины свойственного родства: *гајнана* 'теща', 'свекровь' = «мать жены или мужа»; *гајната* 'тесть', 'свекор' = «отец жены или мужа»; *гајын* 'шурин', 'деверь' = «брат жены или мужа»; *балдыз* 'свояченица', 'золовка' = «сестра жены или мужа»; *күрәкән* 'зять' = «муж дочери»; *кәлин* 'невестка', 'сноха' = «жена сына»; *језнә* 'зять' = «муж сестры»; *јенкә* (ист., диал.) = «жена брата» (ср. лит. *гардашарвады* 'жена брата').

Таким образом, значения терминов родства образуют семантический континуум (последовательный ряд семантических отношений)¹⁹.

¹⁸ Как видно из способа толкования терминов *гардаш* 'брат' и *бачы* 'сестра', их семантика включает указания на общих родителей, что характеризует их как несходные, производные в семантическом отношении термины. Однако их общеупотребительность и способность выступать семантическим компонентом многих ядерных терминов родства позволяют причислить эти термины к исходным.

¹⁹ О понятии «семантическая непрерывность» У. Вейнрейх пишет: «Семантическая система называется непрерывной, если для всякого знака А (С₁, С₂ ... С_n) имеется знак А' с десигнатом (С'₁, С'₂ ... С'_n), то есть с десигнатом, который получается из десигната знака А изменением одного компонента» (У. Вейнрейх. О семантической структуре языка, стр. 219).

Как отмечает А. Уоллес, значение классифицирующего термина связано с характеристикой объекта; значение же относительного термина определяется правилами исчисления: *дядя* — это тот родственник, который может быть узан (исчислен) с помощью последовательности отношений²⁰.

В этом отношении термины родства напоминают имена числительные. Кто не имеет понятия о числительных *три* и *десять*, тот не может иметь понятия и о числительных *четыре* и *тринадцать*. Точно так же не имеющий понятия об *отце* и *брате* не может иметь представления и о *деде* и *дяде* и т. д. Но и в том и в другом случаях, несмотря на идентичность путей получения новых понятий на основании уже известных, способ их обозначения может колебаться от случая к случаю. Обозначение нового понятия может найти воплощение в совершенно новом в семантико-фонематическом отношении слове; например, *эми* 'дядя по отцу' в отличие от *атанын гардашы* 'брат отца' (но ср. *гардашоғлу* 'сын брата') и *дөрд* 'четыре' в отличие от *үч үстәкәл бир* 'три плюс один' (но ср. *он бир* 'одиннадцать'). Употребление терминов родства, значения которых связаны нумеративным отношением, напоминает употребление в речи последовательного ряда имен числительных. Ср. *Сизә елә бир сәрвәт вермишәм ки, онун бәһрәси нәвәнизә, нәтичәнизә, көтүчәнизә дә бәс едәчәкдир* (Газ. «Азәрбајчан кәнчләри») 'Я вам дал такое богатство, плодов которого хватит и внукам, и правнукам, и праправнукам вашим'.

Следовательно, не всегда возникает необходимость в закреплении за каждым новым понятием нового слова. В этом случае важно другое, а именно то, что сам способ обозначения носит системный характер. Так, наличие числительного *он бир* 'одиннадцать' обуславливает повторение того же словообразовательно-семантического типа вплоть до *он доғгуз* 'девятнадцать'. Подобным же образом употребление одноставного (произвольного) знака *эми* предполагает употребление терминов *дајы*, *биби* и *хала*. В противовес этому термины, состоящие с вышеназванными в отношении встречной соотносительности (*гардашоғлу*, *гардашыгызы*, *бачыоғлу*, *бачыгызы*), имеют системно описательный характер и представляют собой разные комбинации (по определенному стандарту) других исходных терминов родства: *гардаш*, *бачы*, *оғул* и *гыз*.

Термины первого и второго типов, ничем не различаясь в плане объекта обозначения, различаются по способу обозначения, мотивации, внутренней форме. Так, слово *гардаш* допускает толкование *Һәмин ата-ананын оғлу* 'сын тех же отца-матери' (ср. *Әр елдән кәлиб, оғул белдән кәлиб, һарај өз атам оғлу!* 'Муж приходит со стороны (букв. «из народа»), сын — посредством зачатия (букв. «от спинного хребта») — [другое дело] сын моего отца!' (Поговорка); термин же *гардашоғлу* не допускает никаких иных толкований, его значение ясно из сложения значений исходных данных: *гардаш* 'брат' + *оғул* 'сын' + понятие принадлежности.

Любые толкования значений терминов родства носят идентичный характер, ибо они описывают основания родства. Способ толкования значения термина родства составляет основу формирования значения термина. Соотносительность с другими терминами, в свою очередь, определяет значимость термина. При этом как об основании родства, так и о

²⁰ Anthony F. C. Wallace. A relational analysis of American kinship terminology. — «American Anthropologist», vol. 72, 1970, № 4, стр. 844. Поэтому ни один из терминов родства не является типичным термином. Значение термина родства не связано с характеристикой объекта (см. ниже).

значении и значимости термина родства можно говорить лишь постольку, поскольку в системе языка имеется соответствующая единица, обладающая индивидуальной неповторимостью в семантико-фонетическом отношении и в силу этого не могущая быть смешанной ни с одной другой единицей данного языка.

II. ТЕРМИНЫ РОДСТВА В ГРАММАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ЯЗЫКА

В большинстве известных автору работ терминология родства рассматривается в отрыве от речи, в изоляции от живого языкового употребления. Однако даже тот объект, который отображается системой терминов родства и составляет «психологическую реальность»²¹, или, другими словами, система понятий, лежащих в основе системы родства, — является результатом функционирования языка. Более того, все семантические особенности терминов родства, рассмотренные выше, имеют непосредственное отношение к семантической системе языка в целом. Не меньший интерес представляют речеобразующие особенности терминов родства, их взаимоотношения со словами иной категориальной принадлежности.

В общей цепи языковых употреблений терминам родства свойственны следующие основные взаимосвязанные функции: а) предикативного слова; б) атрибутивного слова; в) субстантивированного слова; г) имени существительного, требующего предиката и атрибута; д) обращения, соответствующего собственному имени и индивидуализирующего лицо.

Термины родства в функции предиката. Возникновение терминов родства объясняется не необходимостью обозначения внелингвистических реалий (человеческих существ), а требованиями предикации, составляющей их первичную (и первоначальную) функцию. Для обозначения лиц в языке существуют слова иной категориальной принадлежности — собственные имена. Термины родства являются предикативными словами, поскольку их значение носит признаковый характер и направлено на соотносящиеся стороны. Все, что характеризует предикативное значение слова вообще, относится и к термину родства. «Предикат никогда не выражает отношения в чистом виде; к выражаемому отношению всегда добавляется указание на предикандум, возводимый предикатом в субъекты... Предикативное значение — это, следовательно, векторная величина, в которой задана вместе с содержанием определенная направленность на субъект»²².

Прообразами терминов родства в функции предиката являются слова, выражающие общее родство, то есть общее отношение, не сводящееся к той или иной конкретной степени родства. Ср. азерб. *gohum* 'родной', 'родственник'; *özününü* 'свой', состоящие в отношении встречной соотносительности со словами *jad* 'чужой', *özke* 'чужой', 'не свой'. В качестве цельного (=некомплементарного) предиката выступают все обоюдные термины родства, а из обычных терминов — только те, которые выражают отношение родства между родственниками, не отличающимися друг от друга ни по полу, ни по степени родства. (Таким образом, в этом случае соотносящиеся стороны принадлежат к одной и той же категории фактов и требуют одного и того же предиката). Например: *Səməd və Mubəriz bəcanagdyrlar* 'Самед и Мубариз—свойки'; *Sona və Rəna bəçydyrlar* 'Сона и Рена—сестры'. В этом случае оба предикандума, по выражению С. Д. Кацнельсона, возведены в ранг субъектов.

²¹ Anthony F. C. Wallace. Указ. раб., стр. 842.

²² С. Д. Кацнельсон. Указ. раб., стр. 184.

Когда же соотносящиеся стороны различаются по упомянутым признакам (главным образом по степени родства), то один из предикандумов (соотносящихся сторон) может образовать вместе с предикатом комплементарный предикат. Следует отметить, что в подобной функции могут выступать все без исключения термины родства. Такие примеры приводил еще Сибавейхи: *Abdallah (ist) dein Bruder* 'Абдаллах твой брат'²³.

В любом случае предикативного употребления терминов родства сохраняется как характер отношения, так и его направленность, однако одно и то же событие или «положение дел» при этом отражается с разных сторон²⁴.

Термины родства в функции атрибута. Все употребления терминов родства в предикативной функции (то есть комплементарная и некомплементарная формы предиката) дублируются употреблением тех же терминов в атрибутивной функции (комплементарная и некомплементарная формы атрибута). Однако количество атрибутивно употребляющихся терминов родства невелико. Аtribuтивно могут употребляться только термины, обозначающие более или менее близкие степени родства: *отец, мать, брат, сестра, дядя, тетя, дед и бабушка*. (Эти ограничения связаны не с лингвистическими, а с социальными предпосылками).

Примеры: а) некомплементарных атрибутов: *Мэним элим дежил, Фатма ананын элидир* '[Это] не моя рука, [а] рука матери-Фатимы' (Заклинание); *Фатма бачым тэндирдэ, ајагары күфлэдэ* 'Моя сестра Фатима [находится] в тендире*, [а] ее ноги — в кюфле***' (Детская песня); *Брат Дмитрий отзывался о брате Иване с глубочайшим уважением* (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы); б) комплементарных атрибутов: *Филанкэсин гызы филан ојнасын* (Вагиф) 'Пусть танцует дочь такого-то такая-то'.

Во всех случаях, когда собственные имена сопровождаются терминами родства, последние употребляются атрибутивно (*Дед Мороз, дядя Ваня* и т. д.). При этом обнаруживаются существенные различия между атрибутивным и предикативным употреблением терминов родства.

Термин родства — предикат имеет субъектом (предикандумом) одну или обе соотносящиеся стороны. Термин родства — атрибут подобным свойством не обладает. Степень родства лица, имя которого подлежит атрибутизации, выражается его отношением к действительному или предполагаемому лицу, однако языкового выражения не находит. Степень родства обнаруживается речевой ситуацией, причем родство, на которое указывает атрибут, чаще всего оказывается иллюзорным, условным. Лицо, имя которого подлежит атрибутизации, не всегда относится к той категории родственников, к которой, казалось бы, оно должно принадлежать. Термином родства в этой функции определяется не степень родства, а общественный статус лиц. В соответствии с возрастом и полом адресата и отношением этих данных к таковым же данным *ego* — к имени любого лица можно прибавить любой из вышеуказанных терминов (*отец, мать, дед, бабушка, дядя, тетя, брат, сестра*).

Здесь термины родства приобретают новое качество: обозначение общественного положения (статуса) людей. Ср. *Ата олмајынча ата гэд-рини билмэзсэн* 'Пока сам не станешь отцом, не сможешь ценить отца'

²³ См.: Sibawaihi's Buch über Grammatik, I. Berlin, 1895, стр. 9.

²⁴ С. Д. Кацнельсон. Указ. раб., стр. 181.

* Традиционная цилиндрическая печь для выпечки хлеба.

** Отверстие в тендире для поступления воздуха.

(Поговорка); *Бачылар нэш'ин ахтарыр гардаш* 'Брат[ья] ищут группы сестер' (Сабир); *Что все это означает для родителей, а также дедушек и бабушек?* (Газ. «Правда»); *«Психологическая дистанция» между отцами и детьми при социализме не перерастет в конфликт между ними* (Газ. «Правда»); *Было у тещи семеро зятьев* (Русская сказка).

По всей вероятности, именно на этой стадии употребления терминов родства возникли такие их семантико-словообразовательные производные, как *братство, материнство, отцовство* и т. д.

Термины родства в функции самостоятельных слов. Приведенные выше примеры относятся к случаям употребления терминов родства в функции самостоятельных субъектов (предикандумов) и объектов при другом слове с предикативным значением (глаголе). Но встречаются и предикаты иного рода: *Атан јахшы! Анан јахшы! букв. 'Отец твой хорош (добр), мать твою хороша (добра)!*' (выражение, уговаривающее согласиться с чем-либо); *Гардашын кимдир? — Јолдаш олмамышам 'Кто (такой) твой брат? — Мы не были товарищами [и поэтому не могу судить о нем]'* (Поговорка).

Подобным же образом термины родства могут подвергнуться атрибутизации: *Јахшы оғул нејләр ата малыны?! Пис оғул нејләр ата малыны?! 'К чему хорошему сыну отцовское наследство?! К чему [и] плохому сыну отцовское наследство?!*' (Поговорка); *Једди бачанаг бир јерә дүшдү, дедиләр: «Бир адам јохдур сөһбәт елијәк» 'Семеро своих оказались вместе и сказали: «Нет никого, с кем бы поговорить»'* (Поговорка); *Моя жена прекрасная женщина* (Л. Н. Толстой. *Война и мир*); *Ее внук Женя, названный в честь сына-солдата, был ее опорой в старости; Новый Ларискин муж гонял на улице на мотоцикле; Пожилой небритый дядя неопределенных занятий с угрюмым взглядом, мусолящий в потной пятерне смятые рубли* (Газ. «Правда»).

Употребление слова в функции обращения обычно связано с целями упоминания. В этом отношении термины родства не составляют исключения²⁵. Ср. *Оғул, ја сәни еврәмәкми кәрәк? — Бәли, бәс ағсағалы әзиз баба, еврәмәк кәрәк!* («Китаби-Дәдә Горгуд») 'Сын(ок), может быть надобно тебя поженить? — Да, именно (так), седобородый (аксакал) дорогой отец, нужно поженить!'

Термины родства служат определению родственных отношений согласно действующей системе родства. В свое время Дж. Локк констатировал, что термины родства не употребляются для выражения степеней родства, скажем, между животными. Однако, войдя в семантическую систему языка (в качестве имен существительных), термины родства ведут себя как и прочие слова соответствующей категории. И в случае необходимости термины родства могут употребляться для обозначения «родства» между различного рода объектами. Ср. *О ит о итин дајысыдыр, һаја да кәдән һамысыдыр* 'Тот пес дядя по матери тому псу, и все спешат на зов' (Поговорка); *Донуза дајы де дарын совлунча* 'Величай свинью «дядей» (по матери), пока не убрано твое просо' (Поговорка); *Јолунуз Бәрдәдән дүшсә, тәбиәтин бу суд гардашы илә таньш олун* (Газ. «Азәрбајчан кәнчләри») 'Если Вы будете проездом в Барде, то ознакомьтесь с этим молочным братом природы'; *Будут все как дети божи* (Ф. М. Достоевский. *Братья Карамазовы*). Такого рода слова могут выступать также и в функции предиката по отношению к терминам

²⁵ О терминах родства в функции обращения см.: А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1941, § 445; Y. R. Chao. Chinese terms of address. — «Language», 1956, vol. 32, № 1, стр. 217—241.

родства—субъектам. Ср. *Атан сарымсаг, анан соған, һардан олдуң кул-мәшәкәр* 'Отец твой — чеснок, мать твоя — лук, каким же образом ты стал вдруг сладостью?' (Поговорка).

III. СЕМАНТИКО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОИЗВОДНЫЕ ТРАДИЦИОННЫХ ТЕРМИНОВ РОДСТВА

Данный тип терминов родства представляет собой разновидность абстрактных существительных. По отношению к ним традиционные термины выполняют объяснительную функцию²⁶. Семантико-словообразовательные производные традиционных терминов родства входят в тот же словообразовательный и семантический ряд, что и слова (термины) *родство* и *свойствó*, а выражаемые ими понятия относятся к категории понятий, связанных с этими терминами. Однако парадоксальным при этом является то, что терминами родства признаются слова совершенно иной категории.

Абстрактные существительные, по В. В. Степановой, выражают не-предметные понятия и семантически соотносятся с прилагательными и глаголами²⁷. Даже этот факт негативно определяет традиционные термины родства как исторически и функционально характеризующие слова.

В русском языке количество подобных терминов невелико: *братство, вдовство, материнство, отцовство, родство, свойствó, семейство, супружество*. Ср. *Ей, может быть, захотелось заявить женскую самостоятельность, пойти против деспотизма своего родства и семейства* (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы); ... *супружество — главный элемент семьи, ее нравственная основа* (Газ. «Правда»).

В азербайджанском же языке любой термин для выражения более или менее близких степеней родства способен к соответствующему новообразованию с помощью словообразовательного аффикса (-лыг, -лик, -луг, -лүк)²⁸. Приведем некоторые из них: *аналыг* 'материнство'; *арвадлыг* (*арвад* 'жена'); *аталыг* 'отцовство'; *бабалыг* (*баба* 'дед'); *балдызлыг* (*балдыз* 'свояченица', 'золовка'); *бачаналыг* (*бачанаг* 'свояк'); *бачылыг* (*бачы* 'сестра'); *библилик* (*биби* 'тетка по отцу'); *гајынылыг* (*гајын* 'шурин', 'деверь'); *гајнаналыг* (*гајнана* 'теща', 'свекровь'); *гајнаталыг* (*гајната* 'тесть', 'свекор'); *гардашлыг* 'братство'; *гызлыг* (*гыз* 'дочь'); *гудалыг* (*гуда* 'сват', 'сватья'); *дајылыг* (*дајы* 'дядя по матери'); *елтилик* (*елти* 'жена одного из братьев по отношению к женам других братьев'); *эмилик* (*эми* 'дядя по отцу'); *эрлик* (*эр* 'муж'); *језнэлик* (*језнэ* 'муж сестры'); *күрәкәнлик* (*күрәкән* 'муж дочери'); *кәлинлик* (*кәлин* 'невестка', 'сноха'); *күнүлүк* (*куну* — последующая жена по отношению к предыдущей жене одного и того же мужчины); *нәвэлик* (*нәвэ* 'внук', 'внучка'); *халалыг* (*хала* 'тетка по матери').

Ср. *Әкәр сиздән һәр бириниз мәни әрлијә гәбул едирсә, она сифеји-никаһ охутдурум* (М. Ф. Ахундов. Алданмыш кәвакиб) 'Если кто-либо из вас принимает меня в мужья, то [я скажу, чтобы] произнесли [имеется в виду мулла] формулу бракосочетания'; *О мәнә аталыг етмишдир*

²⁶ Ср.: «Отношения словообразовательного производства, являясь исходной основой собственной семантической эволюции производных слов, предполагают толкование производных через значение производящих слов» (Л. Д. Максимова. К семантической характеристике наречий, соотносительных с прилагательными. — В сб.: «Филологические науки». Л., 1972, стр. 24).

²⁷ В. В. Степанова. Семантические признаки абстрактных существительных. — В сб.: «Филологические науки». Л., 1972, стр. 23—24.

²⁸ Не следует смешивать данные образования с другими, омонимичными; ср. *аталыг* 'отцовство' и *аталыг* 'отчим'; *аналыг* 'материнство' и *аналыг* 'мачеха' и т. д.

‘Он был для меня как бы отцом’; *Нәвәләримә нәнәлик, кәлинләримә дә гајнаналыг етдим* (Газ. «Азәрбајчан кәнчләри») ‘Я была бабушкой для своих внуков и свекровью для своих невесток’; *Онун бизә гоһумлуғу чатыр* ‘Он приходится нам родственником’.

Помимо встречной и косвенной соотносительности (нумеративная относительность чужда этим терминам), термины данной категории характеризуются также словообразовательным отношением к исходным терминам родства. Наиболее характерным для них является то, что по отношению к собственным именам они никогда не выполняют предикативной функции.

М. И. ТРОФИМОВ

К ВОПРОСУ О ХИАТУСЕ, ТВЕРДОМ ПРИСТУПЕ И ДИФТОНГАХ В СОВРЕМЕННОМ УЙГУРСКОМ ЯЗЫКЕ

Большинство исследователей тюркских языков, и в частности уйгурского, указывает на характерную для этих языков тенденцию к устранению хиатуса¹. Это вполне объяснимо, ибо основным законом слога в тюркских языках является последовательное чередование гласных и согласных; стечение же гласных, точно так же, как и стечение согласных, является нарушением этого закона. Подобно тому как стечение согласных разряжается посредством эпентезы гласного, выпадения согласного или его ассимиляции, хиатус, проникший в язык (обычно в заимствованных словах), должен устраняться путем либо элизии гласного, либо стяжения двух гласных в дифтонг или долгий гласный, либо же вставки неслогового звука².

Особую позицию в этом вопросе, однако, занимает Г. Ярринг, различающий хиатус первичный и вторичный. В то время как первичный хиатус устраняется обычно путем эпентезы согласного или полугласного, чаще всего *j/i* или *w/u*, вторичный — напротив, возникает в результате выпадения согласного, чаще всего *r*³. На ту же закономерность в различных тюркских языках указывает Э. В. Севортян. Впрочем, и В. В. Радлов в своей «Фонетике» приводил примеры образования хиатуса в результате выпадения согласного⁴. Случаи выпадения согласного в интервокальной позиции с замещением его ларингальным звуком типа арабской *хамзы* приводил О. Прицак, ссылаясь на турфанские записи А. Лекока⁵. Может оказаться, что эти два, по-видимому, противоположных процесса теснее связаны между собой, чем это представляется на первый взгляд. Е. Д. Поливанов отмечал нечто подобное для сочетаний согласных. В самом деле, в то время как в заимствованных словах стечение согласных в начале слова устраняется путем эпентезы гласного, в

¹ W. Radloff. *Phonetik der nördlichen Türk Sprachen*, 1-es Heft. *Vocale*. Leipzig, 1882, стр. 96; Э. В. Севортян. *Материалы по сравнительной фонетике турецкого, азербайджанского и узбекского литературных языков*. — В сб.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. I. Фонетика. М., 1955, стр. 37; L. Bazin. *Structures et tendances communes des langues turques*. — «*Philologiae Turcicae Fundamenta*», I. Wiesbaden, 1959, стр. 13; А. К. Боровков. *Учебник уйгурского языка*. Л., 1935, стр. 8; Г. Садвакасов. *Язык уйгуров Ферганской долины*. Алма-Ата, 1970, I, стр. 26.

² W. Radloff. Указ. раб.; L. Bazin. Указ. раб.; G. Jarring. *Studien zu einer osttürkische Lautlehre*. Lund -Leipzig, 1933, стр. 59; А. К. Боровков. Указ. раб.

³ G. Jarring. Указ. раб., стр. 60—62, 113, 115.

⁴ W. Radloff. Указ. раб.

⁵ O. Pritsak. *Das Neuuygurische*. — «*Philologiae Turcicae Fundamenta*», I, стр. 541.

исконно тюркских словах, напротив, в результате редукции образуется стечение согласных.

Мы примем следующую классификацию явлений хиатуса: А) по признаку происхождения: 1) первоначальный в заимствованных словах, 2) возникший на месте арабского *айн*, 3) возникший в результате выпадения *h*, 4) в результате выпадения *j*, 5) в результате выпадения *γ*, 6) в результате выпадения *r*; Б) по фонетическому составу: 1) широкий гласный+широкий, 2) широкий гласный+*i*, 3) широкий гласный+*u*, 4) *u*+широкий гласный, 5) *i*+широкий гласный, 6) узкий гласный+узкий. Что касается дифтонгов, то В. В. Радлов делит их на широкие (узкий гласный+широкий), лабиальные (широкий гласный+узкий лабиальный) и узкие (любой гласный+*i*)⁶, а Г. Ярринг — на нисходящие (первый компонент сильнее) и восходящие (второй компонент сильнее)⁷. В дальнейшем дифтонги будут рассматриваться лишь в связи с проблемой хиатуса.

1. Сочетание широкий гласный + широкий

1. Первоначальный хиатус и возникший в результате выпадения *айн* или *хамзы*.

а) Сочетание *a+a*.

Еще В. В. Радлов отмечал, что в диалектах (=в языках), испытавших влияние старого литературного языка, хиатус может встречаться даже в речи неграмотных людей, причем на месте арабского согласного, обозначаемого в словах буквой *айн*, воспринимаемой, очевидно, как некое подобие межслоговой паузы, например: *sa'at* 'час', *ta'am* 'блюдо, еда'⁸. Г. Ярринг относит это к кашгарскому говору⁹. Советские исследователи приводят в своих работах аналогичные примеры¹⁰. Однако они, основываясь, как и В. В. Радлов, на материалах илийско-семиреченского говора, считают, что написание двух *a* в словах *saat*, *taam*, *taagir*, *raalijät* и других в большинстве случаев связано с орфографической традицией и фактически обозначает лишь долгий гласный¹¹. Несколько отличную позицию занимает Т. Талипов, о чем будет сказано ниже. По-видимому, только инструментальное исследование может установить степень различия между твердым приступом в интервокальной позиции (более или менее близким к арабской *хамзе*) и той артикуляционной ситуацией, которая возникает между гласными при хиатусе в уйгурском языке. В настоящее же время известна лишь единственная альтернатива устранения хиатуса (помимо указанного выше стяжения гласных) — это вставка согласного *h* или *x*: *sahat*, *sahadät* (<*saadät*) для ферганского и кашгарского говора¹², ср. казах. *saγat*, *taγam*¹³.

⁶ W. Radloff. Указ. раб., стр. 17.

⁷ G. Jarring. Указ. раб., стр. 63.

⁸ W. Radloff. Указ. раб., стр. 96.

⁹ G. Jarring. Указ. раб., стр. 61; ср. также: Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 37.

¹⁰ См.: С. К. Кенесбаев, А. Т. Кайдаров. О новой уйгурской орфографии. — «Известия Академии наук Казахской ССР, серия филологии и искусствоведения». Алма-Ата, 1960, вып. 2 (15), стр. 92.

¹¹ С. К. Кенесбаев, А. Т. Кайдаров. Указ. раб., стр. 92; А. Т. Кайдаров. Развитие современного уйгурского литературного языка, ч. I. Уйгурские диалекты и диалектная основа литературного языка. Алма-Ата, 1969, стр. 170, 293; Г. Садвакасов. Указ. раб., стр. 26, 55.

¹² G. Raquette. Eastern Turki Grammar. P. I. Berlin, 1912 (MSOS, Jg XV, Abt. II), стр. 8; Г. Садвакасов. Указ. раб., стр. 26.

¹³ W. Radloff. Указ. раб.

б) Сочетание ä+ä.

Сказанное выше относится и к словам¹⁴ mänpääт 'интерес', täälluq 'свойственный', täässur 'сожаление', bääjni 'словно, подобно' и др. В результате стяжения образуется долгий гласный: ta:luy и т. д.¹⁵ Т. Талипов, признавая самый факт стяжения, считает, что здесь имеет место распределение двух гласных по соседним слогам, так как эти гласные якобы принадлежат разным морфемам¹⁶. В действительности же ни в одном из перечисленных слов указанные гласные не относятся к разным морфемам, по крайней мере применительно к уйгурскому языку.

в) Сочетание а+ä.

В отношении слов qapaät 'удовлетворение', sapaaт 'промышленность', žataät 'общество' действительно можно говорить о морфемном шве. Ч. Г. Сайфуллин отмечает, что здесь в отличие от других слов с этим арабским аффиксом (см. ниже)¹⁷ не появляется даже j, чтобы заполнить хиатус. В слове mugažiät < mugažääт 'обращение' можно отметить ослабление первого гласного и тенденцию к образованию таким образом восходящего дифтонга. Напротив, в русском заимствовании айрипорт¹⁸ произошло ослабление второго гласного (как безударного в русском языке) с образованием нисходящего дифтонга.

2. Хиатус, возникающий при выпадении других согласных.

Согласно Г. Яррингу, сочетание широких гласных может возникать также в результате выпадения согласных h и r. Г. Ярринг приводит примеры šeherge > šeege 'в город', seherde > seede 'на заре', dzæha:n > dzæa:n 'мир', baε > ba'ε 'пора'¹⁹. Так же, как в предыдущем случае, подобные сочетания подвержены стяжению.

II. Сочетания а+i, ä+i, е+i

Примеры сохранения хиатуса в заимствованиях из арабского или образования его на месте арабского айн: æla:iq 'народонаселение', ædza:iб 'удивительный', tæin 'назначение' (примеры Г. Ярринга), qaidä 'правило', peil 'глагол', šeiг 'стихотворение', xain 'предатель', aid 'относящийся', daimä 'постоянно'²⁰. Г. Ярринг приводит примеры (из записей Куноша) образования хиатуса в результате выпадения h и заполнения его согласным j: sahiб 'господин' > sajiб. Л. А. Аганина также приводит примеры заполнения хиатуса согласным j или r в случае присоединения аффикса i к нетипичной основе, оканчивающейся на долгий a (здесь

¹⁴ С. К. Кенесбаев, А. Т. Кайдаров. Указ. раб.; А. Т. Кайдаров. Указ. раб., стр. 294; Т. Талипов. Гласные звуки уйгурского и казахского языков. Алма-Ата, 1968, стр. 80.

¹⁵ Г. Садуакасов. Указ. раб.

¹⁶ Т. Талипов. Указ. раб., стр. 24, 80.

¹⁷ Ч. Ф. Сайфуллин. Уйғур тилиниң имласи билән елипбәсигә бәзи бир өзгиришләрни киргузуш тоғрилик. Алмута, 1958 (на правах рукописи), стр. 17.

¹⁸ И. Исмаилов. Уйғур тилигә рус тилидин кирип өзләшкән сөзләрниң фонетикалик вә морфологиялик өзгиришлири һәккидә. — «Труды Института языкознания Академии наук Казахской ССР», т. 3. Вопросы казахского и уйгурского языкознания. Алма-Ата, 1963, стр. 133.

¹⁹ G. Jarring. Указ. раб., стр. 60, 61 (в примерах Г. Ярринга мы везде сохраняем его транскрипцию).

²⁰ G. Jarring. Указ. раб., стр. 61; С. К. Кенесбаев, А. Т. Кайдаров. Указ. раб., стр. 92; Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 37 (примеры Э. В. Севортяна мы заменяем соответствующими уйгурскими).

также имеет место выпадение *h*): *gupa* 'грех'—*gupa_ji*, *särga* 'рвота'—*särga_ji*²¹.

Хиатус может возникнуть в результате выпадения *r*: *bǣir* < *bǣḡir*, *qata:idā* < *qata* < *rīdā*, *ba(r)qalāim* < *barqalārim*, *šähäimgä* < *šähäringä*, *γǣir* < *γǣḡib*, *ja:im* < *ja:rim*²². Существование хиатуса подобного типа, наряду с заполняющимся согласным *j*, может объясняться близостью артикуляции гласного *i* и согласного *j*, что создает возможность для абсорбции согласного гласным. Ср. аналогичное явление в русском языке: *Каир* [кАир], но *своих* [свЛих||свЛжих].

О. Прицак указывает на примеры из турфанских записей А. Лекока, содержащие хиатус, образовавшийся в результате выпадения в указанной позиции интервокального *j* и последующего заполнения ларингальным звуком (типа арабской *хамзы*): *jä'imāp* 'сьем', *qä'in* 'береза', *kä'in äka* 'деверь, шурин'²³. Ср. также *keip* 'после', *keiničā* (примеры из словаря Г. Ракетта)²⁴.

У Г. Ярринга приведен один пример стяжения сочетания *e+i* и образования дифтонга: *egim* > *ejim* || *eim*²⁵.

III. Сочетания *u/ü+a/ä*

Примеры возникновения сочетания гласных в результате выпадения *ayn*: *dua* 'молитва', *tuavın* 'заместитель'²⁶. В. В. Радлов отмечает, что форма *du'a*, как правило, встречается в речи грамотных людей, в просторечии же происходит стяжение в дифтонг (восходящий). Альтернативой является, видимо, заполнение хиатуса согласным: *duwa* || *duva* || *du-ga*²⁷ (ср. казах. *duya*).

Г. Ярринг приводит из записей М. Хартманна пример, в котором *j* выпадает в интервокальной позиции, а хиатус заполняется с помощью *w*: *šujerde* > *šüädä* || *šüiädä*, *šujerdin* > *šüädin* || *šüwädin*²⁸. В другом месте он ссылается на пример заполнения хиатуса в позиции между основной и аффиксом с образованием трифтонга: *ɛqo'aj*, *pütuej*²⁹.

В. В. Радлов же рассматривает главным образом случаи стяжения данного сочетания гласных в дифтонг. Отмечая, что грамотные люди произносят слова типа *gu'a* в два слова, он указывает на существование дифтонгов (по-видимому, в просторечии), в таких словах, как перс. *gua* 'свидетель', *žuap* 'молодуха', кит. *güändän* 'округ'.

Таким образом, мы видим, что в илийском («таранчинском») говоре существуют дифтонги *ua*, *üä*, главным образом в заимствованных словах. По классификации В. В. Радлова, это широкие дифтонги, по классификации Г. Ярринга, — восходящие.

Подобное же неустойчивое положение обращает на себя внимание и в слове *soal* || *saval*. Ч. Г. Сайфуллин считает, что с точки зрения орфо-

²¹ Л. А. Аганина. Фонетические закономерности чиликского диалекта уйгурского языка. — «Краткие сообщения Института народов Азии», 72. Языкознание. М., 1963, стр. 135.

²² G. Jarring. Указ. раб., стр. 60, 113, 115.

²³ O. Pritsak. Указ. раб.

²⁴ G. Jarring. Указ. раб., стр. 52.

²⁵ Там же, стр. 60.

²⁶ W. Radloff. Указ. раб., стр. 18, 96; G. Jarring. Указ. раб., стр. 61; Г. Садвакасов. Указ. раб., стр. 40.

²⁷ Г. Садвакасов. Указ. раб., стр. 40; C. Brockelmann. *Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens*. Leiden, 1954, стр. 70, 71.

²⁸ G. Jarring. Указ. раб., стр. 61.

²⁹ Там же, стр. 59.

графии буква *v* здесь не нужна, хотя соответствующий звук порою и произносится³⁰. С другой стороны, Т. Талипов полагает, что форма *soal* является вторичной³¹. Таким образом, здесь можно предположить как заполнение hiatusа, так и стяжение сочетания гласных в дифтонг.

IV. Сочетания *i/y+a/ä*

При этих сочетаниях hiatus может образовываться также на месте арабского *айн*, например: *vāqīā* 'случай, событие'³². Т. Талипов считает *j* в слове *žātijāt* 'общество' эпентетическим³³. С другой стороны, Ч. Г. Сайфуллин указывает, что *j* перед арабским аффиксом в трех- и четырех-сложных словах типа *vāzijāt* 'положение', *hakītijāt* 'власть' — часто не произносится, хотя и пишется³⁴. О. Прицак приводит из турфанских записей А. Лекока примеры заимствованных слов, в которых *j* в интервокальном положении был заменен *хамзой*: *zi'an* 'вред' (перс. *zijān*), *si'ä* 'чернила' (перс. *sijāh*).

В. В. Радлов и в этом случае сочетания гласных отмечает возникновение дифтонгов (восходящих), хотя образованные носители уйгурского языка произносят эти сочетания в арабских и персидских словах в два слога: араб. *ziāda* 'слишком много', перс. *gia* 'растение', *piāda* 'пеший', *biāban* 'пустыня'³⁵ (<перс. *pijāday*, *bijāban*³⁶).

Г. Ярринг приводит аналогичные примеры: *soḥrijaz* 'лук', *piā:de* 'пешком', *xīa:l* 'мысль', *gia:* 'лицемерие', *ziā:de* 'слишком много', *siē* 'чернила', *biē* 'айва', *qīay* 'желобок в жернове' (последний пример — единственный исконно тюркский, остальные слова арабского, персидского и китайского происхождения). Иногда все же возникает сомнение, что здесь имеет место: дифтонг или hiatus? (Например: *siē* <šerigē 'стол с короткими ножками')³⁷.

К. Менгес выражает сомнение относительно того, действительно ли существуют восходящие дифтонги в уйгурском языке³⁸. А. К. Боровков же прямо утверждает, что восходящие дифтонги отсутствуют, поскольку слог может начинаться только с согласного, а не с полугласного³⁹. Впрочем, сам Г. Ярринг также признает, что разница между полугласными *i* и *u*, с одной стороны, и согласными *j* и *ɰ*, с другой — очень невелика⁴⁰.

V. Широкий гласный +и

В этом случае обнаруживаются две тенденции: либо заполнение hiatusа, либо образование дифтонга. Древнее слово *soyug* 'холодный', которое у К. Брокельмана встречается также в форме *sojuq*⁴¹, у Г. Ярринга выступает в форме *sɰuq||sɰwuq* и даже *sauc̣q*, а возможно, и *sɰuc̣q*, по-

³⁰ Ч. Ф. Сайфуллин. Указ. раб., стр. 18.

³¹ Т. Талипов. Система гласных в современном уйгурском языке. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1960, стр. 12.

³² С. К. Кенесбаев, А. Т. Қайдаров. Указ. раб., стр. 92.

³³ А. Қайдаров, Г. Садвакасов, Т. Талипов. Назирки заман уйгур тили, I. Лексика вэ фонетика. Алмута, 1963, стр. 211.

³⁴ Ч. Ф. Сайфуллин. Указ. раб., стр. 17.

³⁵ W. Radloff. Указ. раб., стр. 18.

³⁶ С. Brockelmann. Указ. раб., стр. 69, прим. 2.

³⁷ G. Jarring. Указ. раб., стр. 64.

³⁸ K. Menges. [Рец.:] G. Jarring. Studien...—«Göttingische gelehrte Anzeigen», 1934. № 9, стр. 368.

³⁹ А. К. Боровков. Указ. раб.

⁴⁰ G. Jarring. Указ. раб., стр. 63.

⁴¹ С. Brockelmann. Указ. раб., стр. 71.

скольку Г. Ярринг говорит о трифтонге⁴² (в семиреченском говоре встречается форма *soy*—возможно, как результат стягивания дифтонга). В этом же говоре в арабских именах хиатус заполняется согласным: *Savut*, *Davut*. Иногда сочетание согласных стягивается в дифтонг: *bekau* 'повар'.

Китайский дифтонг *ao*, в котором сочетаются гласные *ao*, стягивается в долгий гласный *o*, по-видимому, с промежуточной ступенью *ai*; Н. Ф. Катанов приводит примеры для Турфана и Хами: *gōla* 'жаловаться' (<китайск. као 'обвинение, жалоба'), *rō* 'ружье' (<китайск. р'ао)⁴³.

VI. Узкий гласный+узкий

а) Сочетание *губной+губной*.

Здесь представляет интерес лишь образование дифтонгов при выпадении интервокального согласного *r*: *ɔ* *ʈʂʂr* > *c*:*tʂʂr*, *u* *ʂʂr* > *u* *ʂʂr*⁴⁴.

б) Сочетание *i+i*.

В слове *tābii* применение морфологического критерия действительно имеет основание, хотя вряд ли здесь имеет место один долгий слог, а не два кратких⁴⁵. В слове *ki'ik* 'антилопа' *j* опять-таки может выпадать с замещением его твердым приступом (из турфанских примеров А. Лекка⁴⁶). Из яркендского диалекта Г. Ярринг приводит примеры *kiip* *čiip* (транскрипция Г. Ракетта) > *čiip*⁴⁷. Таким образом, сначала *r* переходит в *j*, а затем выпадает гласный *i* и образуется дифтонг.

В тюркских языках трифтонги явление редкое⁴⁸. Поскольку Г. Ярринг считает, что в уйгурском («восточнотюркском») языке существуют полугласные *i* и *u*, он признает также и существование трифтонгов (например, *keiɪmɪɪn*, *boɪa*), хотя и отмечает, что отличить эти полугласные от обыкновенных согласных нелегко⁴⁹. С другой стороны, по его мнению, иногда встречается стечение трех гласных подряд в результате выпадения согласных в двух смежных слогах: *qæa:im* < *qæraɪim*, *tæa:et* < *tæha:ret*⁵⁰.

В заключение остановимся на вопросе о возможности существования твердого приступа в уйгурском языке вне связи с проблемой хиатуса. Как *айн*, так и арабская *хамза* (в какой-то степени близкая к так называемому «твердому приступу») передаются в современном уйгурском языке аналогично. В частности, в позиции после согласного перед гласным они реализуются как своего рода межслоговая пауза, хотя на письме в последнее время и обозначаются (в орфографии советских уйгуров) буквой *э*: *сэнээт* 'искусство', *сүрээт* 'темп', *жүрээт* 'смелость', *сүнэи*

⁴² G. Jarring. Указ. раб., стр. 60, 64, 66.

⁴³ O. Pritsak. Указ. раб., стр. 541.

⁴⁴ G. Jarring. Указ. раб., стр. 50.

⁴⁵ Т. Талипов. Гласные звуки уйгурского и казахского языков. Алма-Ата, 1968, стр. 24.

⁴⁶ O. Pritsak. Указ. раб.

⁴⁷ G. Jarring. Указ. раб., стр. 60—61.

⁴⁸ W. Radloff. Указ. раб., стр. 21.

⁴⁹ G. Jarring. Указ. раб., стр. 64—66.

⁵⁰ Там же, стр. 61.

‘искусственный’, *мәсъл* ‘отечественный’ и др.⁵¹ Впрочем, в некоторых наиболее употребительных словах эта пауза может вообще опускаться, например: *мәсилә* ‘вопрос’.

В позиции же после гласного перед согласным, то есть в конце слога, в частности после начального гласного, гортанные согласные передаются как долгота, не имеющая, впрочем, фонематического значения и сохраняющаяся лишь в речи представителей старшего поколения: *та'қил* ‘ладно’, *vä'dä* ‘обещание’, *тә'ни* ‘значение’, *tä'sir* ‘влияние’, *tä'min* ‘обеспечение’, *e'lap* ‘объявление’, *e'tivar* ‘внимание’ и др., но *тә'лим* (с кратким гласным, видимо, в силу употребительности этого слова)⁵². Подобная редукция длительности отмечалась авторами всех орфографических систем после 1917 года⁵³.

⁵¹ *W. Radloff*. Указ. раб., стр. 96; *Ч. Ф. Сайфуллин*. Указ. раб., стр. 23; *Г. Садвакасов*. Уйгур әдәбий тилиниң имла кәидилири. Алмута, 1961, стр. 16; *С. К. Кенесбаев*, *А. Т. Кайдаров*. Указ. раб., стр. 92; *Г. Садвакасов*. Раздел «Графика и орфография». — В кн.: «Һазирқи заман уйгур тили», стр. 250.

⁵² *W. Radloff*. Указ. раб., стр. 83; *Э. В. Севортян*. Указ. раб., стр. 51; *Т. Талипов*. Указ. раб., стр. 22; *О. Pritsak*. Указ. раб.

⁵³ 2 *Uyur til-imla kәpriгinsijsiniң toxtamiri*. Резолюции и материалы 2-й Всеуйгурской орфографической конференции. Кызыл-Орда, 1932, стр. 26; *А. Шамиева*, *Х. Махмудов*. Вопросы орфографии современного уйгурского литературного языка. — «Известия Академии наук Казахской ССР», № 85. Серия уйгуро-дунганской культуры, вып. I. Алма-Ата, 1950, стр. 26; *С. К. Кенесбаев*, *А. Т. Кайдаров*. Указ. раб., стр. 87.

М. А. АХМЕТОВ

ДЕЕПРИЧАСТИЯ В ЯЗЫКЕ ОРХОНО-ЕНИСЕЙСКИХ ПАМЯТНИКОВ И ИХ ОТНОШЕНИЕ К СОВРЕМЕННОМУ БАШКИРСКОМУ ЯЗЫКУ

В языке орхоно-енисейских памятников, как и в современном башкирском языке, имеются две группы деепричастий, определяющих действие, выражаемое основным глаголом-сказуемым. К первой группе относятся деепричастия со значением времени, образа действия, причины, цели и т. п.; ко второй — деепричастия, имеющие либо чисто временное значение, либо значение цели, причины действия и т. д. Эти группы деепричастий различаются и функционально.

ПЕРВАЯ ГРУППА ДЕЕПРИЧАСТИЙ

Деепричастие на -(у)р. Это наиболее активно употребляемое деепричастие в языке исследуемых памятников: нами зафиксировано 129 случаев его употребления (42% всех случаев употребления деепричастий)¹.

Деепричастие на -(у)р употребляется в абсолютном большинстве случаев в самостоятельном значении (126 случаев из 129) и иногда с вспомогательными глаголами, придающими ему различные видовые оттенки.

Значение деепричастия на -(у)р выявляется в контексте и связано с действием основного глагола. Деепричастие на -(у)р в основном обозначает время совершения действия с указанием образа, способа, причины, цели совершения основного действия.

Зафиксированы следующие временные значения деепричастия на -(у)р в языке исследуемых памятников:

а) действие, предшествующее другому действию. В этом значении деепричастие на -(у)р употребляется наиболее часто (118). Примеры²:

Ol gabyu ägidip, kaγanum: bän äbgärü tügäjin, tidi (Тон 30) — Ul hüdde išetep, kaγanum: min öjgä kajtajum, — tine 'Услышав эти слова, каган сказал: я поеду домой'; Ulyu k'üli Ćur säk'iz on jasap jok bolty (КЧ 3) — Olo Kuli-Ćur hikhän jul jašap ülde 'Великий Кули-Чур умер, прожив восемьдесят лет'; Äkinti yšbara Jamtar boz atyγ binip tägdi (КТб

¹ Анализу подвергались тексты памятников, вошедшие в книги: С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951; его же. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952; его же. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959.

² Примеры из орхоно-енисейских памятников сопровождаются переводами на башкирский язык.

33) — *Ikense (tapkyr) yšbara Jamtarɔy buð atyn menep sapty* 'Во второй раз он сел верхом на белого коня, принадлежащего ышбара Ям-тару'; *K'ögmän jušyу toya joryp kyrgyz budunyу uda basdymyz* (БК 27) — *Kögmän juška menep, kygyud halkyn jokohonda bađtyk* 'Поднявшись в чернь Кегменскую, я напал на киргизов во время их сна'.

В тех случаях, когда деепричастие на -(y)р обозначает действие, предшествующее другому действию, оно может выражать и самостоятельное действие. При этом деепричастие и основной глагол-сказуемое обозначают действия последовательные, и деепричастие имеет только чисто временное значение. Примеры:

Maуу kuryan kyšlap, jazyηa oуuzуaru sü tašykдымыз (КТб 48) — *Maуу kuryanda kyšlap, jabyна oуuzуa jansaptyk* 'Перезимовав на Магы-кургане, весной пошли походом на огузов'; *Bunča kazуанур, kapym yt jyl, onyñ aj alty otuzka uça bardy* (БКха 10) — *Bynsa kadanур, utajum kауан et jylynda, unynsy ajda, 26 k'öndä üilde* 'Столько завоевав, отец мой хан умер в год Собаки, десятый месяц, двадцать шестого (числа)'; *Aηar jatур, bir atlyу barmys, — tijin* (Тон 24) — *Unda kunуas, ber at saptyгum jer kala, — tim* 'После того, как переночуете там, останется ход одной лошади, — сказал (он)'; *Tokuz oуuz budun järin, subyn ydур, tabуaçуaru bardy* (БК 36) — *Tuуud oуuz halky jeren, нууyn tašlap, tabуačka kitte* 'Народ токуз-огузов покинул страну свою (землю и воду) и предался табгачам';

б) действие, одновременное с действием, выражаемым основным глаголом-сказуемым. В этом значении деепричастие на -(y)р встречается всего в 14 предложениях. Примеры:

Üčägü kabysyp sülälim, any jokkysalym, — timis (Тон 21) — *Ösäubed berläšep jau sabajyk, uny juk itäjek, — tigändär* 'Втроем мы объединимся и отправимся в поход и уничтожим его, — сказали (они); *Jууру tägürүp, у bar bas asдымыз* (Тон 28) — *Jууула — tägäräj, üñemlege bar bašty aštyk* 'Падая и поднимаясь, мы перевалили через вершину с растениями'; *Örtčä kuzур k'älti* (Тон 40) — *Ut hymak кудур k'ilde* 'Он пришел, пламенея как пожар'; *Äbk'ä tärdük'um, uruš kylyp* (Оа 2) — *Öjgä jettem, нууушур* 'Я дошел до дома, ведя (в то же время) войну'; *Any k'örip, anča biliη* (КТм 13) — *Uny k'ürep, šuny belegeđ* 'Смотря на него, узнайте это'; *Jadaуу, jabyz bolty, tip alyaly k'älti* (БК 32) — *Jäjäü xälheđ buldy, tip alyуа k'ilde* 'Пришли, чтобы нас поразить, думая, что мы пешне и слабы к бою'.

Нами также зафиксирован один пример, где действие, выражаемое деепричастием на -(y)р, представляет собой процесс, состояние, ситуацию, на фоне которых происходит действие основного глагола:

K'äligmä bäslärin, budunyn itip, jууур, azča budun täzmis ärti (Тон 43) — *K'ileüse bejdären, halkyn urynlaštyуanda, jуууanda ad халык kaskap ine* 'Когда я устраивал и собирал приходящих начальников и народ, то небольшое число народа убежало'.

Наряду с обозначением времени совершения действия деепричастие на -(y)р указывает на:

а) образ совершения действия, выражаемого основным глаголом; в этом случае деепричастие может иметь значение действия как предшествующего, так и одновременного по отношению к действию основного глагола-сказуемого:

Örtčä kuzур kälti (Тон 40) — *Ut hymak кудур k'ilde* 'Пришли, пламенея как пожар'; *Kara Jotalyk k'äčip kälirti* (МЧ 27) — *Kara Jotalyкty*

k'isep k'ilterde(lär) '(Они) привели (их), переправившись через Кара Иоталык'; K'ül tigin ögsiz akyn binip tokuz ärin sančdy (КТб 49) — K'ül-Tigin Ögsiz akty менер туғуџ иҗде сәнсте 'Кюль-Тегин, сев на белого Огсиза, заколол девять мужей'; Juуuru tägürüp, y bar bas asdyмыз (Тон 26) — Juуула-tägäräj, übемлеге бар bašty aštyk 'Падая и поднимаясь, мы переправились через вершину с растениями';

б) причину совершения действия основного глагола-сказуемого:

Jirči, jir jaңylyp, boуuz lanty (Тон 26) — Jil k'ürhäteüse, juldy jaңylyšyp, boуadланды 'Проводник, сбившись с пути, был заколот'; Ol sabуy äsidip, tün udysуkым k'älmädi, k'üntüz olursуkым k'älmädi (Тон 12) — Ul hüdde išetep, tönön jokлауым k'ilmäne, k'öndöd ultyrahым k'ilmäne 'Услышав эти слова, ночью не приходил мой сон, а днем я не имел покоя'; Süčig sabуна, jымšak ауысына artурып, үк'üs türk budun öltig (КТм 6) — Tatly hüdenä, kimmätle zattарына кудуууу, k'üp törki халку үлде 'Дав себя прельстить их сладкой речью и роскошными драгоценностями, много тюркского народа погибло'; Türk (budуныу tigrip il tutsуkынын bunta urтым, jaңylyp üläsik'iñin jämä bunta urтым (КТм 10) — Törk'i халкын jууу il totуын byнда jaddым, jaңylyšyp ажуулышууууууδду jänä byнга jaddым 'Я вырезал здесь, как вы, собрав тюркский народ, создали (свой) племенной союз и как вы, прегрешая, делились, я все здесь вырезал';

в) способ действия основного глагола-сказуемого:

Ärtis ü(güzüg)... sallap k'äčdim (МЧ 25) — Jryš jylуahын... hal менäп syktым 'Реку Иртыш... переплыл на плотях'.

Деепричастие на -(у)р в современном башкирском языке — наиболее активно употребляемая форма деепричастия, сохранившая все значения соответствующей формы языка орхоно-енисейских памятников, за исключением значения способа действия основного глагола-сказуемого (см. переводы примеров на башкирский язык).

Можно с уверенностью сказать, что деепричастие на -(у)р со временем расширило сферу своего употребления, ибо, если в языке памятников основным его значением было выражение действия, предшествующего действию основного глагола-сказуемого, то в современном башкирском языке это деепричастие выражает также действие, одновременное с действием основного глагола-сказуемого. Именно поэтому Дж. Г. Кнекбаев назвал его «деепричастием настоящего времени»³.

Деепричастие на -урап. Отмечено 13 случаев его употребления в языке памятников (4,2%). Эта деепричастная форма имеет только временное значение и обозначает самостоятельное действие, предшествующее действию, выраженному основным глаголом-сказуемым. Примеры:

Bunča budun k'älipän syұtamys, juұlamys (КТб 4) — Bynsa халык k'iler hyктауан, ilауан 'Столько народов придя, стонали и плакали'; Sü sülärän, tört bulуңdaky budуныу kop almys (КТб 2) — Jau sabуp, dürl jактауу халыкты k'üp алауан 'Выступив с войском, они покорили все народы, живущие по четырем углам'; Säläñä kody joryпан, карауын kysdylata, äbin barkын anta buzdым (БК 37) — Säläñä (bujlap) töšөр, караулын куфур, öjön harajын бодбоды 'Спустившись вниз по Селенге и тесня их караул, я тогда разрушил их дома и сараи'.

Из приведенных примеров видно, что значения деепричастий на -урап и на -(у)р не отличаются друг от друга. Это особенно наглядно

³ Башкорт теле. Педучилищеләр өсөн дәреслек. Өфө, 1967, стр. 249.

проявляется в случаях, когда обе формы употребляются в одном предложении как однородные члены. Поэтому В. Г. Кондратьев объединяет их в одну группу и называет «деепричастием на *-ын/-ыпан*»⁴. По нашему мнению, *-урап* употребляется в памятниках для придания высказыванию большей выразительности, экспрессивности. Примеры:

Jaryklyу kantan k'älip jana ältädi, çüñüglig kantan k'älipän sürä ältädi (КТб 23) — Korally(lar) kajdan k'ilep (heðde) jäjde, höngölö(lär) kajdan k'ilep (heðde) kyudy 'Откуда пришли вооруженные люди и (тебя) рассеяли, откуда пришли войны и изгнали (тебя)?'; Süñüg batymy kargy sok'ıran K'ögmän jyşyу toya joryp kyrgyz budunyу uda basdymyz (КТб 35) — Höngö batymy karđy syryp, K'ögmän jyşka k'ütärelep, kuryud halkyn jokohonda bađtyk 'Проложив дорогу через снег глубиною с копьё и поднявшись на Кегменскую чернь, мы напали на киргизский народ во время их сна'.

В современном башкирском языке функцию деепричастия на *-урап* выполняет деепричастие на *-(у)р* (см. переводы примеров на башкирский язык).

Деепричастие на *-а/-ä*. Зафиксировано 34 случая его употребления в языке памятников (11%), из них в самостоятельном значении — 24 случая, с вспомогательными глаголами — 10. Имеет следующие временные значения:

а) действие, одновременное с действием основного глагола-сказуемого:

Viңa, jaуyka k'irdim (Ен 25) — Kajyуrup, doşmandar esenä k'erdem 'Вошел, скорбя, в среду врагов'; Jokaru at jätä, jadaуyn, ууар tutunu ayturtum (Тон 25) — Juуary attarđy jetäk'lär, jäjäü, ауaska totonop k'ütäreldem 'Я поднялся на гору, ведя лошадь на поводу, пешком, держась за деревья'.

Как показывают примеры, деепричастие на *-а/-ä* в основном выражает состояние, процесс, на фоне которого происходит действие основного глагола-сказуемого;

б) действие, предшествующее действию основного глагола-сказуемого:

Altun jysyу asa k'ältimiz (Тон 37) — Altyn jyşty аşyp k'ildek' 'Мы пришли, переходя Алтун-йыш'; Jinçü ügüzüg kächä Tämir kapуyka tägi sülädimiz (КТб 39) — Jinçü jylуahyn üter, Timer kapкауа tiklem jau sartyk 'Перейдя реку Йинчу, мы дошли до железных ворот';

в) действие, по окончании которого происходит действие основного глагола-сказуемого (чисто временное значение). В языке памятников зафиксирован лишь один пример такого употребления этого деепричастия: Ak tärmäl k'ächä оуraklatdym (Тон 25) — Ak Tärmälde k'ısep sykkas, lager itep tuktattym 'Переправясь через Ак-Термель, я приказал остановиться (тыловым) лагерем'.

Наряду с временным значением деепричастие на *-а/-ä* выражает также:

а) образ совершения действия:

At üzä bintürä karyу sök'dim (Тон 25) — At öötönä menderep karđy syktym 'Посадив на коней, я пробил дорогу сквозь снег'; Altun jyşyу

⁴ В. Г. Кондратьев. Материалы к характеристике деепричастий и формы на *-дук* в языке памятников тюркской рунической письменности. — «Ученые записки ЛГУ». Серия востоковедческих наук, вып. 15, № 305. Л., 1961, стр. 129.

aša, Ärtis ügüzüg k'äčä jorydym (БК 27) — Altyn jyšty ašyp, Jrtyš jyl'ahyn k'iser barđum 'Я ходил, перейдя через Алтунскую чернь и переправившись через реку Иртыш';

б) путь, метод, способ достижения другого действия (два примера):

Anta Toŋa jyl'pauty bir uyušy Toŋa tigin joŋynta ägärä tokydym (БК 31) — Unga Toŋa tiginde jerlägändä Toŋa jyl'pauttyn ber uguyn katar kyđum 'В то время при похоронах (поминках) Тонга тегина, окружив, победил один род Тонгыра Йылпаута'; Sälänä kody joŋupan, karaŋyn kysdylata, äbin barkyn anta buzdym (БК 37) — Sälänä bujlar tösör, karaulyŋ kyđur, öjöp — harajyn bodđom 'Спустившись вниз по Селенге и тесня их караул, я там разбил их дома и сарай';

в) цель совершения действия (один пример):

Uč oŋuz süsi basa k'älti (БК 32) — Ös oŋuz yäk'äre bađurğa k'ilde 'Войско Уч-огузов пришло, чтобы (нас) поразить'.

Об употреблении этого деепричастия в современном башкирском языке Н. К. Дмитриев писал: «В современном башкирском языке употребление этого деепричастия ограничено главным образом фольклорным жанром и отдельными фразеологическими оборотами»⁵. В том случае, когда данная деепричастная форма употребляется самостоятельно, она обычно повторяется дважды, тем самым указывая на многократность, длительность действия. Все это говорит о том, что деепричастие на -a/-ä в древнебашкирском языке употреблялось активно, а в настоящее время становится архаичным, непродуктивным, хотя и сохранило все основные значения соответствующего деепричастия, встречающегося в языке исследуемых памятников, в частности, значение образа совершения действия: Ular höjläšä-höjläšä k'ilälär ine 'Они шли, разговаривая друг с другом'; значение пути, способа, метода совершения действия: At menmägän at menhä, saba-saba ülterer, tun k'ejmägän tun k'ejhä, kaŋa-kaŋa böttöŋ 'Если тот, кто ни разу не садился на коня, сядет на коня, то, загнав его, убьет; если тот, кто ни разу не носил шубы, получит шубу, то ее порвет, износит, все время встряхивая' (Пословица); значение цели совершения действия: Ul k'itar ala k'itte 'Он пошел (для того, чтобы) взять книгу'. Следует отметить, что деепричастие на -a/-ä в современном башкирском языке Дж. Г. Киекбаев назвал «деепричастием цели»⁶.

Деепричастие на -u, -ju (вариант -ju/-jü употребляется с основами, оканчивающимися на гласный).

В языке памятников деепричастие на -u/-ju встречается 61 раз (20%), из них 36 — в самостоятельном значении, 24 — с вспомогательными глаголами.

Деепричастие на -u/-ju также имеет временное значение и выражает образ, цель, причину совершения действия основного глагола-сказуемого. Оно преимущественно обозначает действие, одновременное с действием основного глагола-сказуемого:

Aŋar k'örü, biliŋ (КТМ 11) — Uŋa karap, belegeđ 'Смотря на него, знайте'; Äk'i ärig udyšru sänčdi (КТБ 36) — Jk'e irde kuyanda sänste 'Двух воинов он заколол во время погони'; Bunu k'örü, biliŋ (БКХБ 15) 'Смотря на это, знайте'.

Отмечено несколько примеров, в которых деепричастие на -u/-ju выражает действие, предшествующее действию основного глагола-сказуемого:

⁵ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 186.

⁶ Башкорт теле. Педагогия училищеларе өсөн дәреслек. Өфө, 1968, стр. 250.

Ачыг Алтыр к'өлтä Касуҗ к'азү сөнүсдим (МЧ 18) — Асык Алтыр к'үлдä Касуҗды сыккас, һуҗыштум 'Я сразился с ними на озере Ачыг Алтыр, переходя Касуҗ'; К'өк' Öпүҗ жуҗугу Öтүк'ән жуҗугу удызтым (Тон 15) — К'үк' Öнүҗте суҗур, Öтүк'ән жуҗка уддурдум 'Пройдя реку Кек Онг, провёл (войско) к Отюкенской черни'.

Кроме того, деепричастие на -и/-ју может выражать:

а) образ совершения действия основного глагола-сказуемого:

К'өгмән жуҗуҗ äбирү к'ältимиз (Тон 28) — К'өгмән жуҗын угар к'ил-дек' 'Мы пришли, обойдя Кегменскую чернь'; Јокагу ат јätä, јадаҗын, уҗаҗ tutunu аҗтуртум (Тон 25) — Јуҗагу ат(tарды) јетäклäр, аҗaska totонор к'ütäreldердем 'Я (заставил) взойти вверх (на гору), ведя лошадь на поводу, пешком, удерживаясь шестами'; Кадашым, äрән, äсү-кäҗү, јоҗладуҗыз (Ен 42) — Адашым, игдär, јабур, јерläнегеб 'Мои сподвижники, мужи, покрывая (парчовыми материями), вы погребли (меня)';

б) цель совершения действия основного глагола-сказуемого:

Јауын башу јорују кältи (МЧ 18) — Үäск'äрдäренеҗ башу һуҗышуҗа к'илде 'Их начальник пришел к нам (для того, чтобы) сражаться'; К'ültигин äbig башлају кытымиз (КТб 48) — К'ül-tiginde öjdä јетäк' seleк' iteү öсөн јebäгдек 'Мы отпустили Кюль-Тегина, чтобы он распоряжался дома';

в) причину совершения действия основного глагола-сказуемого (один пример):

Корҗу, äк'и-үч к'исилиҗ(in) täzip барду (БК 41) — Куркур, ik'e-ös к'еše менән касуҗ к'itte 'Испугавшись, они убежали с двумя-тремя людьми'.

В современном башкирском языке функцию деепричастия на -и/-ју выполняет деепричастие на -(у)р (см. переводы примеров на башкирский язык).

Деепричастие на -у/-и. В языке орхоно-енисейских письменных памятников зафиксировано 11 деепричастных форм на -у/-и (3,6%); из них 9 употреблены с вспомогательными глаголами, 3 — в изолированной форме, причем не отмечено ни одного случая самостоятельного употребления данного деепричастия. Это позволяет сделать вывод, что указанная деепричастная форма уже в орхоно-енисейский период была архаичной. В современном башкирском языке она сохранилась в отдельных лексикализованных основах: karşu 'против, напротив'⁷.

Анализ употребления деепричастий на -а/-ä, -и/-ју и -у/-и показывает, что значения и функции этих форм очень близки. Так, деепричастие на -а/-ä выражает действие одновременное или предшествующее по отношению к действию основного глагола-сказуемого; кроме того, оно обозначает образ, путь, метод, способ и цель совершения действия основного глагола-сказуемого. Деепричастие на -и/-ју также выражает действие одновременное или предшествующее основному действию и указывает на образ, цель и причину его совершения. Деепричастие на -у/-и употребляется в большинстве случаев с вспомогательными глаголами и выражает (или выражало) образ совершения действия.

Близость значений этих деепричастий подтверждается примерами их употребления в одном предложении как однородных членов или в парном глаголе. Например:

Türk' budunуҗ ilin törüsin tuta birmis, iti birmis (КТб 1) — Törk'и хalkунуҗ ilen, јolalarын tottolar, k'amilläšterdelär 'Они поддерживали и

⁷ Б. С. Сөйәргалиев. Башкорт телендә ярҙамсы һүҙҙәр. Өфө, 1960, стр. 48.

устраивали племенной союз и установления тюркского народа'; Bilgä K'üli Cur tarduŝ budunuy itı aju olurty (КЧ 14) — Bilgä K'üli-Cur tarduŝ xalkyn jetäk'lär ultyrbu 'Бильге Кули-Чур управлял народом тардуш'; Tokuz oꝣuz budunuyı tirü kobraty altyn (КЧ 5) — Тууд-оꝣуз халкун жуур, k'übäjtet aldum 'Я собрал и соединил свой народ девять оꝣузов'.

П. М. Мелиоранский признавал, что формы на *-a*, *-ы* «близки к форме на *-y*, но не равнозначщи»⁸. Большинство же исследователей языка орхоно-енисейских надписей рассматривают эти формы как варианты одного деепричастия⁹. Возникновение фонетических вариантов В. Г. Кондратьев объясняет «известной неопределенностью, диффузностью последнего гласного основы, особенно в аффиксах, характерной для древних тюркских языков»¹⁰.

Интересно, что к одной основе может присоединяться лишь один из деепричастных аффиксов. Ниже приводим все основы, употребляемые с деепричастными аффиксами.

Основы с аффиксом *-a/-ä*:

aŝa 'переваливаясь' (БК 27, Тон 37); ägigä 'окружив' (КТб 46, БК 31); basa 'давя' (БК 32, Тон 38); bintügä 'посадив на лошадь' (Тон 25); buça 'горюя' (Енисейские памятники); jätä 'держа под узды' (Тон 25); jürä 'ходя' (МЧ 16); kyslata 'тесня' (БК 37); k'äčä 'перейдя вброд' (КТб 37, 39, Тон 25, 26, 38, БК 26, 27, КЧ 16, МЧ 16); uča 'улетая' (КТб 16, 24, БКха 10); tik'ä 'водрузив' (БКха 9, 11, 30); toça 'поднимаясь' (КТб 37); sügä 'послав' (МЧ 26, КТб 23); tuta 'держа' (КТм 8, МЧ 14).

Основы с аффиксом *-u/-ju*:

adyrylu 'отделяясь' (Оа 4, Ен 16); aju 'судя' (МЧ 27, 33); abigü 'кружа' (Тон 26, 28); äsidü 'слыша' (Тон 15); äšük'äjä 'покрывая' (Ен 42); baŝadu 'руководя' (БКха 8, 11); baŝlaju 'руководя' (КТб 16, 33, 48, 51); igidü 'поднимая' (Тон 32); itinü-jaratunı 'что-либо делать для себя' (КТб 10); irtürü 'преследуя' (КТб 40); jaçadu 'враждуя' (МЧ 22); jatu 'лежа' (КТб 49, Тон, 19); jälü 'скача' (Тон 26, 27); jütürü 'доводя' (КТб 7); jogyju 'ходя' (МЧ 18); jobalu 'мучаясь' (Тон 26); jok bolu 'уничтожаясь' (О 3); jokadu 'уничтожаясь' (КТб 10); жууиги 'очищая' (Тон 15, 26); жуулажу 'похороня' (ИА 2); казуану 'приобретая' (БКха 10); кылу 'делая' (БКха 17); когуи 'боясь' (БК 41); k'äzü 'переходя вброд' (МЧ 18); k'öğü 'видя, смотря' (КТм 11, БКхб 15); olugu 'сидя' (Ен 48); onlaju 'врезаясь' (КТб 32, 36, Тон 19); uduŝgu 'погоняя' (КТб 36); ölü 'умирая' (КТб 27, 28); udu 'преследуя' (МЧ 14, 15, 18); syju 'ломаю' (КТб 36, КЧ 21); sü-läjä 'воюя' (КТб 8); tutunu 'держась' (Тон 25); turğugu 'поднимая' (МЧ 14); tirü 'собирая' (МЧ 5); tugu 'живя' (КТм 9); усүүну 'отпуская' (КТб 6).

Основы с аффиксом *-y/-i*:

aly 'беря' (БКхб 10, тон 32, КТб 8); kody 'отпуская' (Тон 27, МЧ 16); kobraty 'умножая' (МЧ 5); iti 'устраивая' (КЧ 14, КТб 1, БКхб 12); усүүну 'отпуская' (О 2).

Как видно из примеров, с аффиксами *-u* и *-y* употребляется лишь одна основа (усүүн-). Даже в случаях, когда деепричастные формы об-

⁸ П. М. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина. — ЗВОРАО, т. XII, вып. II—III, СПб., 1899, стр. 132.

⁹ W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolej. Neue Folge. St.-Pb., 1897, стр. 94; Н. Ф. Катанов. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903, стр. 99; В. М. Насилов. Язык орхоно-енисейских памятников. М., 1960, стр. 46—47; В. Г. Кондратьев. Очерк грамматики древнетюркского языка. Л., 1970, стр. 42.

¹⁰ В. Г. Кондратьев. Очерк грамматики..., стр. 42—43.

разуются из парных глаголов или употребляются как однородные члены предложения, к основам присоединяются разные аффиксы: *iti aju* 'управляя' (букв. 'устраивая и судя') (КЧ 14); *tirü kobraty* 'собирая и умножая'; *Türk' budunyn ilin törüsin tuta birmis, iti birmis* (КТб 21) 'Они поддерживали и устраивали племенной союз и установления тюркского народа'.

Не свидетельствует ли этот факт о том, что указанные деепричастные аффиксы, являясь исторически вариантами одного деепричастия, сохранились в орхоно-енисейский период развития языка «прикрепленными» к определенным основам? Если это так, то уже тогда они были архаичными, непродуктивными и в процессе дальнейшего развития языка должны были уступить место другому, более продуктивному аффиксу. Вероятно, этим можно объяснить тот факт, что в современном башкирском языке, как и в большинстве живых тюркских языков, деепричастие на *-a/-ä* употребляется в основном во фразеологических оборотах и в сочетании с вспомогательными глаголами, а деепричастия на *-u/-ju* и *-y/-i* не сохранились, и вместо них употребляется деепричастие на *-(y)p*. С уверенностью можно сказать, что уже в языке памятников деепричастие на *-(y)p*, употреблявшееся в основном для выражения действия, предшествующего действию основного глагола-сказуемого, начало использоваться вместо анализируемых деепричастных форм. Это подтверждается, во-первых, употреблением деепричастия на *-(y)p* для выражения действия, одновременного с действием основного глагола-сказуемого; во-вторых, употреблением деепричастий на *-a/-ä*, *-u/-ju*, *-y/-i* в парном глаголе с деепричастием на *-(y)p* (например: *Juıyru tägürüp y bar bas adımyz* (Тон 26) — *Juıyla-tägäräj, üthemlege bar baıty aıtyk* 'То падая, то поднимаясь, мы перевалили через вершину с растениями'); и, в-третьих, употреблением деепричастия на *-(y)p* с вспомогательными глаголами (например: *Uluı Irk'in azkyna ärin täzip bardy* (КТб 34) — *Olo Irk'in ad ıyua ig menän kasyp k'itte* 'Великий Иркин убежал с немногими только мужами').

Таким образом, деепричастия на *-a/-ä*, *-u/-ju* и *-y/-i* в языке орхоно-енисейских памятников были уже непродуктивными, и тогда же началось вытеснение их деепричастием на *-(y)p*; поэтому можно считать закономерной непродуктивность деепричастия на *-a/-ä* и исчезновение деепричастий на *-u/-ju* и *-y/-i* в современном башкирском языке.

Деепричастие на *-jyn/-jin*. Встретилось лишь один раз в отрицательном аспекте и 22 раза (7,2%) с глаголом *ti-* 'говорить' (*tijin* 'говоря'). Данный глагол в форме деепричастия на *-jyn/-jin* во всех случаях употребляется изолированно, выполняя функции служебных частей речи. В такой функции в башкирском языке ему соответствует деепричастие на *-(y)p*, то есть *tir*. В отрицательном аспекте деепричастие на *-jyn* выражает действие, совершающееся одновременно с действием главного сказуемого¹¹: *Türk' budun kanyn bolmajyn, tabıaçda adyrylty* (Тон 2) — *Türk'i xalky, xanu menän bulmaj (bulmajynsa), tabıaçtan ajyrylty* 'Тюркский народ, не будучи со своим ханом, отделился от табгачей'. Деепричастию на *-jyn* в отрицательном аспекте функционально соответствует в современном башкирском языке деепричастие на *-maj/-mäj* [отрицательный аспект деепричастия на *-(y)p*] и на *-majynsa/-mäjensä*, также употребляемое только в отрицательном аспекте, что доказывает их генетическое родство.

¹¹ В. Г. Кондратьев. Очерк грамматики..., стр. 43.

Деепричастие на -тај. Эта форма деепричастия в языке памятников встретилась лишь однажды: Bars adyrylmaj utü (Ен 28) — Bars ajuyulmaj kaldy 'Барс не отделился'.

Оно выражает действие, одновременное с действием глагола-сказуемого, и функционально соответствует (в отрицательном аспекте) деепричастиям на -(у)р, -а/-ä и -и/-üу. В современном башкирском языке деепричастие на -тај/-mäј весьма употребительно и имеет то же значение, что и в языке памятников.

Деепричастия на -maty/-matyn/-aty. Эти деепричастия употребляются редко: форма -maty встретилась три раза, -matyn — два раза, -aty — также два раза, причем в одном из последних случаев — в изолированной форме. Все они выражают действие, одновременное с действием глагола-сказуемого; первые две формы — отрицательные, третья — положительная. Примеры:

Säk'iz oyuз tokuz tatar kalmaty k'älti (МЧ 15) — Higeб oyuз, tuуyд tatarдar kalmaj k'ilde 'Восемь огузы и Девять татары пришли без остатка'; Bunča isig k'üçig birtük' — gärü sakynmaty, türk' budun ölärajın, oгуysyratajyn, — tir ärmis (КТб 10) — Bynsa ešen-k'ösön birmäök'ä ujlap (до сл. biregä ujlamaj) törk'i xalky: ültäräjem üdemde, — tine 'Не думая отдавать столько трудов и сил, тюркский народ говорил: лучше погубим сами (себя) и искореним'; Tün udymaty, k'üntüz olurmaty, kyzyl kanym tök'ti, kara tärim jügürti, isig k'üçig bärtim ök' (Тон 50—51) — Tönön joklamaj, k'öndöb ultyrmaj, kudyл kanym tugelde, kara tireм акты, ešemde-k'ösömdö birдем 'Не спав по ночам, не имея покоя днем, проливая красную кровь свою и заставляя течь свой черный пот, я отдавал народу (свои) работу и силу'; Igitmiş қауаныңын sabyn almatyn, jir saju bardyу, kop anta alkyntyу, aryltyу (КТм 9) — K'ütärgän қауаныңдын hüden totmaj jer hajyn jörönöң, unda хälheдläндең 'Не слушаясь поднявшего (тебя) хана и слова его, (стал) бродить по всем странам и там совершенно изнемог и изнурился'; Oуly ulaty kalmyş (Тал 3) 'Сын его, наследуя, остался'.

В современном башкирском языке деепричастия на -maty/-matyn/-aty отсутствуют. Формам на -maty/-matyn соответствуют деепричастия на -тај/-mäј||-тајynsa/-mäјensä. Трудно сказать, сохранилась ли форма на -aty, ибо в башкирском языке нет основы ul, от которой образуется это деепричастие. Однако, исходя из значения деепричастия на -aty и отрицательной формы -maty, можно предположить, что в башкирском языке ту же функцию выполняет деепричастие на -j, употребляющееся только с вспомогательными глаголами и в изолированной форме, например: ešläj birде 'он продолжал работать', joklaj jадбу 'он едва не уснул'; ukyj jögö 'почитывай'¹².

В современном башкирском языке существует ряд лексикализованных глаголов с аффиксами -ata/-ätä/-ta/-tä и -lata/-lätä, несомненно, восходящих к деепричастию на -aty, например: karata 'в отношении, относительно, в зависимости, от' (от глагола kara- 'смотреть'); ajuгata 'особенно, в особенности, исключительно, преимущественно' (от глагола ажу- 'отделить'); k'ügälätä 'нарочно, на виду (у всех)' (от глагола k'ür- 'видеть') и др.

Общий анализ деепричастий на -jyn, -тај, -тајyn, -aty, -maty и -matyn показывает, что все они выражают действие, одновременное с

¹² Примеры взяты из кн.: Н. К. Дмитриев. Башкорт теленең грамматикаһы. Офе, 1950, стр. 212—213.

действием основного глагола-сказуемого, будучи по значению близки к деепричастиям на -(y)p, -a/-ä, -u/-ju, -y/-i. Форма на -jip употребляется параллельно с деепричастием на -(y)p от основы ti- 'говорить', и они почти не имеют смыслового различия. Сравнение приведенных выше примеров с отрицательными формами деепричастий показывает, что они взаимозаменяемы. Все указанные формы переводятся на башкирский язык деепричастием на -тај/-mäj и его параллельным вариантом на -тајунса/-mäjensä. Все это позволяет выдвинуть предположение об их генетическом родстве.

Ясно, что точно так же, как и в языке памятников формы на -matyp и -урап являются параллельными вариантами соответственно форм на -maty и -(y)p, в современном башкирском языке форма -тајунса/-mäjensä представляет собой параллельный вариант деепричастия на -тај/-mäj. С. Е. Малов утверждал, что деепричастие на -урап образовалось в результате наращения -ap/-äp к форме -(y)p¹³. Исходя из этого, мы считаем возможным предположить, что -matyp образовалось из формы -maty путем наращения -n, а современная башкирская деепричастная форма -тајунса — из формы -тај последовательным наращением -up и -sa. Древнетюркское -га, сохранившееся в башкирском языке в виде -sa (č > s), также употребляется в памятниках в функции деепричастия (см. ниже).

В тюркских языках известно чередование t/d с j¹⁴. На этом основании можно предположить, что форма -тајун образовалась из -matyp, -тај — из -maty, -jip — из предполагаемой, не зафиксированной в языке исследуемых памятников формы -atyp*, а современная башкирская деепричастная форма на -j — из древнетюркской -aty. Близость значений указанных форм, а также фонетические закономерности развития тюркских языков позволяют сделать такой вывод¹⁵.

Употребление всех этих генетически родственных и одинаковых по значению деепричастий в памятниках орхоно-енисейской письменности можно объяснить параллельным существованием старых и новых форм в орхоно-енисейский период. Кроме того, следует учесть, что, во-первых, памятники создавались разными авторами в разное время (памятники орхоно-енисейской письменности датируются V—VIII вв. нашей эры¹⁶); и, во-вторых, язык исследуемых памятников членился на диалекты¹⁷.

Форма на -maty используется в памятниках Кюль-Тегину, Моюн-Чуру и Тоньюкуку; -тајун — в памятнике Тоньюкуку, -matyp — в памятнике Кюль-Тегину и енисейском памятнике № 28, -aty — в таласском памятнике № 3, -тај — в енисейском памятнике № 28.

Итак, деепричастия на -тајун, -jip, -тај, -maty, -matyp, -aty являются генетически родственными; они существуют в современном башкирском языке в виде деепричастных форм на -тај/-mäj||-тајунса/-mäjensä и на -j.

¹³ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 48.

¹⁴ Дж. Г. Кукбаев. Башкорт теленең фонетикаһы. Өфө, 1958, стр. 127.

¹⁵ Другие этимологии деепричастия на -matyp см.: В. Г. Кондратьев. Очерк грамматики..., стр. 41; М. Räsänen. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen. Helsinki, 1957, стр. 193.

¹⁶ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 8; И. А. Батманов и др. Современная и древняя енисейка. Фрунзе, 1962, стр. 30.

¹⁷ И. А. Батманов и др. Указ. раб., стр. 45—50.

ВТОРАЯ ГРУППА ДЕЕПРИЧАСТИИ

Деепричастие на -yaly/-gäli. Данное деепричастие, встретившееся семь раз (2,3%), выражает цель действия основного глагола-сказуемого. Примеры:

K'isi oŷly kor ölgäli tögümis (КТб 50) — K'eše uldary bötähe lä üler ösön tyua 'Сыны человеческие все рождены с тем, чтобы умереть'; Syŋar süsi äbig barkuŷ julyaly bardy, syŋar süsi söŋüşgäli k'älti (БК 32) — Hyŋar ɣäsk'äre öj-haraj dy talayya bardy, hyŋar ɣäsk'äre huɣuŷyɣa k'ilde 'Одно войско пошло, чтобы разграбить наши жилища, другое войско пришло, чтобы сразиться с нами'; Sanayaly tüsürtimiz (Тон 27) — Napaɣa töšögdök' 'Мы заставили спешиться (войско), чтобы сосчитать'.

В современном башкирском литературном языке отсутствуют деепричастия на -yaly/-gäle, его функцию выполняет инфинитивная форма на -yɣa/-ergä (см. переводы примеров на башкирский язык). В северо-восточном диалекте башкирского языка деепричастие на -yaly/-gäle в том же значении употребляется довольно активно. Вышеприведенные примеры можно перевести на данный диалект башкирского языка соответственно так: K'eše uldary bötähe lä ülgäle tyua; Hyŋar ɣäsk'äre öj-harajdy talayaly bardy, hyŋar ɣäsk'äre huɣyskaly k'ilde; Napaɣaly töšögdök'.

Форма на -mäziŋä. Данная форма встретилась один раз в Онгинском памятнике. Она состоит из причастия в отрицательном аспекте на -mäz и аффикса направительного падежа -ŋä, имеет значение отрицательного деепричастия цели. В современном башкирском языке ей соответствует форма -mäšk'ä, имеющая то же значение и образованная по той же модели: Buduŋ anta bärmäziŋä tasulmys (О 8) — Xalyk unda birmäškä k'ütärelgän 'Народ тогда поднялся, чтобы не отдать его (врагам)'.

Деепричастие на -dukda. Эта форма состоит из двух компонентов: причастия на -duk и аффикса местного падежа -da. Всего в исследуемых текстах отмечено 11 случаев употребления причастия на -dukda (3,6%).

В современном башкирском языке причастию на -duk функционально соответствует причастие на -ɣan, и, следовательно, деепричастию на -dukda соответствует деепричастие на -ɣanda.

Деепричастие на -dukda может принимать аффиксы лица. В языке памятников оно зафиксировано с аффиксом II лица -n: olurtukynta (БКх 13) — ultyɣanunda 'когда он сидел'. В современном башкирском языке деепричастие на -ɣanda также принимает аффиксы лица: mineŋ k'ilgänemdä 'когда я приходил', hineŋ k'ilgänendä 'когда ты приходил', unuŋ k'ilgänendä 'когда он приходил'.

Деепричастия на -dukda в языке памятников и -ɣanda в башкирском языке имеют чисто временное значение, выражая действие, состояние, процесс, во время которого происходит действие основного глагола-сказуемого. Примеры:

Kaŋum kaŋan ućdukda inim K'ül tigin jiti jašda kaldy (КТб 30) — Ataɣam kaŋan ülgändä enem K'ül-Tigin jete jaštä kaldy 'По смерти моего отца мой младший брат Кюль-Тегин остался семи лет (от роду)'; Äcim kaŋan olurtukda özim tarduŷ budun üzä šad ärtim (КТб 17) — Babajum kaŋan (bulyp) ultyɣanda üdem tarduŷ xalkynuŋ šady inim 'Когда сидел на престоле мой дядя — каган, я сам был шадом над народом тардуш'; Äcim kaŋan olurtukynta tört bulunuŷ bunča... (БКх 1) — Babajum kaŋan

(bulur) ultyğanda dürt jaktay u xalykty bynsa 'Когда мой дядя был каганом, он народы четырех стран (света) столь много..'

Деепричастие на -mysda. Образовано от причастия на -mys и аффикса местного падежа -da. Встретилось лишь один раз, и поэтому трудно определить оттенки его значений. В зафиксированном примере данное деепричастие имеет чисто временное значение и выражает действие, одновременное с действием основного глагола-сказуемого: Aduyulmysda sakunur ärtimiz, aduyulnan (ИА 1) — Aduyulğanda haunur inek, aduyulğas 'По уходе мы грустим, разлучившись'.

В современном башкирском языке его функцию выполняет деепричастие на -ğanda/-gända, образованное от причастия на -ğan/-gän, функционально соответствующего причастию на -muş/-miş, с помощью аффикса местного падежа -da/-dä.

Деепричастие на -kupča. Встретилось также один раз, причем в составе предложения, остальные слова которого не поддаются прочтению: buzkupča (Оа 1) — bodğansy 'до их гибели'. В. Г. Кондратьев со ссылкой на А. фон Габен пишет, что эта деепричастная форма выражает предел во времени: «до тех пор пока»¹⁸.

В современном башкирском языке этой форме функционально соответствует деепричастие на -ğansy/-gänse, образованное от причастия на -ğan/-gän с помощью элемента -sy/-se. Это позволяет предположить, что компонент -kup и современное башкирское -ğan/-gän являются генетически родственными.

Деепричастие на -ča. Эта деепричастная форма зафиксирована только однажды, имеет чисто временное значение и «выражает действие, предшествующее действию, выраженному главным сказуемым предложением»¹⁹: Ulyu oylum auyur jok balča Kuş Säñünig balbal tik'ä birtim (БКха 9) — Olo ulym auyur juk bulğas (ülgäs), (uça) Kuş Säñünde balbal ittem 'Когда мой старший сын заболел и умер, я поставил ему балбалом Куш-Сенгуна'.

Деепричастию на -ča в современном башкирском языке соответствует форма на -kas/-käs||-ğas/-gäs (см. перевод примера). Это деепричастие сохранилось в составе сложного деепричастия на -ğansa/-gänsä (č > s), образованного от причастия на -ğan/-gän.

Форма на ärik'li. Данная форма в текстах употреблена три раза. Она является причастием или отглагольным именем от глагола äg- 'быть'²⁰. О его значении и функциях В. Г. Кондратьев пишет: «Эрикли сочетается с основой настоящего, будущего времени и образует форму, выступающую как деепричастие и выражающую развернутое обстоятельство времени: „в то время как“, „когда“»²¹. Примеры:

Anča olurur ärik'li oğuzdantan k'örüg k'älti (Тон 8) — Sulaj ultyğanda (ultyğın saktä) oğuzdan anşy k'ilde 'Так проживая, от огузов пришел лазутчик'; Otuz artuky bir jäşymä karluk budun, buşsuz ärgüz barur arik'li jayy bolty (БК 29) — Utyđ ber jäšemä karluk xalky, kajyuhud jäšägändä (jäšägän saktä) doşman buldy 'На тридцать первом году

¹⁸ В. Г. Кондратьев. Материалы к характеристике деепричастий..., стр. 131.

¹⁹ Там же.

²⁰ V. Tomsen. Turcica. Helsingfors, 1916, стр. 64—65.

²¹ В. Г. Кондратьев. Материалы к характеристике деепричастий..., стр. 131.

(моей жизни) карлуки, когда они были привольно кочующими, стали нам врагами»; *Tuɣ taʂuɣur ärik'li jälmä äri kälti* (МК 17—18) — *Tuɣ aɣa uɣuɣɣan sakta sarɣun k'ilde* 'Как раз, когда знамя двинулось в путь, пришли люди из (конного разведывательного) отряда'.

Как видно из примеров, в современном башкирском языке указанной форме функционально соответствует деепричастие на *-ɣanda/-gända* или аналитическое образование *-ɣan/-gän sakta*.

О данной форме П. М. Мелиоранский пишет: «Я думаю, что *эрикли* есть род наречия или послелого; значение его было вероятно первоначально временное („во время того как” и т. п.), а потом и причинное („вследствие того, что”). Не родственно ли с ним казанско-татарское „аркылы”, этимология которого для меня неясна?»²². В башкирском языке также есть послелог *arɣuɣu* со значением «посредством», «из-за того, что», «вследствие чего-нибудь». Можно лишь предполагать, вслед за П. М. Мелиоранским, что указанные формы родственны, однако доказать это трудно.

Таким образом, язык орхоно-енисейских памятников богат деепричастиями, что связано с употреблением семантически и функционально близких, генетически родственных форм. В современных тюркских языках некоторые из этих форм утратили отдельные свои значения и функции, либо вообще не употребляются. Это можно объяснить проникновением диалектизмов, эволюцией деепричастных форм, в частности унификацией, а также общим процессом развития тюркских языков.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БК — памятник в честь Бильге-кагана (Могильяна).

Ен — Енисейские памятники.

ИА — памятники Ихе-Асхете.

КТ — памятники в честь Кюль-Тегина (*КТб* — большая надпись, *КТм* — малая надпись).

КЧ — памятник в честь Кули-Чура.

МЧ — памятник в честь Моюн-Чура.

О — Онгинский памятник.

Тал — Таласские памятники.

Тон — памятник в честь Тоньюкука.

Цифры указывают номер строки, в последних трех группах — номер памятника по нумерации С. Е. Малова.

²² П. М. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина, стр. 127.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

В. К. КЕЛЬМАКОВ

УДМУРТСКО-ТАТАРСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ И НЕКОТОРЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРИФЕРИЙНО-ЮЖНОГО НАРЕЧИЯ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА*

0. Межъязыковые связи играют немаловажную роль в эволюции языков, и поэтому при проведении исторических исследований необходимо иметь в виду возможное влияние на тот или иной язык иноязычных систем. Так, многие факты исторической фонетики удмуртского языка, которые порой невозможно объяснить на основе лишь его собственных внутрисистемных отношений, находят более или менее убедительное истолкование при учете многовековых тесных контактов с неродственными русским и татарским языками. Особенно сильное влияние татарского языка¹ испытало периферийно-южное наречие². Это было обусловлено тем, что на территории распространения указанного наречия языком межнационального общения являлся, а отчасти и сейчас является татарский³ — язык национального большинства⁴, а в прошлом язык народа, занимавшего в Волго-Камье экономически и политически господствующую

* Статья представляет собой значительно переработанный и дополненный вариант сообщения, прочитанного на III Международном конгрессе финно-угроведов, состоявшемся в августе 1970 года в Таллине.

¹ Утверждение Б. Мункачи, что из всех финно-угорских языков, несомненно, удмуртский находился под наиболее сильным тюркским влиянием (*B. Munkácsi. Votják nyelvtanulmányok. — NyK, XVIII. Budapest, 1883, стр. 146*), в какой-то мере справедливо лишь по отношению к некоторым диалектам периферийно-южного наречия. Этот вывод венгерским лингвистом был сделан на основе анализа большого количества печатных текстов — переводов религиозной литературы на «казанский» (по современной терминологии — кукморский и шонминский) диалект, действительно изобилующих лексическими тюркизмами.

² На основании целого ряда общих признаков под этим названием объединяются бавлинский, кукморский, шонминский и татышлинский диалекты, распространенные в различных районах южной периферии удмуртской языковой области — за пределами Удмуртской АССР в некоторых районах Татарской, Башкирской, Марийской автономных республик и Кировской области.

³ «Там, где распространены буйско-татышские, татышлинские, ташкичинские и канлинские говоры, татарский язык является средством межнационального общения в общественных местах, на собраниях, на производстве и т. д., и, естественно, эти удмурты в большинстве своем свободно владеют татарским языком. В тридцати одной деревне Закамья (то есть в северных районах Башкирии и южных районах Пермской области. — В. К.) удмурты живут совместно с татарами». (*Р. Ш. Насыбуллин. Закамские говоры удмуртского языка. Канд. дисс. М., 1972, стр. 3*).

⁴ По приблизительным подсчетам, сельское население современного Кукморского района Татарской АССР (основная территория распространения кукморского диалекта) имело на январь 1967 года следующий национальный состав: татары — 73%, удмурты — 20%, марийцы — 3%, русские — 2%. Примерно такое же количественное соотношение татар и удмуртов отмечается и на территории распространения остальных диалектов рассматриваемого наречия.

щее положение. Именно этим объясняется то, что значительная часть взрослого удмуртского населения владела и владеет татарским языком. В подобной социолингвистической ситуации, естественно, удмуртско-татарское «языковое взаимодействие протекает при ярко выраженном преобладании одного языка над другим, и мы обнаруживаем лексические (добавим от себя: морфологические и фонетические. — В. К.) заимствования преимущественно лишь из одного языка в другой»⁵. В рассматриваемом случае — из татарских диалектов в удмуртские.

0.1. К исследованию удмуртско-татарских языковых контактов языковеды приступили еще во второй половине прошлого столетия⁶. В соответствии с уровнем разработки проблем межъязыковых связей в европейской лингвистике того времени⁷ основное внимание уделялось анализу лексических и отчасти морфологических заимствований. Что касается области фонетики, то здесь ученые ограничивались главным образом исследованием фонетической адаптации заимствованных слов в усваиваемом языке.

0.2. Отечественными и зарубежными языковедами уже к настоящему времени накоплен достаточно богатый материал, позволяющий сделать некоторые заключения о тюркском влиянии на фонетическую систему удмуртского языка. Данные, полученные лингвистами-удмуртоведами, в том числе и наши собственные наблюдения, указывают на то, что в фонетической системе периферийно-южных удмуртских диалектов в результате контактирования их с диалектами татарского языка появились следующие инновации: 1) изменились акустико-артикуляторные признаки некоторых фонем; 2) у отдельных фонем возникли новые позиционные варианты; 3) произошли синтагматические и парадигматические фонемные изменения; 4) сохранились архаичные элементы, вышедшие из употребления в других диалектах.

Остановимся на этих явлениях подробнее.

1.1. Ярким примером фонетических явлений, относящихся к первой группе, может служить появление заднерядного диалектного варианта общеудмуртской фонемы *ы*.

Так, общепермский нелабиализованный гласный верхнего подъема среднего ряда *ы* (в финно-угорской транскрипции — *i*) имеет в удмуртских диалектах и более заднюю реализацию: в бавлинском⁸, шошминском⁹ диалектах периферийно-южного наречия и бесермянском наре-

⁵ В. Г. Орлова. О возникновении иноязычных элементов в структуре языка. — «Доклады и сообщения Института языкознания Академии наук СССР», т. IX. М., 1956, стр. 80.

⁶ В. Munkácsi. Указ. раб.; *его же*. A votják nyelv szótára. Budapest, 1896; Н. Paasonen. Votják-török szögyeztetések. — NyK, XXXII. Budapest, 1901, стр. 257—270; Р. Р. Штакельберг. Ирано-финские лексикальные отношения. — «Древности восточные. Труды Восточной комиссии имп. Московского Археологического общества», т. I, вып. III, 1893. Из современных работ см.: В. И. Алатырев. Татарские заимствования в удмуртском языке. — «Всесоюзная конференция по финно-угроведению. (Тезисы докладов и сообщений)». Сыктывкар, 1965, стр. 3—6; В. К. Кельмаков. Роль татарского языка в развитии абстрактной лексики кукморского диалекта удмуртского языка. — Там же, стр. 53—55.

⁷ В. Н. Ярцева. Теория субстрата в истории языкознания. — «Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР», т. IX. М., 1956, стр. 8, 26.

⁸ И. В. Тараканов. О некоторых фонетических особенностях бавлинского диалекта удмуртского языка. — «Ученые записки Тартуского государственного университета», вып. 77. Труды по языкознанию. Тарту, 1959, стр. 190.

⁹ Т. И. Тепляшина. Из наблюдений над фонетическими особенностями шошминского диалекта удмуртского языка. — «Труды Марийского научно-исследовательского института», вып. XV. Вопросы языка, литературы и фольклора. Йошкар-Ола, 1961, стр. 129.

чин¹⁰ — в виде неогубленного гласного среднего подъема средне-заднего ряда, в кукморском и глазовском¹¹ диалектах — в виде гласного среднего (нижне-среднего) подъема заднего ряда. Заднерядное соответствие его представлено и в коми-язьвинском диалекте (ø)¹².

Наличие двух основных диалектных вариантов общеудмуртской фонемы — гласного среднерядного и заднерядного — было известно ученым уже давно, спорным же было лишь то, который из них является первичным, исторически более древним. Так, В. И. Лыткин в свое время считал первичным заднерядный диалектный вариант рассматриваемого гласного и выводил его из финно-угорского редуцированного гласного¹³. Впоследствии это мнение поддержал И. В. Тараканов¹⁴.

По мнению же Э. Итконена, коми-язьвинский ø (заднерядный вариант *yi*) вторичен и восходит к общепермскому *i* (*yi*) первого слога, причем ø заместил собой не только *i*, но и более открытый гласный *e*¹⁵. В последней своей крупной работе В. И. Лыткин согласился с этим мнением, но возвел звуки *i* и ø к общепермскому гласному **i̇* (а не к **i̇*, как считал Э. Итконен)¹⁶.

Мы разделяем вторую точку зрения, согласно которой более древним является среднерядный диалектный вариант (*i*) рассматриваемого гласного. В тот период истории развития удмуртского языка, характеризующийся длабиализацией древнеудмуртского огубленного гласного верхнего подъема передне-среднего ряда *ü, в соответствующих диалектах выступал вариант **i̇* — гласный верхнего подъема среднего ряда, с которым совпадал *ü, а не широкий заднерядный вариант **ä̇*. В противном случае длабиализованный гласный *ü слился бы скорее с узким переднерядным **i̇*, нежели с **ä̇*. Таким образом, фонетический процесс *ü > *ä̇* протекал в бесермянском наречии (регулярно) и в некоторых диалектах периферийно-южного наречия (спорадически), обязательно проходя через промежуточную стадию *ü > *i̇* > *ä̇*. Это среднее звено представлено в закамских говорах, например: *kus > закам. *kis*, бесерм. *käs* 'поясница'; *zundes > закам. *zindes*, бесерм. *zāndes*, татыш. *zāndes* 'перстень', 'коленко' и др.

Чем же было вызвано изменение *i̇* в *ä̇* в отдельных диалектах удмуртского языка? Ответ на этот вопрос может быть достаточно простым. Если учесть, что данный процесс происходил в диалектах, длительное

¹⁰ Т. И. Тепляшина. Язык бесермян. М., 1970, стр. 70.

¹¹ В. К. Кельмаков. Кукморский диалект удмуртского языка. Автореф. канд. дисс. М., 1970, стр. 8; В. И. Лыткин и Т. И. Тепляшина. Некоторые особенности глазовского диалекта. — «Записки Удмуртского научно-исследовательского института», вып. 19, Ижевск, 1959, стр. 218—219; В. М. Вахрушев. Об особенностях говоров северного диалекта удмуртского языка. — Там же, стр. 229.

¹² В. И. Лыткин. Коми-язьвинский диалект. М., 1961, стр. 24. (В лингвистической литературе по пермским языкам заднерядный диалектный вариант *i̇* обозначается двумя знаками: ø и *ä̇*. Поскольку речь идет о неогубленном гласном, мы считаем целесообразным употреблять последнее обозначение, сохраняя первое лишь в ссылках на труды других авторов, пользующихся им).

¹³ В. И. Лыткин. Древнепермский язык. Чтение текстов, грамматика, словарь. М., 1952, стр. 92.

¹⁴ И. В. Тараканов. Указ. раб., стр. 190.

¹⁵ E. Itkonen. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe in Tscheremissischen und in den permischen Sprachen. — FUF, XXXI, 1953—1954, стр. 299.

¹⁶ В. И. Лыткин. Исторический вокализм пермских языков. М., 1964, стр. 187.

время контактировавших с татарским языком и подвергавшихся значительному его воздействию. Как известно, в татарском языке имеется неогубленный редуцированный гласный среднего подъема заднего ряда y^{17} , по своим акустическим признакам весьма напоминающий удмуртский диалектный гласный $\hat{e}$, но значительно отличающийся от i . Поразительная близость удмуртского диалектного $\hat{e}$ к татарскому y заключается еще и в том, что оба они по своей природе являются краткими¹⁸.

1.2. Другим примером изменения артикуляционной базы гласного под влиянием артикуляционной базы эквивалентного гласного чужого языка является существование огубленного a° в уфимском диалекте (в одном из закамских говоров), который употребляется во всех фонетических условиях вместо общеудмуртского нелабиализованного a^{19} .

Отмечая, что уфимский a° возник в более поздний период²⁰, Ю. Вихман обходит вопрос о его происхождении.

Огубленное произношение a (a°) в некоторых закамских удмуртских диалектах объясняется, на наш взгляд, влиянием произносительных норм татарского и башкирского языков, где a , как известно, носит лабиализованный характер²¹. (Правда, уфимский a , выступающий в слове во всех позициях, не следует смешивать с огубленным позиционным вариантом гласного a в шошминском и кукморском диалектах, который употребляется в позиции перед u ($<l$) и возник сравнительно поздно под влиянием последнего²²).

2. Под влиянием фонетических особенностей татарского языка в удмуртских диалектах несколько изменился набор позиционных вариантов

¹⁷ «Хэзерге татар әдәби теле. (Лексика. Фонетика. Орфоэпия. Графика һәм орфография. Морфология)». Казан, 1965, стр. 109; «Современный татарский литературный язык. Лексикология, фонетика, морфология». М., 1969, стр. 85. Фонема y , близкая к татарскому y ($-y$) и имеющаяся во всех тюркских языках, за исключением лишь современного уйгурского и узбекского, этимологически соответствует гласному такого же качества в древнетюркских языках (см.: Ф. Г. Исхаков. Об отдельных фонемах татарского языка. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. I. Фонетика. М., 1955, стр. 232—233; *его же*, Характеристика отдельных гласных современных тюркских языков. — Там же, стр. 94—95).

¹⁸ Y. Wichmann. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Wotjakischen mit Rücksicht auf das Syrjänische. — MSFOu, XXXVI. Helsinki, 1915, стр. VI; E. Itkonen. Указ. раб., стр. 299; Д. В. Бубрих. Историческая фонетика удмуртского языка (сравнительно с коми языком). Ижевск, 1948, стр. 18. Несколько редуцированный характер $\hat{e}$ ($=\hat{e}$) в произношении некоторых информантов, носителей глазовского диалекта, отмечают В. И. Лыткин и Т. И. Тепляшина: в идентичных условиях относительная долгота $\hat{e}$ составляет 2 усл. ед., а долгота гласного u — 3 усл. ед. (В. И. Лыткин и Т. И. Тепляшина. Указ. раб., стр. 219). Гласный $\hat{e}$ ($=\hat{e}$) несколько короче гласных среднего подъема e , o , $\hat{o}$ и в кукморском диалекте, будучи гласным среднего подъема, по долготе своей находится в одной группе с узкими гласными i , u , sh ($=\hat{u}$) (см.: В. К. Кельмаков. Кукморский диалект удмуртского языка. Канд. дисс. М., 1970, стр. 90—91).

¹⁹ «Для уфимского диалекта характерен звук a ...» (В. Munkácsi. Votják népköltészetéi haguotányok. Budapest, 1887, стр. XII). Однако в транскрибировании уфимского a° Б. Мункаци не совсем последователен: в одном тексте он употребляет a , в других (записанных, кстати, в том же самом населенном пункте) — $\hat{a}$ (там же, стр. 168, 269, 309).

²⁰ Y. Wichmann. Указ. раб., стр. 4.

²¹ В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1953, стр. 38—39; Ф. Г. Исхаков. Характеристика отдельных гласных современных тюркских языков, стр. 63; *его же*. Об отдельных фонемах татарского языка, стр. 219; У. Ш. Байчура. Звуковой строй татарского языка. Экспериментально-фонетический очерк. Казань, 1959, стр. 29; «Хэзерге татар әдәби теле», стр. 108—109; «Современный татарский литературный язык», стр. 83.

²² Y. Wichmann. Указ. раб., стр. 3; А. И. Емельянов. Грамматика вотяцкого языка. Л., 1927, стр. 11.

у фонем. Так, согласный *l* выступает в татышлинском диалекте в двух вариантах: твердом (*l*) и полумягком (*l̥*). Первый из них реализуется, как правило, после заднерядных гласных *u*, *o*, *ä* и *a* (*kulä* 'умирать, умереть', *tol* 'зима', *tälä* 'перо (птичье)', *kal* 'завязка, шнурок'), а второй — после незаднерядных (передне- и передне-среднерядных) *i*, *e*, *ü*, *o*, *ä*, *ä* (*pila* 'сыну', *mel* 'мел', *pül* 'доска, тес', *tol* 'ветер', *punäla* 'собаке, псу', *käl* 'сила, мочь'). Полумягкий «среднеевропейский» вариант данного согласного не обнаружен до сих пор ни в одном из удмуртских диалектов, за исключением татышлинского.

Хотя полумягкое «среднеевропейское» произношение *l* характерно для многих финно-угорских языков (венгерского²³, прибалтийско-финских²⁴, коми²⁵, марийского²⁵ и др.), ни в одном из них качество *l* не зависит от палатальности/велярности сочетающихся с ним гласных. Таким образом, расщепление общеудмуртского твердого *l* в татышлинском диалекте на два варианта и дистрибуция их в структуре слова по тюркскому образцу в зависимости от качества предшествующих гласных — явно обусловлены татарским влиянием²⁷.

3.1.1. Одной из ярких отличительных особенностей периферийно-южного наречия в области фонемной синтагматики является деканье. Сущность его заключается в том, что вместо первичного анлаутного *j- в бавлинском и шошминском диалектах употребляется *d'*-, кукморском — *d'*- ~ *ž'*-, татышлинском *ž'*-; например: бавл., шошм. *d'ö*, кукм. *d'ö* ~ *ž'ö*, татыш. *ž'ö* 'лед' ~ удм. лит. *йö*, коми *йи*, фин. *jää*, венг. *jég* (<ф.-уг. *jäne).

Кроме удмуртских диалектов, деканье встречается в венгерском языке, в диалектах марийского, карельского, саамского и вепского языков и является, по всей вероятности, результатом позднего параллельного развития его в различных диалектах финно-угорских языков²⁸.

По вопросу о причинах появления деканья в удмуртских диалектах мнения исследователей расходятся. Одни ученые, на наш взгляд, совершенно справедливо видят в этом влияние татарского языка²⁹, другие же

²³ В. С. Иванов. Учебник венгерского языка. М., 1961, стр. 9.

²⁴ «Грамматика финского языка. Фонетика и морфология». М.—Л., 1958, стр. 26; К. Абен. Учебник эстонского языка, Таллин, 1960, стр. 25.

²⁵ «Современный коми язык», ч. I. Фонетика, лексика, морфология. Сыктывкар, 1955, стр. 30; Г. Г. Бараксанов. Формирование языковых норм коми литературного языка. Сыктывкар, 1964, стр. 30.

²⁶ «Современный марийский язык. Фонетика». Йошкар-Ола, 1960, стр. 109—110.

²⁷ М. Ряснен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, стр. 119. А. Н. Кононов. Грамматика турецкого языка. М.—Л., 1941, стр. 16; Н. П. Дыренкова. Грамматика шорского языка. М.—Л., 1941, стр. 18; *её же*. Тофаларский язык. — В сб.: «Тюркологические исследования», М.—Л., 1963, стр. 10; Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 23; Н. А. Баскаков. Ногайский язык и его диалекты. Грамматика, тексты, словарь. М.—Л., 1940, стр. 17; *её же*. Каракалпакский язык, т. II. Фонетика и морфология, ч. I. (Части речи, словообразование). М., 1952, стр. 64; Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмах. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961, стр. 65; «Хэзерге татар әдәби теле...», стр. 116, 124 и др.

²⁸ J. Szinyei. Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Zweite, verbesserte Auflage. Berlin und Leipzig, 1922, стр. 24; Т. Е. Uotila. Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen.—MSFOu, LXV. Helsinki, 1933, стр. 71; В. И. Лыткин. Историческая грамматика коми языка, ч. I. Введение. Фонетика. Сыктывкар, 1957, стр. 116; Л. П. Грузов. Историческая фонетика марийского языка. Докт. дисс. Л., 1966, стр. 743.

²⁹ Т. G. Aminoff. Votjakin äänne- ja muoto-opin luonnos. Julkaissut Y. Wichmann. — JSFOu, XIV. Helsinki, 1896, стр. 17; Т. Е. Uotila. Указ раб., стр. 71—72.

считают, что деканье возникло в удмуртском языке без вмешательства извне, вполне самостоятельно, на базе артикуляционной близости j и d' ³⁰.

Действительно, консонантизм удмуртских диалектов имел определенные предпосылки и условия для перехода $j \rightarrow d'$, а именно:

а) наличие фонем j и d' ;

б) звонкий анлаут³¹ (звонкие из пары звонкий/глухой начали употребляться в инициале еще в общепермский период³²);

в) отсутствие оппозиции $j \leftrightarrow d'$ в абсолютном начале слова (до $j \rightarrow d'$ -согласный d' в пермских языках вообще не употреблялся в начале слов финно-угорского происхождения)³³.

Однако, несмотря на наличие в консонантизме удмуртского языка перечисленных предпосылок для изменения $j \rightarrow d'$, оно все же произошло лишь в диалектах, издавна развивавшихся в тесном контакте с диалектами татарского языка. Надо полагать, что именно консонантизм татарского языка дал «внешний толчок» реализации возможного изменения j -в d' -. Как известно, переход первоначального анлаутного j - в смычные, щелевые и аффрикативные согласные характерен для многих тюркских языков (киргизского, татарского, казахского, алтайского, хакасского, чувашского, якутского и др.)³⁴. Междиалектное корреспондирование $j \parallel \check{z} \parallel d'$ - было известно уже в болгарском языке³⁵, $j \parallel \check{z}$ - в татарском языке отмечается в письменных источниках начиная с XIV века³⁶. В среднем диалекте татарского языка, находящемся в состоянии взаимодействия с указанными удмуртскими диалектами, $\check{z}$ - употребляется вместо j - во всех случаях, и лишь в речи молодежи под влиянием литературного языка j - частично восстанавливается³⁷.

Замена j согласным d' в начале слова сама по себе не изменила состава согласных удмуртского языка, но она имела далеко идущие последствия и явилась в конечном счете одной из причин слияния d' и $\check{z}'$ в некоторых из рассматриваемых диалектов.

3.1.2. Татарским же влиянием объясняется возникновение в татчинском диалекте такого не характерного для удмуртского языка явие-

³⁰ И. В. Тараканов. Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка. Канд. дисс. Тарту, 1959, стр. 290—291. Л. П. Грузов, выясняя причину звукоперехода $j \rightarrow d'$ - в марийском, пишет, что «переход шумного j в d' в начале слова представляет собой обычный процесс» и «в артикуляционно-акустическом отношении... объясняется легко» (Л. П. Грузов. Указ. раб., стр. 743).

³¹ «В тех языках, где существует абсолютное глухое начало слова, начальный j вообще не подвергается никаким изменениям, в том числе и аффрикатизации». «Сохранение начального j возможно и при паличии звонких согласных в начале слова, но превращение j в аффрикату при наличии абсолютного глухого начала слова невозможно» (Б. А. Серебренников. О взаимосвязи языковых явлений и их исторических изменений. — «Вопросы языкознания», 1964, № 3, стр. 30—31).

³² Gy. Lakó. Über die Frage der anlautenden stimmhaften Verschlusslauten in den finnisch-ugrischen Grundsprache. — ALH. Budapest, 1962; его же. A magyar nyelv finnugor alapjai. Bevezetés. Hangtan. Kézirat. Budapest, 1964, стр. 66—68; В. И. Лыткин. К вопросу о звонких согласных начала слова в финно-угорских языках. — «Советское финно-угроведение», 1968, № 1.

³³ В. И. Лыткин. Историческая грамматика коми языка, стр. 121—122.

³⁴ W. Radloff. Phonetik der nördlichen Türksprachen. Leipzig, 1882, стр. 156; Н. К. Дмитриев. Фонетические закономерности начала и конца тюркского слова. — Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. 1, стр. 267—268.

³⁵ Н. А. Баскаков. Тюркские языки. М., 1960, стр. 110.

³⁶ Л. Жалэй. Татар теленең тарихи фонетикасы буенча материаллар. Казан, 1954, стр. 60—63.

³⁷ Л. Жалэй. Татар теленең урта диалекты буенча монография. Докт. дисс. Казан, 1952, стр. 227—228, 337—340.

ния фонемной синтагматики, как гармония гласных³⁸. Правда, хотя гармония гласных здесь неполная и непоследовательная, однако ее элементы налицо. Как и в тюркских языках (в том числе и татарском), в указанном диалекте удмуртского языка огласовка второго слога зависит в ряде случаев от качества гласных предшествующего слога. Так, гласные *u*, *ä* и *a* обуславливают употребление в последующем слоге передне-средне-рядного гласного *a*, а гласные *o*, *u*, *a*, *ä*, *e* первого слога — употребление гласного заднего ряда *ä*, гласные *i* и *ö* первого слога индифферентны к выбору гласных *ä/ä* последующего слога: *küda* 'лукошко', *vüla* 'воде, за водой', *ärsaz* 'грязный, неопрятный', *amät* 'надежда, чайные, ожидания' — *soz'ät* 'стыд, совесть', *kurät* 'горький', *kaläk* 'народ', *tälän* 'в огне', *kez'ät* 'холод, стужа; холодно' — *kožä ~ köžä* 'горох', *pitäran ~ pitärän* 'колесо' и др.

В остальных удмуртских диалектах во всех перечисленных случаях употребляется лишь один варьирующийся по диалектам гласный *i* (*ä*).

3.2.1. Парадигматической базой для гармонии гласных послужило противопоставление гласных по признаку велярности/велярно-палатальности, в особенности оппозиция наиболее употребительных в непервых слогах гласных *ä* vs *a*, в значительной мере обусловленная тюркским влиянием.

О возникновении неогубленного гласного среднего подъема заднего ряда *ä* из дрезнеудмуртского неогубленного гласного верхнего подъема среднего ряда *i уже говорилось выше (см. 1.1.). Противопоставленный ему по ряду гласный *a*, употребляющийся как в удмуртских (*resp.* финно-угорских), так и тюркских по происхождению словах, заимствован из татарского языка, где ему соответствует неогубленный редуцированный гласный верхне-среднего подъема переднего ряда *é* (орфографически *a*, *e*)³⁹.

Еще одна фонема заимствована удмуртскими диалектами (татыш-линским, кукморским, бавлинским, закамскими) из татарского языка — это неогубленный гласный передне-среднего ряда нижнего подъема *ä*⁴⁰.

Легкость усвоения иноязычных фонем обусловлена наличием так называемых «пустых клеток» в системе гласных удмуртских диалектов и целым потоком татарских лексических заимствований, содержащих рас-

³⁸ В. К. Кельмаков. Зачатки гармонии гласных в периферийно-южном наречии удмуртского языка. — «Вопросы советского финно-угроведения. Языкознание. (Тезисы докладов и сообщений на XIV Всесоюзной конференции по финно-угроведению, посвященной 50-летию образования СССР)». Саранск, 1972, стр. 44.

³⁹ Ф. Г. Исхаков. Об отдельных фонемах татарского языка, стр. 233; У. Ш. Байчура. Звуковой строй татарского языка..., стр. 34; «Хэзерге татар әдәби теле...», стр. 109, Р. С. Газизов. Составительная грамматика татарского и русского языков. Казань, 1966, стр. 9.

⁴⁰ Y. Wichmann. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Wotjakischen mit Rücksicht auf das Syrjänische, стр. 5; И. В. Тараканов. Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка, стр. 79—80; В. К. Кельмаков. О некоторых специфических фонемах кукморского диалекта удмуртского языка. — «Советское финно-угроведение», 1968, № 3, стр. 195; Р. Ш. Насибуллин. К вопросу о происхождении новых фонем (по материалам удмуртских диалектов). — «Вопросы советского финно-угроведения. Языкознание. (Тезисы докладов и сообщений на XIV Всесоюзной конференции по финно-угроведению, посвященной 50-летию образования СССР)», стр. 50—51.

эмагриваемые гласные фонемы⁴¹. Функционирование заимствованных гласных *ə* и *ä* в качестве самостоятельных фонем в удмуртских диалектах подтверждается не только употреблением их в речи монолингвов⁴² данных диалектов, но и тем, что они встречаются уже и в словах удмуртского происхождения.

3.2.2. Примером уменьшения количества фонем в результате иноязычного влияния является утрата фонемной функции палатальными аффрикатами *ʃ'* и *ʃ'*. Подобно согласным *ʒ* и *ʃ*, восходящим к древнетюркским аффрикатам и превратившимся в современных татарских диалектах в щелевые⁴³, удмуртские *ʃ'*, *ʃ'* потеряли в учинском говоре кукморского диалекта смычный элемент, слившись тем самым с палатальными фрикативными *ʒ'*, *ʒ'*. Внутроструктурной предпосылкой для совпадения *ʃ'* с *ʒ'* и *ʃ'* с *ʒ'* явилось то, что оппозиция указанных аффрикат с щелевыми имела чрезвычайно слабую функциональную нагрузку и ограниченную дистрибуцию.

4. Немалый интерес представляют случаи, когда иноязычное влияние проявляется не в количественном или качественном изменении фонемного инвентаря исследуемого диалекта, а, напротив, в сохранении в его системе архаичных элементов и явлений, а также тех отношений и связей, которые со временем исчезли в других диалектах, свободных от воздействия иноязычных систем.

Во всех диалектах периферийно-южного и во многих диалектах южного наречий сохранилась древняя финно-угорская фонема *ɲ*, давно вышедшая из употребления в языке коми, северном и бесермянском наречиях, а также в большинстве средних говоров удмуртского языка. В этом исследователи справедливо видят проявление консервирующего влияния татарского консонантизма⁴⁴.

Вероятно, внешней поддержке со стороны татарского вокализма обязаны диалекты периферийно-южного наречия сохранением огубленного произношения гласного *o* и фонемной функции огубленного гласного передне-среднего ряда верхнего подъема *u*. Эти древнеудмуртские гласные фонемы претерпели в других диалектах существенные изменения: оба они подверглись процессу длабиализации, причем первая практически сохранила фонемную функцию, а вторая совпала с другими первичными гласными.

5.1. Как показывают наблюдения над диалектами периферийно-южного наречия удмуртского языка, в условиях интенсивного и длитель-

⁴¹ В. К. Кельмаков. О некоторых специфических фонемах кукморского диалекта удмуртского языка, стр. 195. Об условиях заимствования фонем из одного языка в другой см.: Г. Пауль. Принципы истории языка. М., 1960, стр. 464; В. Г. Орлова. О возникновении иноязычных элементов в структуре языка, стр. 80; «Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка». М., 1970, стр. 286.

⁴² Подобный критерий для определения освоенности той или иной иноязычной фонемы был введен Е. М. Верещагиным в его статье «О проблеме заимствования фонем» (сб. «Язык и общество». М., 1968, стр. 170).

⁴³ Фрикативный характер тат. *ʃ* и *ч* впервые экспериментально доказал, по мнению У. Байчура, Г. Шараф, впоследствии подтвердил его сам У. Байчура (У. Байчура. Звуковой строй татарского языка, стр. 117—120). Фрикативное произношение указанных фонем является нормой современного литературного языка («Хазерге татар әдәби тел...», стр. 113—114; «Современный татарский литературный язык...», стр. 92), хотя в некоторых диалектах встречается и аффрикативное произношение (В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками, стр. 45; Л. Жәдәй. Татар теленен тарихи фонетикасы буенча материаллар, стр. 64).

⁴⁴ Б. А. Серебрянников. О взаимодействии языков. (Проблема субстрата). — «Вопросы языкознания», 1955, № 1, стр. 11; И. В. Тараканов. О некоторых фонетических особенностях бавлинского диалекта, стр. 191; В. К. Кельмаков. О некоторых специфических фонемах кукморского диалекта удмуртского языка, стр. 193.

ного контактного воздействия татарского языка на удмуртские диалекты и развившегося на этой базе смешанного типа удмуртско-татарского двуязычия у значительной части удмуртского населения (носителей рассматриваемых диалектов) произошло постепенное сближение двух генетически неродственных и типологически несходных фонологических систем. При этом одна из них — удмуртская — подверглась значительным преобразованиям. Крайне противоречивые и несовместимые, на первый взгляд, фонетические процессы, протекавшие в бавлинском, кукморском, татышлинском и шошминском диалектах, как, например, возникновение одних фонем ($\ddot{a}$, ∂) и выпадение других ($\check{z}'$, $\check{c}'$), изменение произносительных норм одних звуков (∂ , a^o) и устойчивое сохранение древних акустико-артикуляционных признаков у других (o), появление самых различных инноваций в фонемной синтагматике и парадигматике [в частности, деканье, гармония гласных, с одной стороны, и консервация самых архаичных явлений, давно утраченных остальными диалектами (i , η), — с другой] — все они, при ближайшем рассмотрении, носят целесообразный и системно обусловленный характер, ибо подчинены единой тенденции, заключающейся в максимальном приближении консонантизма и вокализма удмуртских диалектов к фонологической системе татарского языка. И, естественно, одни процессы, наметившиеся в фонетической системе удмуртских диалектов, заглушаются и свертываются, другие — напротив, ускоряются и активизируются, третьи же получают совершенно неожиданное направление в зависимости от того, в какой мере они способствуют сближению удмуртской и татарской фонологических систем.

5.2. Воздействие татарского интерстрата в некоторой степени способствовало консолидации территориально удаленных друг от друга удмуртских диалектов в одно наречие, ибо многие общие фонетические особенности, объединяющие рассмотренные диалекты в пространственно-структурную единицу высшего порядка, но отличающие их от диалектов других наречий (например, функционирование фонем η и i , заднерядная артикуляция гласного ∂ , огубленное произношение o и др.), — в конечном счете возникли благодаря татарскому влиянию.

А. ЖАППУЕВ

РОЛЬ СОСЕДНИХ ЯЗЫКОВ В РАЗВИТИИ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

Карачаевцы и балкарцы издавна живут в соседстве со многими народами Северного Кавказа и Закавказья: осетинами, кабардинцами, абазинцами, черкесами, ногайцами, сванами и другими. Многовековые экономические и культурные связи с этими народами послужили причиной проникновения в карачаево-балкарский язык многочисленных лексических заимствований, главным образом терминологической лексики, в которой важное место занимает земледельческая терминология.

Следует отметить, что заимствование из соседних языков в карачаево-балкарский происходило особенно интенсивно главным образом до начала XX в. С начала же нашего века, несмотря на усиление контактов между народами Северного Кавказа и Закавказья, источником заимствований становится прежде всего русский язык, через посредство которого происходит заимствование слов и из других языков, в том числе и интернациональных терминов.

Как известно, заимствованные слова (даже если они не являются простыми) после освоения их заимствующим языком обычно воспринимаются как однокорневые. В ряде случаев лишь специальный этимологический анализ позволяет определить, является ли данное слово исконным или заимствованным.

Так, например, слово *merk'e* в карачаево-балкарском языке означает «сосуд вместимостью 16 кг, служащий мерой веса зерна и сыпучих тел». Это слово трудно отличить от собственно карачаево-балкарских слов: в фонетическом отношении оно полностью подчинено закону сингармонизма, нет отличий и морфологического характера. Однако данное слово заимствовано из русского языка; ему соответствует русское *мерка*, состоящее из трех компонентов: корня *мер-*, суффикса *-к-* и окончания *-а*. Карачаево-балкарское же *merk'e* функционирует уже в виде корня-основы. Осетинское слово *dorlasyn* 'волокуша для вывоза камней' состоит из двух компонентов: *dog* 'камень', *lasyn* 'тащить'¹. В балкарском же языке эти компоненты не вычлениаются и слово воспринимается как однокорневое. То же можно сказать о слове *partux* 'кукуруза', заимствованном из кабардинского, где оно является сложным словом: *partuxi* 'кукуруза' [*part* 'нарт' + *xi* 'просо' (букв. 'нартское просо')]².

Заимствованный «иноязычный материал» не может сразу приобрести качества элемента лексико-семантической системы воспринимающе-

¹ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, т. I. М.—Л., 1949, стр. 278.

² Б. Х. Балкаров. Адыгские элементы в осетинском языке. Нальчик, 1965, стр. 57.

го языка. Для полного освоения заимствованного слова необходимы определенные условия, сформулированные Л. П. Крысиным следующим образом:

«1) передача иноязычного слова фонетическими и графическими средствами заимствующего языка; 2) соотнесение слова с грамматическими классами и категориями заимствующего языка; 3) фонетическое освоение иноязычного слова; 4) грамматическое его освоение; 5) словообразовательная активность слова; 6) семантическое освоение иноязычного слова: определенность значения, дифференциация значений и их оттенков между существовавшими в языке словами и появившимся иноязычным словом; 7) регулярная употребляемость в речи: для слова, не прикрепленного к какой-либо специальной стилистической сфере — в различных жанрах литературной речи; для термина — устойчивое употребление в той терминологической области, которая его заимствовала; наличие определенных парадигматических и «значимых» отношений с терминами данного терминологического поля»³.

Однако для некоторых языков наличие всех этих условий не обязательно. Так, в карачаево-балкарском языке передача иноязычного слова графическими и фонетическими средствами не является столь необходимой. Объясняется это тем, что в советскую эпоху карачаево-балкарский язык заимствует слова преимущественно из русского языка или же посредством его, сохраняя их написание в русской графике. Большинство современных заимствований, проникая в язык через литературу и прессу, то есть через письменный язык, не подвергается также и фонетико-морфологической ассимиляции. Различным видам ассимиляции подвергаются главным образом слова, заимствованные через устную речь, к которым относятся все заимствования, вошедшие в язык до Великого Октября. Приведем примеры фонетического освоения карачаево-балкарским языком некоторых заимствованных слов: кабард. рхъу 'морковь' — карач.-балк. буху, кабард. šibžij 'перец красный' — карач.-балк. šibiži, осетин. bālas 'дерево' — карач.-балк. balas 'салазки, изготовленные из молодого дерева, служащие для транспортировки сена с гор'.

В процессе фонетического освоения слов язык подвергает изменениям несвойственные ему звуки. Например, в слове рхъу произошло закономерное для карачаево-балкарского языка озвончение начального *p*. Звук *xʁ*, отсутствующий в карачаево-балкарском языке, заменен звуком *x*. Здесь следует отметить также изменение и самой структуры корня слова: не свойственное тюркским языкам стечение двух согласных в начале слова (закон полногласия)⁴ устранено с помощью эпентетической гласной *y*. Осетинское слово bālas подверглось фонетическому изменению: произошла субституция чуждого звука *ā* исконным *a*: balas.

Заимствованные слова осваиваются и грамматически. Они относятся к определенному лексико-грамматическому классу, приобретают соответствующие грамматические категории, свойственные заимствующему языку, включаются в систему словообразования и т. д.

В процессе заимствования возможны изменения и семантического характера. Слова, переходя из одного языка в другой, утрачивают некоторые свои значения, что ведет к сужению семантики слова. Так, кабар-

³ Л. П. Крысин. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1963, стр. 35; ср. также: Э. Ахунзянов. Русские заимствования в татарском языке. Казань, 1968, стр. 15; Л. П. Ефремов. Сущность лексического заимствования. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1959, стр. 4.

⁴ А. Н. Коконов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 40—41.

динское слово *māgakluä* имеет несколько значений: «ягода», «земляника», «тутовник», «шелковица»; в карачаево-балкарский же язык это слово вошло только с одним значением: «земляника».

Наблюдается и изменение семантики слова, например, осетинское *bālas* 'дерево' в карачаево-балкарском языке приобрело новое, специальное значение «салазки, изготовленные из молодого дерева, служащие для транспортировки сена с гор».

Карачаево-балкарский язык заимствовал из языков соседних народов различное количество земледельческих терминов. Наибольшее количество терминов заимствовано из кабардинского и осетинского языков.

Займствования из адыгских языков

Martūx 'кукуруза' <кабард. *partux* в том же значении.

Marok'o 'земляника' <кабард. *māgakluä* 'ягода', 'земляника', 'тутовник', 'шелковица'; ср. также с груз. *marcki* 'земляника'⁵.

Б. Х. Балкаров связывает данное слово с осетин. *murtgä||murtk'ä* 'калина' и карач.-балк. *murtku||murtxu* 'калина'. Однако трудно согласиться с тем, что *marok'o* и *murtk'u||murtxu* генетически восходят к кабард. *māgakluä* и что карачаево-балкарский язык мог освоить одно и то же заимствованное слово в различных вариантах. К тому же корень слова *murtku||murtxu* встречается и в других тюркских языках: тат. *murt* 'дряхлый', 'рыхлый'; чуваш. *murtāx* 'ломкий', 'легко ломающийся (о дереве)'; -k'u, -xu являются имяобразующими аффиксами⁶.

Vuxu 'морковь' <кабард., адыг *rxu* в том же значении⁷.

Zyntxu 'овес' <адыг. *zäntx* в том же значении; ср. осетин. *zätxä*, сван. *zyntx*, абхазо-абазин. *zyntxu*. А. И. Робакидзе и Р. Л. Харадзе считают, что в балкарский язык это слово проникло через посредство сванского языка⁸. Однако более справедливо, на наш взгляд, утверждение В. И. Абаева и Х.-М. И. Хаджилаева о том, что данное слово заимствовано из адыгейского языка, а в сванский проникло через балкарский⁹.

Ṣurk'o 'земляная груша'; ср. адыг. *цЫрыкЛу*, кабард. *цЫрыкЛуэ*, абхаз. *цЫркЛуа*, осетин. *дзылкъу* в том же значении. Карачаево-балкарскому *ṣurk'o* наиболее близко абхазское *а-цЫркЛуа*, заимствованное, очевидно, из адыгейского или кабардинского языков, так как в начале основы этого слова выделяется адыго-кабардинское *цЫ||цЫ* со значением «земля».

Ṣibiži 'перец' <кабард.-черкес. *šibžij* 'перец красный'.

Dū 'хранилище для кукурузы, сплетенное из прутьев' <кабард.-черкес. *du* в том же значении. В карачаевском диалекте этого слова нет.

Naša 'огурец', ср. кабард.-черкес. *pašä*, адыг. *paš*, абхаз. *а-паša* в том же значении. В балкарский язык проникло через кабардинский.

⁵ Б. Х. Балкаров. Указ. раб., стр. 21.

⁶ М. А. Хубичев. Карачаево-балкарское именное словообразование. Черкесск, 1971, стр. 58.

⁷ Б. Х. Балкаров. Указ. раб., стр. 18; Х.-М. И. Хаджилаев. Очерки карачаево-балкарской лексикологии. Черкесск, 1970, стр. 115.

⁸ А. И. Робакидзе, Р. Л. Харадзе. К вопросу о сванско-балкарских этно-культурных взаимосвязях. — В кн.: «О происхождении балкарцев и карачаевцев». Нальчик, 1960, стр. 150—151.

⁹ В. И. Абаев. Указ. раб., стр. 295—296; Х.-М. И. Хаджилаев. Указ. раб., стр. 115.

Г. А. Климов не считает основу слова *a-paša* адыгской, но признает, что в абхазский язык слово попало через адыгейский¹⁰.

Заемствования из осетинского языка

Bel 'лопата' <осетин. *bel* 'лопата, заступ' (<перс.). Предполагается, что это слово вошло в осетинский язык через дагестанские языки, где оно широко представлено: авар., кумык. *bel*. Зафиксировано оно также в турецком, азербайджанском и чеченском языках¹¹.

Balas 'салазки, изготовленные из молодого дерева, для транспортировки сена с гор' <осетин. *bālas* 'дерево'¹².

Toĭan 'скатываемая с горы масса сена' <осетин. *tolun* 'катить'¹³.

Dorlasyn 'волокуша, на которой вывозили камни с поля'.

Pytau 'хлебный стог' <осетин. *āftau* 'снопы, сложенные для молотбы'¹⁴.

Goton 'плуг'. В осетинском языке имеются две формы: *guton*||*gotop* 'плуг'. По закону гармонии гласных карачаево-балкарский язык воспринял вторую форму, в которой соблюдается закон гармонии гласных: *gotop*. Слово это, однако, не собственно осетинское. Его происхождение точно не установлено, и считается, что оно общекавказского происхождения¹⁵. Ср. азерб. *k'otan*¹⁶, арм. *gutani*¹⁷, авар. *k'utan*¹⁸, груз. *gutani*¹⁹, лезг. *k'uyten*²⁰, дарг. *gutani*²¹, курд. *k'otan*²².

Заемствования из других языков

Земледельческие термины, заимствованные из других языков, весьма малочисленны.

Bali 'вишня' <перс. В карачаево-балкарский язык могло попасть из грузинского или сванского языков (ср. карач. *ābzek'öget* 'черешня', что означает буквально «сванский фрукт»). В грузинском языке *alubalu* имеет значение 'вишня', *balu* — «черешня». В других языках: кабард. *balij*, азерб. *baly*, ног. *albeli* 'вишня', осет. *bal*||*bali* 'вишня', 'черешня'²³.

Qudori 'боб', 'фасоль'. Ср. сван. *гъэдорэ* 'горох полевой', осет. *къэдорэ* 'бобы' и абхаз. *а-къэд-ра* 'бобы'. Мы склонны считать, что это слово заимствовано из сванского языка, куда оно проникло, в свою очередь, из грузинского. Ср. груз. *къндури* 'большие бобы', 'турецкие бобы'²⁴.

Saga 'мотыга', 'тяпка'. М. А. Хабичев считает, что данное слово восходит к венгерскому *šok'ap* 'кирка', 'кайло'²⁵.

¹⁰ Г. А. Климов. Абхазско-адыгские этимологии (заимствованный фонд). — В сб.: «Этимология». М., 1966. стр. 293.

¹¹ В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I. М.—И., 1958. стр. 259.

¹² Там же, стр. 247.

¹³ Там же, стр. 278.

¹⁴ Там же, стр. 113.

¹⁵ Там же, стр. 527.

¹⁶ «Русско-азербайджанский словарь». т. I. Баку, 1955. стр. 282.

¹⁷ «Русско-армянский словарь». Ереван, 1968. стр. 778.

¹⁸ «Русско-аварский словарь». Махачкала, 1951. стр. 639.

¹⁹ «Русско-грузинский словарь». Тбилиси, 1959. стр. 459.

²⁰ «Русско-лезгинский словарь». Махачкала, 1950. стр. 546.

²¹ «Русско-даргинский словарь». Махачкала, 1950. стр. 9:0.

²² «Русско-курдский словарь». М., 1957. стр. 476.

²³ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, т. I, стр. 235.

²⁴ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, т. I, стр. 296.

²⁵ М. А. Хабичев. Указ. раб., стр. 12.

Однако слово *čaga* близко и абхазскому *a-čaga* 'мотыга', абазинскому *tšaga* 'мотыга'. Кроме того, в абхазо-абазинских языках слово *čaga* можно разложить на компоненты: *ča-* 'мотыжить' и *-ga* — орудный аффикс²⁶. Следовательно, абхазо-абазинское происхождение этого слова более вероятно.

Таким образом, обогащение карачаево-балкарского языка происходило и за счет заимствований из языков соседних народов прежде всего земледельческими терминами.

---

²⁶ «Грамматика абхазского языка. Фонетика и морфология». Сухуми, 1968, стр. 46.
5 «Советская тюркология». № 3

ТОПОНИМИКА

А. ГУСЕЙНЗАДЕ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТОПОНИМА «АПШЕРОН»

До последнего времени в научной литературе господствовало мнение, что название Апшеронского полуострова происходит от персидского *abe-širān* 'соленые воды' и возникло в связи с существующими на полуострове соляными озерами [23, 3; 24, 28]. Параллельно существовала, правда, и другая, диаметрально противоположная интерпретация топонима, возводящая его к персидскому же *abe-širīn* 'пресная вода' [12, 81; 23, 3; 24, 28].

Недостаточная убедительность этих двух противоречащих друг другу толкований побудила исследователей продолжить работу по этимологизации данного географического названия. В результате появилась новая гипотеза, принципиально отличающаяся от приведенных выше. Автор ее Р. Юзбашев, исходя из того факта, что «в документах XVIII в., написанных арабскими буквами, а также на карте Апшеронского полуострова известного азербайджанского географа Гафур Рашада Мирза-заде (1884—1943), опубликованной в начале XX в., слово „Апшерон” имело форму „Эфшеран” („Афшаран”», приходит к заключению, что в основе топонима лежит этноним *афшар*, а *Афшаран*, таким образом, означает «населенный пункт, где жили афшары» [39, 8; 11, 66]. Предположение, что основу рассматриваемого топонима составляют не персидские словосочетания *abe-šir* или *abe-širīn*, а тюркский этноним *aḫšar*, безусловно, заслуживает внимания, хотя он автором пока еще недостаточно аргументирован.

Остановимся несколько подробнее на литературе по данному вопросу.

Прежде всего следует отметить, что среди довольно многочисленных персоязычных и тюркоязычных источников прошлого, содержащих упоминания о Баку, название полуострова встречается в сочинениях лишь двух авторов: А. Бакиханова (в форме *Aḫšāran*) [3, 4] и Мухаммед Хасан-хана Сани'уд-Даула (*Abšeron*) [20, 151], посетившего Баку в конце прошлого столетия. В азербайджанской периодической печати второй половины XIX века полуостров именуется *Āḫšāran* [37, 4].

В одном ряду с исследуемым географическим названием стоят также названия поселка *Апшерон* в одноименном лимане в Азизбековском районе города Баку и города *Апшеронск* в Краснодарском крае РСФСР [31, 424; 18, кар. 36 А-1]. Исходный вариант этого топонима сохранился в названии села *Āḫšāran* в шахристане Керманшахан в западном Иране [36, т. 5, 11]. На исторической карте Азербайджанской ССР названием

Āišaran обозначены два объекта: небольшое укрепление в гавани *Афшаран* [9, 173] и довольно обширная возвышенность, расположенная в северо-западной части «Ширванской провинции» (1883 г.), недалеко от реки Геокчай [17, 39]. В исторической топонимии Апшеронского полуострова, помимо самого полуострова, под этим названием были известны маяк и почтово-телеграфная станция, а на северо-востоке полуострова — пролив, банка [4, кар. 30 В-6] и небольшая гора у маяка [13]. По всей вероятности, все эти объекты, как и сам полуостров, получили название от находившегося на полуострове города-укрепления. Город *Апшерон* упоминается в путевых записях Бэла, секретаря английской миссии в России, посетившего эти места в 1718 году. В своих «Путешествиях» Бэл сообщает, что «на два дня езды от Низабада (ныне Низовая в Хачмасском районе Азербайджанской ССР. — А. Г.) на восток находятся два знатные города, а именно Апшерон и Баку, из коих первый имеет пристань, которая... почитается наилучшею на сих берегах» [27, 390]. Мы считаем, что упоминаемый Бэлом город *Апшерон* и отмеченное Б. Дорном укрепление в гавани *Афшаран* представляют собой один и тот же географический объект. Реальность этих сообщений подтверждается и сохранившимися на полуострове развалинами «древнего поселения, называемого местным населением *Афшаран*» [2, 25].

Как видно, рассматриваемый нами топоним имеет четыре варианта: Āišaran, Āišāran, Aršeron, Abšeron. Все они состоят из двух компонентов: āišar — основа топонима и -an — персидский аффикс множественного числа, произносимый в персидском и татском языках как -on.

У Махмуда Кашгари (XI в.) и Мубарекшаха Марваруди (XIII в.) слово, лежащее в основе данного названия, зафиксировано как этноним в форме āišar (آهشان) [7, 40; 19, 89; 34, 47], а у Рашид-ад-дина (XIV в.) и Абу-л-Гази хана (XVII в.) — как антропоним в форме Avšar (اوشار) [29, 88; 15, 31]. Укажем, что последний вариант может произноситься не только как Avšar (название, сохранившееся и поныне в Арташатском районе Армянской ССР [1, 184]), но и как Ovšar или Ošar. Варианты Avšar и Ovšar сохранились на исторической карте Азербайджана: *Авшар* — кочевье в «Карабахской провинции» (1823 г.) [25, л. 46^a], *Овшар* — село и кишлак в «Шушинском уезде» (1913 г.) [26, 192]. Āišar сохранился также в современной топонимии Ирана как ороним (юго-запад Сефид-руда) [21, 375] и как ойконим (шахристаны Херовабад и Маранд) [36, т. 4, 36]. Историк Вассаф (XIV в.) зафиксировал его в форме āišār в нисбе Иа'куба б. Арслана āl-āišāri (الافشري) одного из предводителей огузских племен, переселившихся из «Дешти Кыпчак» («Половецкой степи») в Хузистан после падения государства Сельджукидов [32, 125].

Таким образом, как мы видим, интересующее нас слово существовало издавна и употреблялось в различных вариантах. При сопоставлении всех известных разновидностей его вариантов становится очевидным, что в составе этого слова нет да и не могло быть компонента šar 'соленый' или širīn 'пресный'. Они являются возможными, с точки зрения фонетических норм тюркских языков, разновидностями слова āišar.

Здесь уместно сказать несколько слов об афшарах и времени их пребывания в Азербайджане. Афшары входили в союз огузских кочевых племен Приаралья и Прикаспия, живших в IX—XI вв. в оседлых поселениях в низовьях Сыр-Дарьи [14, 467]. Однако в исторических источниках раннего средневековья афшары как самостоятельное племя не упоминаются. М. Г. Велили (Бахарлы) считал, что афшары были переселены в

Азербайджан из Хорасана Надир-шахом (1732—1747) [5, 73]. Летописец Надир-шаха Мирза Мехти-хан полагал, что афшары переселились из Туркестана под натиском монголов (XIII в.) сначала в Азербайджан, а позже, при шахе Исмаиле I (1501—1524), были переселены в Хорасан [22, 26].

Первое предположение несколько сомнительно, ибо известно, что еще задолго до воцарения Надир-шаха афшары принимали активное участие в общественно-политической жизни сефевидского государства, выдвинув из своей среды несколько влиятельных эмиров-полководцев [33, 155]. Такие государственные деятели, как Бедир-хан [8, 34], Еган Султан [8, 33], Вели-хан [8, 39], Кялбалы Султан, Имамгулу Султан, Эрдогду Султан [33, 762] и многие другие были выходцами из племен афшар. Каждый из них предводительствовал военным подразделением, состоявшим из афшаров, и был крупным феодалом, обязанным, в случае необходимости, поставлять шаху вооруженных воинов. Что же касается вышеприведенного утверждения Мирзы Мехти-хана, то последний, вероятно, имел в виду вторую волну перемещения тюркоязычных племен на юг и юго-запад, вызванную монгольским нашествием. Однако первое появление афшаров в Азербайджане было связано, несомненно, с сельджукскими завоеваниями.

Огузы, в племенное объединение которых входили и афшары, в конце X века вели войны в союзе с киевскими князьями против печенегов, хазар и волжских булгар. Часть огузов поселилась в южнорусских степях и впоследствии была поставлена киевскими князьями в вассальную зависимость. Другая часть в X и начале XI вв. двинулась от низовьев Сыр-Дарьи к Бухаре и Хорасану и, предводительствуемая Сельджукидами, завоевала страны Передней Азии [14, 467]. Покорив Иран, огузы двинулись дальше в Азербайджан и были радушно встречены местным правителем Вахсуданом б. Мамлана, видимо, рассчитывавшим использовать их в борьбе со своими врагами [32, 82]. Часть огузов осела в районе озера Урмии.

Несмотря на крайнюю скудность дошедших до нас сведений об афшарах в источниках домонгольского периода, несомненно одно, что представители этого племени жили в Азербайджане как в период сельджукских завоеваний, так и после. Проникновение огузов в Малую Азию, начатое сельджукскими завоевателями, продолжалось до конца XIII века; об участии афшаров в этих походах красноречиво свидетельствуют исторические топонимия [32, 423] и этнонимия [30, 224] Малой Азии. С XIV века наблюдается обратный процесс: тюркоязычные племена, наводившие Анатолию при Тимуре [10, 275], Джалаиридах, Кара-коюнлу, Ак-коюнлу и Сефевидах, — устремляются обратно в Иран и Азербайджан [32, 155]. Как свидетельствует историк Мюнеджим-баши, среди тридцатитысячной армии суфиев шаха Исмаила I, собранной халифом Нуреддином в Анатолии, были и афшары [35, XII; 38, 79]. Однако нельзя забывать и о том, что афшары жили в южном Азербайджане, в окрестностях Урмии, еще до образования сефевидского государства [35, 68]. Как уже отмечалось, массовое проникновение афшаров в Иран и Азербайджан относится к начальному периоду правления Сефевидов.

В исторической топонимии Шекинского ханства имеется название крепости *Ареш*^{*}, ассоциирующееся с наименованием одного из подраз-

* По В. Минорскому: «Ареш — современный Ханабад на дороге Нуха — Барда, на севере реки Кура» [Tadhkirat al-Mulūk. A Manual of Safavid Administration (circa 1137/1725). London, 1943, стр. 167]. Ныне этот населенный пункт расположен на территории Евлахского района Азербайджанской ССР.

делений племени афшар — ärešlu [33, 358]. Город-крепость *Äreš* упоминается в летописи событий XVI века [3, 98]. Таким образом, этот факт указывает на то, что афшары в это время проживали на исторической территории Азербайджанской ССР. На основе сказанного выше мы склонны датировать пребывание афшаров на территории Ширвана, куда входил и полуостров Апшерон, началом XVI века. Появление рассматриваемого этнопонима, вероятно, также относится к этому времени. Очевидно, этнопоним вначале являлся наименованием города-укрепления, а впоследствии дал название и всему полуострову.

Что касается существующих этимологий этнонима *äřar/avřar*, то Рашид-ад-дин объясняет его как «проворный, ловкий» [29, 88], а Абу-л-Гази-хан — как «проворный в работе» [15, 53]. Не соглашаясь с этими этимологиями, Г. Вамбери и Ю. Немет предложили свои толкования. Г. Вамбери переводил этноним как «собиратель», «управитель», а Ю. Немет, возводя его к основе глагола *auř-*, — как «покорный» [16, 29].

По нашему мнению, первые два толкования, основанные, по сути дела, на одной и той же этимологии, представляются наиболее убедительными, тем более, что они находят свое подтверждение и в известном труде Махмуда Кашгари.

Основа названия *äřar* 'проворный' состоит из трех компонентов. Первый из них *äř-* (или *äv-*) представляет собой корень глагола (со значением «торопить, торопиться»), отмеченного Махмудом Кашгари в двух фонетических вариантах: *äv-* *أؤ* и *ev-* *إؤ* [7, л. 87 и 93]; В. В. Радловым прослежены варианты этого глагола в крымском, османском и древнеуйгурском языках — *äv-, äp-, iv-* [28, 940]. Второй компонент *-(i)ř-* является аффиксом совместного залога, указывающим на совместность действия [6, 497]; с его присоединением указанный глагол принимает форму *äř(i)ř-* или *äv(i)ř-* 'торопиться совместно'. Что касается последнего компонента *-ag/-äg*, то он является глагольным аффиксом настоящего-будущего времени [6, 501].

Итак, можно с достаточным основанием считать, что топоним *Апшерон* по своему происхождению действительно связан с огузским племенным названием *афшар*.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Армянская ССР. Административно-территориальное деление». Ереван, 1964.
2. С. Б. Ашурбейли. Очерки истории средневекового Баку (VIII—начала XIX в.). Баку, 1964.
3. *باکینانوف عباسقلی آقا، گلستان ارم. متن علمی — انتقادی بسعی و اهتمام: عبدالکریم علی زاده، محمدآقا سلطانونوف، محمد آذرلی، اؤدر علی اصغر زاده، فاضل بابایف. باکو، ۱۹۷۰.*
4. «Большой всемирный настольный атлас Маркса». Под ред. Э. Ю. Петри и Ю. М. Шокальского, СПб., 1905.
5. *ولیلی (بهاری) محمدحسن. آذربایجان (جغرافی—طبیعی، ئه تنوغرافیک و اقتصاد ملاحظات). باکو، ۱۹۲۱.*
6. *Махмуд Кошгарий. Девону луғотит турк. Индекс-луғат. Тошкент, 1967.*
7. «*Divanü Lûgat-it Türk*». *Türkbasımı. Faksimile. Ankara, 1941.*
8. «*Die Chronik Hulâşat at-Tawārîh des Qâzî Ahmad Qumi. Der Abschnitt üder Schah Abbâs I*». Herausgegeben und übersetzt von Hans Müller. Wiesbaden, 1964.
9. Б. Дорн. Каспий. СПб., 1875.

10. «Zafarnāma par Nizāmuddīn Sāmī. Avec des Additions Empruntées au Zubdatu-t-Tawārīh-i Baysunğuri de Hāfiz-i Abri». Ed. critique par Felix Tauer, t. I, texte Persian. Прага, 1937.

11. Р. Юзбашов, К. Әмијев, Ш. Сәдијев. Азербайжан чографи адлары. Баку, 1972.

12. Н. Зейдлиц. Список населенных мест Российской империи, IV. Бакинская губерния. Тифлис, 1870.

13. «Карта Апшеронского полуострова Бакинской губернии и уезда с обозначением границ по судебному межванию, а также и других сведений». Составил и издал землемер Бакинского Управления Государственными Имуществами Дмитриев в 1899 г.

14. С. Г. Кляшторный. Огузы. — «Советская историческая энциклопедия», т. 10. М., 1969.

15. А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-гази хана хивинского. М.—Л., 1958.

16. М. G. Köprülü. Aışar. — «Islam Ansiklopedisi», с. 2. Istanbul, 1961.

17. В. Лежкобытов. Ширванская провинция. — «Обозрение Российских владений за Кавказом...», ч. 3. СПб., 1836.

18. «Малый атлас мира». М., 1968.

19. Махмуд Кошгарий. Девону луғотит турк, т. I. Тошкент, 1960.

20. ۱۲۹۴، تهران. ۱. جلد ۱. مرات بلدان ناصری.

21. ۱۲۱۱، تهران. ۲. جلد ۲. جغرافیای مفصل ایران.

22. ۱۲۴۱، تهران. باهتمام سیدعبدالله انوار. جهانگشای نادری. میرزامهدیخان.

23. Н. Нәбијев. Чографи адларын мәншәји. Баку, 1969.

24. В. А. Никонов. Краткий топонимический словарь. М., 1966.

25. «Описание Карабахской провинции, составленное в 1823 году действительным статским советником Могилевским и полковником Ермоловым 2-ым. Тифлис, 1866». (ЦГИА Азерб. ССР, фонд 24, опись I, д. 141).

26. Д. Пагирев. Алфавитный указатель к пятиверстной карте Кавказского края. Тифлис, 1913.

27. «Путешественники об Азербайджане», под ред. Э. М. Шахмалиева, т. I, составитель З. И. Ямпольский. Баку, 1961.

28. В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. I. СПб., 1893.

29. Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. I. М., 1955.

30. А. Refik. Anadolu'da Türk Aşiretleri (966—1200). Istanbul, 1930.

31. «РСФСР. Административно-территориальное деление». М., 1973.

32. F. Sümer. Oğuzlar [Türkmenler]. Tarihleri, Boy teşkilati, Destanları. Ankara, 1967.

33. ۱۲۱۴، تهران. تاریخ عالم آرای عباسی تألیف اسکندر بیگ منشی.

34. Ta'rikh-i Fākhru'd-Din Mubārak shāh being the historical introduction to the Book of Genealogies of Fakhru'd-Din Mubārākhshāh Marvar-rūdi completed in a. d. 1206. Edited from an unique Manuscript by E. Denison Ross ... London, 1927.

35. Uzun Hasan ve Şeyh Cüneyd. XV. Yüzyılda İran'ın milli bir devlet hâline yükselişi. Walther Hinz. Türkçeye çeviren: Tevfik Bıyıklıoğlu. Ankara, 1948.

36. ۱۲۲۰—۱۲۲۱، تهران. فرهنگ جغرافیای ایران جلدهای: ۴ و ۵.

37. «اکینچی» غزتی نومره ۱۲، ۹ آپریل ۱۸۷۷ نجی ایل.

38. О. А. Эфендиев. Образование азербайджанского государства Сефевидов в начале XVI века. Баку, 1961.

39. Р. Юзбашев. О происхождении названия Апшеронского полуострова. — «География в школе», 1968, № 6.

Г. Ф. САТТАРОВ

К ЭТИМОЛОГИИ ТОПОНИМА «НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ»

Набережные Челны — город на древней Чулман-реке — Каме в Татарии, где сооружается один из индустриальных гигантов девятой пятилетки — Камский автомобильный завод. Строительство КамАЗа, его промышленные успехи находятся в центре внимания республиканской и центральной прессы. Интерес вызывает и история города Набережные Челны, а также этимология его весьма своеобразного названия.

Писатель А. Злобин писал в журнале «Москва» (1972, № 9, стр. 117) о названии города следующее: «... они появились на свет как Бережные Челны...; определилась здесь, на Каме, застава — поселение для защиты дальних подступов к Казани и освоения закамских земель. Ратные Челны выходили на мускулистые струи Камы и берегли берега от недругов. ... Шли десятилетия, границы империи русской ширились, растворяясь в восточных даях, и Бережным Челнам не стало что беречь. И стали на Каме Набережные Челны. Поменялось не только ударение в слове, но и смысл его. Стрелецкие Челны вроде бы выбросились на берег...»

К. Саранчин придерживается иного мнения. В журнале «Юный натуралист» (1973, № 3, стр. 2) он пишет: «В 1626 году группа крестьян во главе с Федором Поповым перешла на правый берег Камы и решила освоить земли, покинутые коренными жителями. В этом месте сливаются две небольшие речушки — Мелекеска и Челнинка, образуя небольшой мыс, который вдаётся в Каму. И назвали поселение *Мысовые Челны*. Возможно потому, что раньше это местечко называли *Чаллы*. А нужно сказать, что татарское слово „чаллы” означает крепость. Допржежде жили здесь булгары».

Житель Набережных Челнов краевед В. Лапочкин высказал о происхождении названия города в районной газете «Знамя коммунизма» (1971, 30 ноября) сходное мнение: «Вполне доказано, что название *Челны* произошло именно от тюркского слова „челлы”, обозначающего *крепость*».

Однако слово *çelly* или *çally* в тюркских языках в значении «крепость» не употреблялось и не употребляется. В этих языках, в том числе в болгарском и татарском, понятие «крепость» выражается словами *kal'ya* (< араб. قَلْعَة 'крепость, цитадель, замо́к', отсюда тат. *kala* 'город'); *k'irgän* (ср. *K'irgänçek* — город в Волжской Булгарии), *kuğan* 'укрепление', 'крепость'; *агук* 'крепость', 'цитадель' и *ог* (ср. *Ог* — татарское село в Балтасинском районе ТАССР и крымско-татарское название Перекопа — *Ог-кари*, состоящее из *ог* 'ров', *кари* 'ворота' [11, 326]). В

современном марийском языке архаизмы *карман* и *ор*, употреблявшиеся некогда в значении «крепость», «укрепление» [1, 180 и 389], по-видимому, являются болгаро-татарскими заимствованиями. В мензелинском говоре татарского языка слово *ог* и сейчас употребляется в значении «глубокая канава с земляным валом вокруг усадьбы», «земляной вал», «укрепление».

По нашему предположению, топоним «Набережные Челны» (тат. *Jağ Cally*) произошел от названия небольшой речки *Ėally* (русс. *Челнинка*), протекающей через город. В Татарии довольно много топонимов (гидронимов и ойконимов), имеющих в своем составе слово *Ėally*, они встречаются почти во всех районах республики: *Iske Cally* (Старые Челны), *Jaña Cally* (Новые Челны), *Juğaru Cally* (Верхние Челны), *Tübäp Cally* (Нижние Челны), *Urta Cally* (Средние Челны) и т. д. Населенных пунктов, в названии которых имеется компонент *Cally* (русс. *Челны*), только на территории Татарии более 20 [2, 116], а в Среднем Поволжье и того больше [3, 217 и 267]. Почти все эти селения расположены в бассейнах рек и речушек, называющихся *Cally* (русс. *Челны* или *Челнинка*).

Известный русский краевед XIX в. И. А. Износков, автор ряда работ по топонимии Казанской губернии, утверждал, что деревни Чаллы получили свое название от реки Чаллы [4, 119].

В работе Е. И. Чернышева «Селения Казанского ханства» говорится, что в Заказанье, на Зюрейской дороге, на речке Чаллы, была деревня Чаллы — Чаллинский городок, по-татарски *Чаллы-Тау* [5, 289], что буквально означает «Каменистая Гора».

Физико-географическая характеристика гидронима *Cally* и рек, носящих это название, дана знаменитым русским географом П. Семеновым в его географическом словаре: «Челны, две реки: 1. Левый приток р. Камы, Уфимской губ., Мензелинского у., имеет длину до 20 вер., в Каму впадает при Бережных Челнах. Берега его состоят из высоких утесов белого камня... 2. Левый приток р. Шешмы, Казанской губ., Чистопольского у., имеет длину до 30 вер., берега и дно его состоят из белой мягкой глины...» [6, 606].

Таким образом, имеются достаточные основания для того, чтобы связать значение гидронима *Cally* с понятием «белый камень». В чувашском языке слово *ĥal* и теперь означает «камень». Учитывая близость чувашского и камско-булгарского языков, а также фонетическое соответствие чувашского *и* с болгарским *а* в первом слоге (ср., например: чув. *цjăх*, булг. *ajx* 'месяц'; чув. *ultă*, булг. *alta* 'шесть' и т. д. [7, 74]), можно заключить, что в камско-булгарском языке слово *ĥal* употреблялось в значении «камень».

Вероятно, здесь в древности реки и речки с каменистым дном или каменистыми берегами жители обычно называли *Cally* (<булг. *ĥal* 'камень'+-ly — словообразующий аффикс со значением наличия, изобилия предметов или признаков, указанных в корне слова; ср. *Кагатау jулуа* 'Вязовая река', *Curtanly jулуа* 'Щучья река' — небольшие речки в Татарии). Здесь уместно также отметить, что в старину у многих народов мира имелся обычай нарекать мальчиков именем «Камень». Например: *Камень* — древнерусское личное имя, *Чалла* — личное имя у волжских булгар, *Таш* 'Камень' — кыпчакское личное имя, *Такташ* 'Гранит' старотатарское личное имя. *Санг* 'Камень' — ирано-таджикское личное имя, *Петр* (от греческого *petra* 'скала, утес, каменная глыба'), *Шулуун* 'Камень' — бурятское личное имя и т. д.

Думается, что в основе болгарского слова *čal* 'камень' лежит корневая морфема *ča-* [$\langle *čā- \langle *čayā- \rangle$]. «Корневая морфема *ča-* [$\langle *čā- \langle *čayā- \rangle$], — пишет К. А. Новикова, — в монгольском языке *čabidaḡ* 'игреневый', передающая цветовое представление о белом, является общеалтайской» [8, 119]. Она прослеживается в ряде слов монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских языков. Ср. п.-монг. *čaji-* [$\langle ča-jī- \rangle$] 'белеть', *čayāp* 'белый', *čayā* 'бельмо', *čakig* 'белые пятна' (на ногтях, на крыльях птиц), *čal* 'беловолосый, седой', *časun* [$\langle *čā-l-sun \rangle$] 'снег'; др.-тюрк., азерб., карач., тат., туркм., узб., уйг., хак., чув. *чал*; башк. *сал*; балк., казах., шор. *шал* 'серовато-белый, чалый, седой', чув. 'седина', 'первая желтизна на листьях'; каракалп. *шай* 'седой', 'старик'; туркм., чув. *чалар-*, азерб. *чаллаш-* 'сесть'; эвенк., нег. *чалбан*, эвенк. *чълбән*, эвенк. *чълбән*, сол. *сълбѣ*, ороч. *чалба* 'береза'; уд. *чафакта* 'молоденькая березка'; маньч. *чалфа* [$\langle *чълбән \rangle$] 'береста', эвенк. *чалка* ~ *чолко* 'белый' (о шерсти), 'седой', *чълпәрә* 'утка с белыми перьями на хвосте', *чълтирә* 'песен', уд. *чалиги*; уд. *чагза* (самарг.) 'белый'; нан. *чагзә* 'белый', *чългә* 'бело', 'белея', *чаки* 'бельмо', *чълкини* 'бабочка-капустница', *чълә бй* 'беловатый', *чълрон-* 'побелеть', 'посесть' и др. Ср. также ороч. *чэкэ* 'белый', уд. *чэкэ* — кличка белой собаки, русск. *чалый* < тюрк. *чал* [8, 119 и 120]. Предварительно реконструированному тюрк. $*tā/čā$ соответствует ф.-у. *kev, kiv(i)* 'камень, каменный' [9, 65].

На территории Татарской АССР имеется целый ряд эллиптических гидронимов (названий рек с пропущенными географическими номенклатурными терминами), семантически тождественных, то есть являющихся гидронимическими универсалиями, относящимися к различным стратегическим пластам гидронимии Татарии. Например: *Čally* [от древнебулгарского словосочетания *Čally širma* 'Каменистая река или речка', ср. с названиями рек и сел в Татарии — *Черемшан* (тат. *Čirmešan*), а также с названием реки в Башкирии — *Чермасан*, — состоящими из компонентов: *širtä* ~ *širtä* — булг. 'река, речка' + *šän* (ср. якут. *sän* 'речка, текущая из озера', эвенк. *šap* 'река' [10, 90 и 97]), *Tašly* ~ *Tašlyk* [из татарского *Tašly (Tašly july)* 'каменистая река или речка', ср. *Tašly july* — татарское село в Кукморском районе, *Tašly* — татарская деревня в Бавлинском районе, *Tašlyk* — татарское село в Нижнекамском районе, *Tašlyjaḡ* (букв. 'каменистый берег') — татарское село в Муслимовском районе, *Tašly Jaḡ* — русская деревня в Актанышском и русско-татарская деревня в Сабинском районах ТАССР], *Küap* ~ *Küät* (в марийском языке слово *күан* употребляется в значении «каменистый», *Күан энер* 'каменистая река или речка', ср. *Küät* — татарское село в Арском районе ТАССР) и *Каменка* [из русского «Каменистая река или речка», ср. *Каменка* — русско-татарская деревня в Азнакаевском районе, санаторий «Каменка» в Высокогорском районе, *Каменный Ключ* (тат. *Tašly*) — марийская деревня в Агрызском районе ТАССР и т. д.].

В. А. Никонов отмечает: «Каменка — назв. очень многих рек в СССР, а по ним населенных пунктов. Из рус. камень, за каменистое русло» [11, 171].

Таким образом, название *Čally* восходит к языку волжско-камских булгар, *Tašly* ~ *Tašlyk* — к языку казанских татар, *Küap* ~ *Küät* — к языку мари, *Каменка* — гидроним русского происхождения.

Булгарская форма *Čally* на русской почве фонетически и семантически изменилась в *Чалны* > *Челны* (старинное русское *челн* 'лодка'). Полное же название — словосочетание *Набережные Челны* — оформля-

лось в русской речи постепенно. Исходная болгаро-татарская форма ед. числа *Чаллы* «Каменистая [речка]», во-первых, была воспринята русскими как форма множественного числа в силу топонимической трансформации (поскольку данное название оканчивается на *-ы*, являющееся показателем множественного числа в русском языке; ср. тат. *Олы Камышлы* — досл. «Большая Камышовая», на русской почве — Большие Камышлы; *Кече Карамалы* — досл. «Малая Вязовая», в русской речи — Малые Карамалы и т. д.), во-вторых, под воздействием народной этимологии, как уже отмечалось выше, слово *çally* адаптировалось в *челны*. Затем в связи с вторичной этимологией появились соответствующие эпитеты — вначале Бережные Челны (от слова *берег*) и, наконец, современное — Набережные Челны.

Итак, в основе географических названий *Sally* (русск. *Челны*) лежит слово *çally* 'каменистый', которым предки казанских татар — волжско-камские булгары называли реки и речки с каменистым дном и берегами. Ряд населенных пунктов Среднего Поволжья (в основном на территории бывшего Волжско-Камско-Булгарского государства), в том числе и *Набережные Челны* (тат. *Яг Сәйли* или просто *Sally*), получили свои названия от этих гидронимов, что подтверждает древнее происхождение названия *Sally*.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Марийско-русский словарь». М., 1956.
2. Г. Ф. Саттаров. Ни өчен шулай аталган? (Татарстан топонимнары). Казан, 1971.
3. Г. Ф. Саттаров. Татарстан АССРның антропотопонимнары. Казан, 1973.
4. И. А. Износков. Список населенных мест Мамадышского уезда. — «Труды IV археологического съезда в России...», т. 1. Казань, 1884.
5. Е. И. Чернышев. Селения Казанского ханства (по писцовым книгам). — В сб.: «Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья». Казань, 1971.
6. П. П. Семенов (Семенов-Тяньшанский). Географическо-статистический словарь Российской империи, т. V. СПб., 1885.
7. Б. А. Серебрянников. К вопросу о действительных взаимоотношениях между чувашским, болгарским и татарским языками. — «Ученые записки Чувашского научно-исследовательского института», вып. XIV. Чебоксары, 1956.
8. К. А. Новикова. Иноязычные элементы в тунгусо-маньчжурской лексике, относящейся к животному миру. — В кн.: «Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков». Л., 1972.
9. Г. Е. Корнилов. О некоторых топонимах на территории Украины и Поволжья, связанных с названием камня. — «Советское финно-угроведение», 1972, № 1.
10. А. П. Дульзон. Этнически дифференцирующие топонимы Сибири и Дальнего Востока. — В кн.: «Язык и топонимия Сибири», вып. II. Томск, 1970.
11. В. А. Никонов. Краткий топонимический словарь. М., 1966.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Н. З. ГАДЖИЕВА, Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ

БЫЛ ЛИ НАЧАЛЬНЫЙ *j* В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ ПЕРВИЧНЫМ?

Первичность начального *j* в тюркских языках относится к числу спорных и все еще нерешенных проблем исторической фонетики тюркских языков. Существует несколько точек зрения на решение этой проблемы. Среди тех, кто считал начальный *j* в тюркских языках первичным, наиболее последовательным был В. А. Богородицкий, подчеркивавший, что *j* сохраняется в большинстве тюркских языков, включая древнетюркский (орхонский) и половецкий. Он указывал на частичный переход (усиление) *j* в шипящую звонкую аффрикату *dž* в казанско-татарском (в сочетании со следующим палатальным гласным), а у крышен — и в других случаях. Однако в большинстве говоров (мишарский и тептярский) наблюдается сохранение первоначального *j*. В казахском языке аффриката перешла в простой шипящий спирант *ž'*. Можно допустить, что *dž'* и *ž'* представляют собой дальнейшее развитие *j*, подобно тому, как народнолатинский *j* развился в итальянский *dž* и французский *ž* (ср. ит. *giugno* и фр. *juin* 'июнь'). В языках Восточной Сибири — тувинском, карагасском и хакасском — рефлексом данной фонемы является шипящий *č*, возникший в результате приглушения *dž*; это приглушение характерно также и для диалекта шорцев, территориально примыкающих на западе к хакасам. Именно этим соседством можно объяснить совпадение рефлексов. Кызыльцы же, носители самого северного в хакасской группе диалекта, обитающие в верховьях реки Чулым, сохраняют *j* так же, как и чулымские татары, живущие ниже по течению Чулыма, и носители остальных западносибирских диалектов. И в этом случае идентичность отражения фонемы *j* можно объяснить географической близостью диалектов. Исключение составляет якутский язык, в котором представлен свистящий спирант *s*. Это вполне объяснимо, ибо в якутском языке и первичное *č* также отражается в виде *s* (быть может, благодаря иноязычному цокающему влиянию), причем якутский рефлекс по признаку оглушения соответствует рефлексу в названных восточносибирских диалектах. В последних рефлекс *č*, приглушенный по отношению к *dž* (<*j*), представляет собой явление, сходное с приглушением фонемы *b*, охватывающим все сибирские диалекты, начиная с карагасского и тувинского на востоке и кончая кюэрикским и барабинским на западе. В чувашском начальному *j* некоторых тюркских языков соответствует мягкий свистящий спирант *s*, исторически развившийся из аффрикаты *dž*, что находится в соответствии с общим приглушением начальных звонких согласных в чувашском языке¹.

¹ В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1953, стр. 106—107.

Такова, по В. А. Богородицкому, общая картина эволюции начального *j* в различных тюркских языках.

В монгольском языке начальное *j* также перешло в звонкую аффрикату *dž*, встречающуюся в диалектах в свистящем варианте, причем в некоторых наречиях имеется рефлекс еще и в виде *j*².

Иных взглядов по этому вопросу придерживается известный алтаист Г. И. Рамstedт, утверждавший, что *j* и *s* в алтайских языках являются древнейшими из спирантов. Древний звук *j* сохранился в монгольском, тунгусском и, по всей видимости, в корейском языках. В тюркском же языке уже в самый ранний период *d*, *dž* и *ñ* совпали с *j*³.

Преобразование древней аффрикаты *dž* в *j* Г. И. Рамstedт представлял себе следующим образом: «В тюркском языке древнейшей поры в звуке *dž* ослаб фрикативный элемент, в результате чего возник *j*, который в некоторых случаях утратил фрикативный элемент и превратился в полугласный *i*. Полное совпадение *dž*, *ñ* и *j* наступило довольно рано. В тюркском языке древнейшей поры существовали диалекты, в которых звук *j* уже после совпадения всех этих первоначально различных звуков произносился с сильным фрикативным оттенком *d*¹ или *d'*. От одного из таких диалектов происходит чувашский *s'*. В южных и восточных тюркских диалектах начальный *j* имелся, по-видимому, начиная уже с древнетюркской эпохи; в западных же диалектах он отчасти сохранился (казанско-татарский, ногайский и т. д.), а отчасти превратился в *dj*, *dž* (киргизский), и в казахском — в *ž*»⁴.

Гипотезу Г. И. Рамstedта о происхождении начального тюркского *j* полностью поддерживает Н. Н. Поппе: «В пратюркском *d*, *dž* и *j* совпали с *j*. Примеры: монг. *džüge*- 'транспортировать, переводить'; др.-тюрк. *jük* 'груз'; монг. *džigu*- 'рисовать'; др.-тюрк. *jaz*- 'писать'»⁵.

Нетрудно заметить, что Г. И. Рамstedт и Н. Н. Поппе в определенном смысле разделяют мнение В. А. Богородицкого о происхождении тюркского *j*. Однако этот *j*, считают они, в тюркских языках не является первичным, поскольку он мог возникнуть из общеалтайской аффрикаты *dž*.

По мнению же С. Е. Малова, тюркский *j* возник непосредственно из аффрикаты *dž*. Касаясь вопроса о происхождении начального тюркского *j*, С. Е. Малов утверждает: «Относительно *й*, *дж*, *ч*, *ш*, *ж* я могу сказать предположительно, что более древним здесь были шипящие и свистящие звуки *дж*, *ч*, *ш*, звук же *й* был в очень малом и редком употреблении, в письменном языке древних тюрков и ближайших потомков их теперь по языку — желтых уйгуров»⁶.

Н. А. Баскаков пишет по этому поводу следующее: «Вопрос о хронологии *j* > *dž* в начале слова является спорным. Если конечный коренной *j* в слове мог быть результатом развития *d*, *t* > *z*, *s* > *j*, то *j* в начале слова мог быть результатом фонетического развития, аффрикативных и фрикативных, в том числе и шипящих согласных *č*, *dž*, *tj*, *dj*, *ž*, *s* > *j* и даже >

² В. А. Богородицкий. Указ. раб., стр. 107.

³ G. I. Ramstedt. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, I. Lautlehre. Helsinki, 1957, стр. 66.

⁴ G. I. Ramstedt. Указ. раб., стр. 65—66.

⁵ N. N. Poppe. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen, Teil I. Vergleichende Lautlehre. Wiesbaden, 1960, стр. 27.

⁶ С. Е. Малов. Древние и новые тюркские языки. — «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», 1952, вып. 2, стр. 141.

выпадение, например, в карачаево-балкарском языке *aħşu* вместо *jaħşu* 'хороший'⁷.

А. М. Щербак также отрицает первичность начального *j*, но занимает в этом вопросе несколько отличную от других позицию. «Система согласных фонем и их распределение в большинстве современных тюркских языков, — пишет он, — таковы, что они исключают возможность исконного употребления *j* в начале слова. В начальной позиции *j* восходит к *θ, глухому межзубному спиранту, который в наибольшей мере сохранил свое первоначальное качество в чувашском (*ç*) и якутском (*ç*) языках, т. е. в языках, обнаруживающих, по общему мнению, некоторое количество очень древних черт. Звук *j* — самое отдаленное от праформы отражение, и естественно, что последовательно он представлен главным образом в огузских языках, которые обычно рассматриваются как „относительно новые тюркские языки” и в которых сильные согласные в анлауте подверглись ослаблению раньше, чем в других языках...»⁸

А. М. Щербак допускает также возможность перехода аффрикаты *dž* в *j*: «Что касается самой возможности перехода шумного смычного или щелевого в *j*, то она вполне реальна. Кстати, об этом свидетельствуют примеры из башкирского языка, ср. *jän* 'душа' (<п. جان) ... *jämjiät* 'общество' (<а. جماعت) ... Ср. также в говорах узбекского языка: *jan* 'душа' (<п. جان) ...»⁹

Таким образом, по предположению А. М. Щербака, начальный θ в алтайском языке «развился в *d'*.., в тувинском, хакасском и шорском — в *ç* (в качинском и бельтирском диалектах хакасского языка — полувзвонкий), в чувашском — в *ç*, в якутском — в *ç*, в малкарском диалекте балкарского языка — в *z*, в балкарском, казахском, каракалпакском, ногайском и татарском языках — в *ж* (*j*), в тофаларском и киргизском языках — в *j*, в остальных тюркских языках — в *j*»¹⁰.

Необходимо, однако, отметить, что доводы сторонников гипотезы о вторичности начального *j* в тюркских языках нельзя признать достаточно убедительными. Если допустить, что в тюркском праязыке, как утверждают Г. И. Рамстедт и Н. Н. Поппе, начальные *d*, *dž*, и *ñ* совпали с *j*, то будет ли возможно доказать, что *dž* было именно первичным, а не развилось, как предполагалось В. А. Богородицким, самостоятельно из первичного начального *j*. Никаких других аргументов, кроме предположения, что тунгусо-маньчжурские и монгольские языки более архаичны, нежели тюркские, у сторонников этой теории нет.

Утверждение С. Е. Малова, что звук *j* в письменном языке древних тюрков был малоупотребителен, основано на несостоятельном с лингвистической точки зрения предположении об абсолютной архаичности языков, представленных в памятниках древнетюркской письменности. Инновации, как известно, могут быть и в языках древнеписьменных памятников, а архаизмы сохраняются и по сей день в современных языках и диалектах.

А. М. Щербак, аргументируя свои возражения против гипотезы о первичности *j* и отмечая, что последний последовательно представлен

⁷ Н. А. Баскаков. Примечания к русскому изданию книги М. Рясина «Материалы по исторической фонетике тюркских языков». (М., 1955), стр. 216.

⁸ А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 79, 80.

⁹ Там же, стр. 80.

¹⁰ Там же, стр. 159.

главным образом в огузских языках (рассматриваемых обычно как относительно новые тюркские языки)¹¹, опирается в сущности на теорию С. Е. Малова о древних и новых тюркских языках.

Как известно, С. Е. Малов делил все тюркские языки на две большие группы — древние и новые, беря при этом за основу наибольшую и наименьшую сохранность древних языковых черт. Восточные тюркские языки древнее западных, ибо в последних в настоящее время встречается много новых элементов, пришедших на смену древним. В западных тюркских языках в середине слов между гласными звонких звуков больше, нежели глухих, а в конце слов в результате произошедшего опередения звуков вместо звонких согласных появились гласные и полугласные долгие сравнительно более переднего ряда. Здесь отсутствуют «первоначальные» долготы¹². При дальнейшей детализации С. Е. Малов выделяет четыре группы языков — древнейшие тюркские языки (булгарский, чувашский и якутский), древние тюркские языки (огузский, тофаларский, тувинский; уйгурский язык буддийской письменности), новые тюркские языки (азербайджанский, гагаузский, печенежский, турецкий, туркменский и новоуйгурский) и новейшие тюркские языки (алтайский, башкирский, казахский, каракалпакский, киргизский, ногайский, татарский и т. д.)¹³.

В тесной связи с этой классификацией находится также и замечание С. Е. Малова о том, что начальный *j* редко употреблялся в языке древних тюрков¹⁴.

Недостаток приведенной классификации состоит в невозможности проведения абсолютной грани между архаическими и новыми языками, к примеру в чувашском и якутском языках инновации в количественном отношении значительно преобладают над архаизмами, хотя С. Е. Малов и относит их обоим к группе древнейших языков.

Что же касается проблемы первичности *j*, то С. Е. Малов и А. М. Щербак исходят, по нашему мнению, из неверного положения об абсолютной архаичности данных языков, представленных в памятниках древней письменности.

Для того чтобы доказать возможность превращения *dž* в *j*, А. М. Щербак ссылается на башкирский язык, где персидскому *džan* 'душа' соответствует *jän*¹⁵. Однако этот пример в данном случае ничего не доказывает, ибо здесь имеет место не естественный переход *dž* в *j*, а так называемая субституция. В башкирском языке вообще нет звука *dž*. Поэтому персидское *dž* было просто заменено на *j*.

Гипотеза А. М. Щербака о первичном начальном *ϕ* трудно согласуется с постулируемыми им рефлексамии. Очень сложно представить переход *ϕ* в *č* в некоторых тюркских языках Сибири, так как типологически необъяснимо превращение межзубного *ϕ* в аффрикату; возможен переход его в *s*, однако в чувашском языке этот *s* представлен почему-то палатализованным *š*. Маловероятен и переход *ϕ* в *d'*. Если же принять точку зрения о первичности начального *j*, то это открывает значительно более широкие возможности для объяснения этих звукопереходов.

Неправомерно также связывать гипотезу о первичности *j* с отсутствием в тюркском праязыке анлаутных сонантов *r*, *l*, *m*, *n*, *u* и начальных

¹¹ А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 80.

¹² С. Е. Малов. Указ. раб., стр. 137.

¹³ Там же, стр. 142, 143.

¹⁴ Там же, стр. 141.

¹⁵ А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 80.

звонких. Финно-угорские языки показывают, что начальный *j* возможен при глухом начале слова.

Неубедителен также и довод Н. А. Баскакова: «Если конечный коренной *j* в слове мог быть результатом развития *d, t > z, s > j*, то *j* в начале слова мог быть результатом фонетического развития аффрикативных и фрикативных, в том числе и шипящих согласных *č, dž, tj, dj, ž, s > j*»¹⁶. Фактически здесь выдвигается неправомерный тезис о независимости характера фонетических законов от позиции звука. Если предположить, что звукосочетание *ja* может превратиться в *džaj*, то придется признать, что с той же легкостью оно может превратиться и в *jadž*. В настоящей статье мы попытаемся привести некоторые данные, убедительно свидетельствующие в пользу гипотезы о первичности начального *j*.

Во-первых, нельзя пренебрегать тем обстоятельством, что довольно многочисленные случаи превращения начального *j* в позиции перед гласными в аффрикату *dž* зафиксированы в истории ряда языков. Начальный латинский *j* в положении перед гласным переходил в аффрикату *dž* в истории испанского, португальского, каталонского, французского, провансальского и рето-романского языков. Древнеиндийскому начальному *j* соответствует аффриката *dž* в некоторых новиндийских языках. Превращение *j* в *dž* происходило также в иранских языках. Известны случаи превращения начального *j* в аффрикатоподобный *d'* в угро-финских языках.

Если в разных языках начальный *j* в положении перед гласными довольно часто превращался в *dž*, то это уже нельзя считать случайностью, а следует признать определенной типовой тенденцией видоизменения звука в данной позиции, своего рода типологической фреквенталией, которая может быть положена в основу гипотезы о первичности начального *j* в тюркских языках.

История самых различных языков наглядно показывает, что слова со временем становятся короче, конец слова подвергается разрушению. Так, в некоторых современных греческих диалектах существует слово *rotam* 'река', звучавшее в древнегреческом как *rotamos*. Со временем два конечных звука этого слова отпали. Прототипом современного французского *chantent* (*šāt*) 'поют' является латинское *cantant* (отпали три конечных звука). Лингво-психологические предпосылки этих явлений в настоящее время ясны. По мере употребления слова или его формы люди настолько к ним привыкают, что необходимая информация передается меньшим количеством элементов, и поэтому конец слова, утративший информационную функцию, становится лишним и со временем отпадает. Этим объясняются также и такие широко распространенные явления, как редукция конечных гласных, оглушение конечных звонких согласных и т. п. Аналогичные процессы совершаются и в других языковых сферах.

Установлено, что всякая двигательная функция по мере своего совершенствования в той или иной мере редуцируется. Если при первом предъявлении предмета взгляд испытуемого обегает весь контур предмета полностью, то уже при втором или третьем предъявлении взгляд задерживается лишь на наиболее значимых пунктах контура, так называемых критических точках. Подобное явление имеет место и при осознании предмета. Опыты Е. Н. Соколова показали, что восприятие начинается с развернутой системы осознательных движений, обеспечивающих ознакомление со всеми элементами изучаемого объекта. Затем маршрут

¹⁶ Н. А. Баскаков. Указ. раб., примечания, стр. 216.

осязательных движений сокращается. Так, например, при предъявлении буквы **Е** испытуемый правильно опознает ее, уже достигнув средней линии буквы. Далее процесс восприятия сокращается еще более. Например, при предъявлении буквы **Н** испытуемый ограничивается опробованием только трех точек. Е. Н. Соколов подчеркивает, что не все точки изображения или поверхности несут равноценную информацию, позволяющую дифференцировать их. Носителями основной информации являются критические точки, тогда как остальные элементы несут избыточную информацию¹⁷.

По-видимому, аналогичное происходит и со словом в процессе его употребления. В связи с тем, что начальные элементы слова несут основную информацию, возникает следующая довольно ясно выраженная тенденция: начало слова должно быть более слышимым, и поэтому язык стремится поместить здесь наиболее слышимые звуки — свистящие спранты, аффрикаты, звонкие согласные. Конечно, из этого нельзя делать абсолютный вывод о том, что в начале слова должны быть звуки именно такого типа, но подобная тенденция явственно наблюдалась, например, в уральском праязыке, в котором в начале слова стояли глухие согласные. Позднее в некоторых уральских языках (пермские, венгерский) появились звонкие согласные и в начале слова.

Большой интерес представляют случаи чередования начального *j* и звуков типа *dž*, *d'*, *ž*, *ž'* и т. п. в диалектах различных тюркских языков. В киргизских диалектах наряду с *džurt* 'народ' и *džaxšy* 'хороший' встречаются соответственно *jurt*¹⁸ и *jaxšy*¹⁹. В литературном узбекском языке слово со значением «земля» имеет форму *йер*, но в бахмальском говоре ей соответствует *жэр*²⁰, в кыркском говоре узбекского языка литературному *йўл* 'дорога' соответствует *жол*²¹. В диалектах каракалпакского языка в начальной позиции в основном выступает *dž*, за исключением южного диалекта, где иногда наблюдается факультативное употребление в начале слова *j/dž*²². Диалектам уйгурского языка присуще чередование типа *жігіт/йігіт* 'молодой человек, джигит'²³. Чередование *dž/j* характерно для диалектов татарского языка, ср. лит. тат. *ерак* (*йырак*) 'далеко' и в камско-устыинском говоре²⁴ — *жырак*. Чередование начального *dž/j* в некоторых тюркских языках принимает форму чередования *j—č*; например, начальному *j* диалекта томских татар в шорском, хакасском и среднечулымском соответствует *č*, ср. томск. *йол* 'дорога', но шорск., хакас. и ср.-чул. *чол*²⁵.

По существу, это то же чередование, что и *dž/j*, так как *č* в этих случаях представляет результат оглушения *dž*. Чем же объяснить необычайную склонность начальных *j* и *dž* к диалектному чередованию? Как отмечалось выше, начальные звуки слова несут основную информацию, и поэтому каждый язык стремится к тому, чтобы эти звуки были достаточно слышимыми. Именно таким является звук *dž*, представляю-

¹⁷ См.: М. М. Кольцова. Обобщение как функция мозга. Л., 1967, стр. 103—104.

¹⁸ И. А. Батманов. Северные диалекты киргизского языка. Фрунзе, 1938, стр. 13.

¹⁹ «Диалекты тюркских языков». М., 1968 (рукопись), стр. 501.

²⁰ Х. Данияров. Бахмальский говор узбекского языка. М., 1955, стр. 7.

²¹ Т. Мирсаатов. Кыркский говор узбекского языка. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1954, стр. 9.

²² «Диалекты тюркских языков», стр. 413.

²³ Д. Ж. Кайдаров. Развитие современного уйгурского литературного языка. Алма-Ата, 1969, стр. 283.

²⁴ «Материалы по диалектологии». Казань, 1955, стр. 33.

²⁵ А. П. Дульзон. Диалекты татар — аборигенов Томи. — «Ученые записки Томского государственного педагогического института», т. XV, 1956, стр. 342.

щей собой звонкую аффрикату. Не случайно поэтому в истории самых различных языков мира начальный *j* заменился более звонкой и слышимой аффрикатой *dž*.

Согласимся теперь временно с тюркологами, которые утверждают, что начальный *j*, например в турецком слове *yol* [jol] 'дорога', возник из первоначальной аффрикаты *dž*, и изобразим это в виде схемы: $dž > j$. Но ведь подобный путь развития звуков совершенно противоестествен, ибо непонятно, по какой причине более слышимый звук *dž* в языке должен заменяться на менее слышимый *j*, акустически приближающийся к очень слабому *i*.

Если же предположить справедливость обратной схемы развития $j > dž$, то многочисленные чередования *j* и *dž* в различных тюркских языках и их диалектах становятся вполне объяснимыми. Начальный *j* является менее слышимым звуком и, следовательно, менее удобен для коммуникации. Именно это порождает сильную тенденцию к превращению *j* в аффрикату *dž*, которая в дальнейшем может перейти в *ž*, *č*. Иногда вместо аффрикаты *dž* появляется звук типа *d'*, как, например, в алтайском языке. Эта тенденция более жизнеспособна и красноречиво говорит в пользу гипотезы о первичности начального *j* в тюркских языках.

Есть также некоторые косвенные доказательства того, что начальному *dž*, имеющемуся в настоящее время в некоторых тюркских языках, некогда предшествовало начальное *j*. Общей особенностью киргизского и алтайского языков Б. М. Юнусалиев считает выпадение аффрикаты *dž/dz* перед узкими гласными, например: кирг. и алт. *ыр*, каз. *жыр*, тат. *йыр* 'песня', кирг. и алт. *ыраак*, каз. *жырак*, уйг. *йирек* 'далеко', 'далекий'²⁶. В действительности же аффриката *dž* не может утрачиваться перед узкими гласными, ибо для этого нет необходимых фонетических условий. Утрачивался здесь фактически начальный *j*, выпадавший перед узкими гласными типа *i*, *u*. Это можно проследить на материале азербайджанского языка: ср. азерб. *ил* 'год', тур. *yil*; азерб. *илан* 'змея', тур. *yılan*; азерб. *үрәк* 'сердце', тур. *yürek*. Следовательно, киргизское *ыр* 'песня' возникло в ту эпоху, когда в этом языке еще существовало начальное *j*. Когда же позднее оно стало превращаться в аффрикату *dž*, то в ряде слов древнее *j* перед узкими гласными успело уже исчезнуть. Отсюда и современное киргизское слово *ыр* 'песня', восходящее к *йыр*.

Что же касается сходно звучащих с тюркскими монгольских слов с начальным *dž*, как, например, монг. *džiru*- 'рисовать' (ср. тат. *jaz-* 'писать'), то такие примеры не показательны, поскольку превращение начального *j* в аффрикату могло происходить самостоятельно, подчиняясь той же тенденции устранения слабых согласных в начале слова.

Помимо общей тенденции к замене слабого начального *j* более слышимой аффрикатой в языках могут существовать и другие факторы, как не благоприятствующие превращению *j* в *dž*, так и, напротив, способствующие такому преобразованию. Так, например, наличие в языке или диалекте фонемы *s* вместо *č* не благоприятствует аффрикатизации *j*. Языки, имеющие тенденцию к ассимиляции начального согласного суффикса множественного числа *-lag* и некоторых других суффиксов, более склонны к аффрикатизации *j*. Исключение составляет башкирский язык,

²⁶ Б. М. Юнусалиев. К вопросу о формировании общенародного киргизского языка.— «Труды Института языка и литературы Академии наук Киргизской ССР», вып. VI, 1956, стр. 28.

где аффрикаты вообще отсутствуют, хотя ассимиляция развита довольно сильно. В языках, уже имеющих фонемы *č* и *dž*, как, например, в турецком и азербайджанском, *j* менее склонен к аффрикатизации.

В языке типа татарского, имеющего лишь одну аффрикату *č* с сильноослабленной смычной, но не имеющего *dž*, наблюдается частичная аффрикатизация *j*.

В заключение нам хотелось бы еще раз подчеркнуть, что распространенную в тюркологии гипотезу о первичности *dž* и вторичности *j* нельзя считать достаточно обоснованной.

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

Б. АБИЛХАШИМОВ

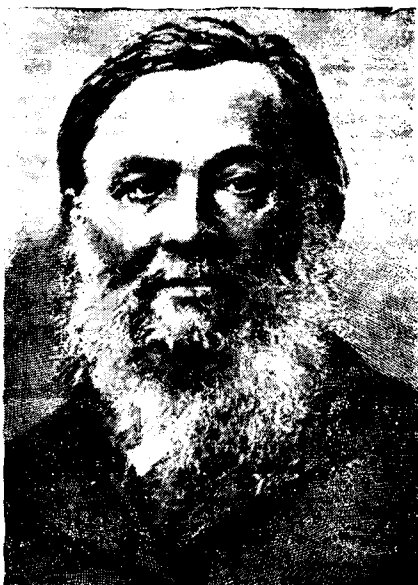
Н. И. ИЛЬМИНСКИЙ — ПЕРВЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА

Начало систематического научного исследования казахского языка относится ко второй половине XIX века, однако отдельные отрывочные сведения о казахском языке можно встретить и в датированных более ранним периодом трудах путешественников и ученых. Изучение казахского языка связано с именами целой плеяды русских тюркологов — Н. И. Ильминского, В. В. Радлова, П. М. Мелиоранского, М. А. Терентьева, В. В. Катаринского, А. В. Алекторова и других.

Роль Н. И. Ильминского в истории изучения казахского языка особенно велика, ибо он «проложил первую тропу в его изучении, за что и снискал всеобщее уважение»¹.

Уже известным ученым Н. И. Ильминский был направлен в 1858 году на службу в Оренбургскую пограничную комиссию и, оказавшись среди казахов, заинтересовался их языком. Занятиям его казахским языком во многом способствовали научные рекомендации крупного востоковеда, знатока казахского языка В. В. Григорьева, служившего в то время начальником пограничной комиссии в Оренбурге, а также близкое знакомство Н. И. Ильминского с великим казахским просветителем И. Алтынсариним.

В. В. Григорьев советовал изучать живую речь казахов, и Н. И. Ильминский приступил к этому с помощью И. Алтынсарина, Кучербаева и других. Поездки его в качестве чиновника контроля по Зауральской степи, участие в экспедиции В. Д. Дандевилля, изучавшей обширную терри-

¹ С. К. Кенесбаев. Основные вехи изучения языка казахского народа. — В сб.: «Октябрь и наука Казахстана». Алма-Ата, 1967, стр. 528. Об Н. И. Ильминском см. также: А. Моллаев. Н. И. Ильминский о туркменском языке и этнографии. — «Советская тюркология», 1973, № 4, стр. 82—86.

торнию от Мангышлака до персидской границы, помогли ученому закрепить практическое знание казахского языка. Об этом периоде сам Н. И. Ильминский позднее писал:

«Моя трехлетняя служба в Оренбургском крае сблизила меня с киргизами (=казахами.—Б. А.). Я был изумлен, что этот народ, кочевой, чуждый, на наш взгляд, цивилизации, и по-татарски почти вовсе неграмотный, обладает однако же замечательным искусством говорить; я любил киргизский язык, характерный, сохранивший в себе много следов древнего тюркского быта... Киргизская степь окончательно воспитала во мне уважение вообще к народному языку, на который я стал смотреть как на подлинный документ для лингвистических исследований, тогда как книжный язык представляет больше или меньше искусственную, случайную и произвольную смесь разных языков и наречий. С таким радикально изменившимся взглядом вернулся я в Казань»².

За три года пребывания в казахской степи Н. И. Ильминский в совершенстве овладел разговорным казахским языком, глубоко изучил его грамматическую и фонетическую структуру, что позволило ему в 1861 году издать первую грамматику казахского языка вместе со словарем под названием «Материалы к изучению киргизского наречия» (Казань, 1861).

Скромный, весьма требовательный к себе, Н. И. Ильминский писал в предисловии к своей работе:

«В том убеждении, что мой краткий опыт прочтут только те, которые занимаются восточными языками и уже знают по-татарски, я в грамматической части указал почти только отличные от татарских киргизские формы. Несколько пообширнее мой словарь, но и он далек от полноты».

Эта работа Н. И. Ильминского исключительно ценна тем, что в ней впервые были систематизированы основные грамматические явления казахского языка, она послужила образцом и для последующих грамматик. Лексические же материалы книги легли в основу составлявшихся впоследствии двуязычных словарей³. В «Материалах...» точно зафиксированы автором грамматический строй и словарный состав казахского разговорного языка его времени.

Н. И. Ильминским, например, был тонко подмечен процесс выпадения в разговорной речи *p* в причастной форме — *тұрған*. «Причастие *тұрған*, — пишет ученый, — занимая место вспомогательного глагола после деепричастия на *-а*, теряет *p*; вместо *бара тұрған* говорят *бара тұғұн*, и еще сокращеннее — *баратын*» (стр. 10).

В другом месте говорится о продуктивности употребления в то время формы взаимного залога на *с*. Н. И. Ильминский указывает, что форма взаимного залога на *с* употребляется не только в значении взаимности и соревнования, но и в значении совместного исполнения действия, соответствующего множественному числу, например: *кетісті* 'все ушли'.

В лексикографической части «Материалов...» содержится около двух тысяч исконных казахских слов с толкованием их значения, а иногда и с иллюстративными примерами. Словарная часть особенно ценна тем, что в ней встречаются устаревшие в настоящее время, а также изменившие свое значение слова, например: *ораз*, *үдер*, *бадана*, *берен*, *бұғжама*, *мық*, *морсұн*, *мойыл*, *талыс*, *томьш*, *шленгер*, *самғал*, *сарашын*, *құдуан*, *кежек*, *көнек*. Так, слово *үдер*, по словарю Н. И. Ильминского, имело самостоятельное значение «кочевать», в романе же М. Ауэзова «Путь Абая»

² «Па память о Ник. Ив. Ильминском». Казань, 1892, стр. 149.

³ См.: С. К. Кенесбаев. Указ. раб., стр. 528; А. Н. Кононов. История изучения тюркских языков в России. Доктябрьский период. Л., 1972, стр. 216.

үдер встречается в словосочетании *үдере көшу*, что означает «кочевать целым аулом». Другое вышедшее из употребления слово *морсұн* зафиксировано Н. И. Ильминским в значении «мочка уха» в словосочетании *морсұннан жұмсақ* и т. д.

Внимание Н. И. Ильминского привлекало устное народное творчество казахов. Записав от известного казахского певца Марабая героический эпос «Ер Таргын», он с помощью Кулубекова издал его в 1862 году в Казани отдельной книгой арабским шрифтом.

«Ер Таргын» — по существу первая книга, напечатанная на казахском языке. В свое время о ней очень высоко отзывался И. Алтынсарин, отметивший, что «на киргизском (казахском. — Б. А.) языке никогда никакая книжка еще не выходила в свет печатанною; потому-то и странно и приятно стало киргизам (=казахам. — Б. А.), когда в первый раз увидели свое наречие печатанным»⁴.

В том же году Н. И. Ильминский издает учебное пособие «Самоучитель русской грамоты для киргизов» (Казань, 1862). Об истории создания этой книги он писал: «Осенью 1860 года, когда я вернулся из степной командировки, В. В. Григорьев поручил мне составить учебник русского языка для киргизских школ, по-русски и по-киргизски... Я составил книжку под заглавием «Самоучитель русской грамоты для киргизов» в двух отделах... Этот самодельный мой русский текст усердно перелагал на киргизский язык Бахтияров, — Алтынсарина я уже не застал в Оренбурге»⁵.

Предисловие, написанное Н. И. Ильминским, свидетельствует о его понимании нужд казахской молодежи, стремившейся к знаниям, к образованию.

До Октябрьской революции казахи пользовались арабским письмом, в силу известных причин не совсем удобным для казахского языка. Поэтому возник вопрос о создании казахского алфавита на основе русской графики, убежденным сторонником его был Н. И. Ильминский, доказывавший, что «арабский алфавит совершенно недостаточен к определенному выражению татарских (то есть тюркских. — Б. А.) звуков, особенно гласных, между тем как русский алфавит, с легким только применением, может выразить татарские звуки определительным образом»⁶.

В переводе казахской письменности на русский алфавит Н. И. Ильминский видел еще одну из мер предохранения казахского языка от нивелирующего влияния других близкородственных языков, поскольку русский алфавит, в отличие от арабского, позволяет отразить специфические особенности фонетической системы казахского языка⁷.

Ученый указывал, что огромную помощь в решении проблемы перехода на русский алфавит могут оказать казахи, получившие русское образование.

Заслуги Н. И. Ильминского в развитии народного образования среди казахов общеизвестны. Благодаря его личному покровительству и заботе великому просветителю казахского народа И. Алтынсарину удалось частично осуществить задуманный им план просвещения родного народа — открыть несколько русско-казахских школ и училищ, издать для них учебники. Н. И. Ильминский собрал и опубликовал переписку Алтынсарина, что способствовало правильной оценке деятельности вы-

⁴ Н. И. Ильминский. Воспоминания об И. А. Алтынсарине. Казань, 1891, стр. 214.

⁵ Там же, стр. 30—31.

⁶ «На память о Ник. Ив. Ильминском», стр. 121.

⁷ Там же, стр. 286.

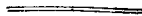
дающегося просветителя и определению его места в истории казахской культуры.

Н. И. Ильминский поддерживал тесную связь и с другими казахскими интеллигентами. В его личном архиве имеется немало писем от учителей русско-казахских школ с выражением чувства благодарности.

Среди писем Н. И. Ильминского обращает на себя внимание адресованное учителю-казаху по имени Самеке, написанное на казахском языке арабским алфавитом⁸. Это письмо лишний раз доказывает, насколько свободно владел ученый казахским языком, с каким уважением относился к нему.

Научную и просветительскую деятельность Н. И. Ильминского продолжили его талантливые коллеги и ученики П. М. Мелиоранский, В. В. Катаринский, А. В. Алекторов и другие.

Мы, советские тюркологи, всегда помня о крупном вкладе ученого в тюркологическую науку, отдаем дань уважения памяти Н. И. Ильминского, одного из выдающихся представителей русской тюркологии, автора первой научной грамматики казахского языка.

⁸ См.: Б. Абилхасимов. Письмо Ильминского на казахском языке. — «Вестник Академии наук Казахской ССР», 1973, № 5.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

П. И. КУЗНЕЦОВ

ЧАСТОТНОСТЬ УПОТРЕБЛЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ФОРМ ТУРЕЦКОГО ГЛАГОЛА

Установление частотности употребления различных глагольных форм в современном турецком языке имеет определенное научное значение, предоставляя исследователю исходный материал для возможных исторических сопоставлений; такой анализ будет полезен и для преподавания грамматики, ибо он позволит выявить наименее употребительные глагольные формы, не подлежащие (в силу этого обстоятельства) активно-му закреплению в процессе обучения.

В настоящей работе статистическому анализу подвергнуто употребление функциональных форм турецкого глагола в диалогической речи. Предпринимая попытку подобного исследования, мы отдаем себе отчет в том, что анализ, проводимый по литературным источникам, позволяет сделать лишь предварительные выводы.

Анализ проводился по следующим произведениям четырех авторов: повести «Kürk Mantolu Madonna» (Sofya, 1960 — КММ) Сабахаттина Али, романам «Baba Evi» (Istanbul, 1956 — BE) и «Suçlu» (Istanbul, 1957 — Suç.) Орхана Кемалю, «Aylaklar» (Sofya, 1966 — Ayl.) М. Дж. Андая и «Şimdiki Çocuklar Harika», (Istanbul, 1967 — ŞÇH) Азиза Несина. Из каждой книги было извлечено более чем по 500 реплик, протяженностью от одного слова до четырех-пяти строк каждая. Мы считали (конечно, чисто условно), что более протяженные реплики перерастают в монолог, имеющий, по-видимому, свою специфику.

Грамматические особенности диалога выявляются, естественно, на фоне «недиалогической» речи. В качестве последней мы избрали авторскую речь в названных выше произведениях, из которых было извлечено по 300 соответствующих предложений. Правда, в каждых 500 репликах содержится в среднем около 900 предложений, однако «среднее» предложение авторской речи почти втрое превышает протяженность предложения в диалоге (см. таблицу 1).

Таблица 1

Обследуемый фрагмент	Количество	КММ	BE	Suç.	Ayl.	ŞÇH	Среднее количество
Диалогическая речь — 100 реплик	предложений	210	150	157	225	125	172,4
	слов {а) всего (б) в 1 предлож.	772 3,7	589 3,9	643 4,1	1178 5,2	546 4,4	745,6 4,26
Авторская речь — 50 предложений	слов {а) всего (б) в 1 предлож.	690 13,8	432 8,6	717 14,3	623 12,4	309 6,1	554,2 11,04

Столь существенная разница в протяженности «среднего» предложения авторской и диалогической речи объясняется не только наличием

в последней значительно большего числа неокончательных (инфинитивных) форм, но и большим количеством неполных (модально-экспрессивных и собственно неполных) предложений в речи персонажей. Приведем один пример (Suç., 96):

- *Öğleyin sinemaya gidelim mi?* — ‘После обеда пойдем в кино?’
 — *Ha? Gidelim mi?* — А? Пойдем?
 — *Nereye?* — Куда?
 — *Sinemaya.* — В кино.
 — *Hangisine?* — В какое?
 — *Hangisi olursa.* — В какое-нибудь’.

В этом диалоге всего десять слов. В двух из семи предложений представлена форма желательного наклонения (-elim), одно предложение (*Ha?*) — модальное, четыре — неполные (при отсутствии собственно именных предложений). В последнем из них употреблена единственная инфинитивная глагольная форма (*olursa*), но она, с позиций актуального синтаксиса, уже не может считаться инфинитивной, поскольку завершает собой предложение и несет соответствующую, фразовую, интонацию.

В 549 репликах, извлеченных из романа Suç., «неглагольных» предложений насчитывается 390, в том числе: 193 собственно именных, 60 модальных и 137 неполных. В авторской речи количество неполных предложений колеблется от нескольких единиц до многих десятков (в романах О. Кемала). Вот краткие данные (первая цифра обозначает общее количество «неглагольных» предложений, цифра в скобках — количество неполных предложений): КММ — 58 (4), ВЕ — 110 (51), Suç. — 73 (27), Ayl. — 66 (1), ŞÇH — 40 (2).

Переходя к анализу собственно глагольных форм, следует подчеркнуть, что нами подсчитывались лишь функциональные формы глагола¹. Некоторые данные о словоизменительных формах (личные аффиксы, аффиксы принадлежности в значении личных аффиксов) будут приведены отдельно. Данные о «дифференциальных» формах (формы возможности и невозможности, видовые аспекты и пр.) здесь не приводятся.

В таблице 2 даны сведения о количестве форм изъявительного наклонения (индикатива) в обследованных отрывках названных произведений. В числителе указано количество соответствующих форм в диалогической, а в знаменателе — в авторской речи. Разумеется, общее количество индикативных форм, извлеченных из 1500 предложений авторской речи (по пяти книгам), значительно уступает числу форм, почерпнутых из более чем 2500 реплик, или, приблизительно, в 4500 предложениях диалогической речи². Поэтому важна не абсолютная цифра, а процентное отношение количества единиц данной морфемы к общему числу форм рассматриваемой группы (в данном случае — изъявительного наклонения), что указывается нами (в скобках) в итоговой графе.

Таблица 2

Наименование форм	КММ	ВЕ	Suç.	Ayl.	ŞÇH	Итого	Место (1—5)
1	2	3	4	5	6	7	8
Прошедшее на <i>-di</i>	$\frac{146}{118}$	$\frac{121}{80}$	$\frac{120}{63}$	$\frac{156}{134}$	$\frac{122}{151}$	655 (27%)	1
						546 (42%)	1

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7	8
Настоящее на <i>-yor</i>	$\frac{149}{4}$	$\frac{96}{14}$	$\frac{106}{—}$	$\frac{179}{2}$	$\frac{89}{29}$	$\frac{619 (25\%)}{49 (3,7\%)}$	$\frac{2}{—}$
	$\frac{104}{12}$	$\frac{103}{10}$	$\frac{99}{18}$	$\frac{193}{6}$	$\frac{89}{22}$	$\frac{588 (24\%)}{68 (5\%)}$	$\frac{3}{5}$
Настоящее-будущее (<i>-ir</i>)	$\frac{41}{1}$	$\frac{47}{3}$	$\frac{46}{2}$	$\frac{69}{1}$	$\frac{50}{3}$	$\frac{253 (10\%)}{10 (1\%)}$	$\frac{4}{—}$
	$\frac{10}{5}$	$\frac{20}{12}$	$\frac{20}{3}$	$\frac{39}{6}$	$\frac{31}{17}$	$\frac{120 (5\%)}{43 (3,3\%)}$	$\frac{5}{—}$
Будущее на <i>-acak</i>	$\frac{17}{31}$	$\frac{2}{19}$	$\frac{3}{42}$	$\frac{14}{72}$	$\frac{26}{27}$	$\frac{62 (2,5\%)}{191 (15\%)}$	$\frac{—}{3}$
	$\frac{8}{6}$	$\frac{11}{48}$	$\frac{10}{46}$	$\frac{22}{31}$	$\frac{8}{3}$	$\frac{59 (2,4\%)}{134 (10\%)}$	$\frac{—}{4}$
Прошедшее неопределенное (<i>-irdi</i>)	$\frac{11}{76}$	$\frac{8}{31}$	$\frac{12}{52}$	$\frac{9}{46}$	$\frac{10}{38}$	$\frac{50 (2\%)}{243 (19\%)}$	$\frac{—}{2}$
	$\frac{2}{—}$	$\frac{4}{—}$	$\frac{9}{8}$	$\frac{4}{1}$	$\frac{1}{3}$	$\frac{20 (1\%)}{12 (1\%)}$	$\frac{—}{—}$
Прошедшее определенное (<i>-yordu</i>)	$\frac{2}{—}$	$\frac{4}{—}$	$\frac{9}{8}$	$\frac{4}{1}$	$\frac{1}{3}$	$\frac{20 (1\%)}{12 (1\%)}$	$\frac{—}{—}$
	$\frac{2}{2}$	$\frac{4}{—}$	$\frac{1}{1}$	$\frac{4}{—}$	$\frac{—}{1}$	$\frac{9}{4}$	$\frac{—}{—}$
Прочие формы	$\frac{488}{255}$	$\frac{416}{217}$	$\frac{426}{235}$	$\frac{689}{299}$	$\frac{426}{294}$	$\frac{2445 (100\%)}{1300 (100\%)}$	
Всего форм							

Как видно из таблицы, «абсолютное первое место» занимает — как и следовало ожидать — прошедшее время на *-di*. Прошедшее категорическое время в количественном отношении превосходит остальные формы, что особенно ясно видно в авторской речи; в диалоге же оно в этом отношении может уступать другим формам, в частности настоящему на *-yor* (КММ) или настоящему-будущему (Ayl.).

Графа «прочие формы» расшифровывается следующим образом: преждепрошедшее II (*-diydi*) — $\frac{7}{—}$ (BE — 4, Ayl. — 2, Şuç. — 1), настоящее-длительное (*-maktadır*) — $\frac{1 (Ayl.)}{1 (Şuç.)}$, прошедшее-длительное (*-maktaydı*) — $\frac{—}{2 (КММ)}$, *-maz mı?* — $\frac{1 (Ayl.)}{—}$, *-mak üzereydi* — $\frac{—}{1 (ŞÇH)}$.

Кроме того, отмечается употребление перифрастических форм а) в диалогической речи *-miş ol-* (КММ и Ayl. — по 2) и *-maz ol(ur)* (ŞÇH — 2, BE—1), б) в авторской речи — *-miş ol-* (Ayl.—1) и *ir ol(muştı)* (Şuç.—

1). Эти цифры, кажется, подтверждают, что преждепрошедшее на *-diydi* не встречается в описаниях, а формы *-makia* и *-maktaydi* весьма медленно проникают не только в разговорную речь, но и в язык художественной литературы.

Употребление аффикса *-tir/-dir* в глагольных формах диалогической речи показано в таблице 3.

Таблица 3

Наименования форм	КММ	ВЕ	Суç.	Ayl.	ŞÇH	Всего
<i>-acaktır</i>	—	—	—	3	—	3
<i>-yordur</i>	—	—	—	2	2	4
<i>-maktadır</i>	—	—	—	1	—	1
<i>-muştır</i>	—	—	1	9	3	13
<i>-muşumdur</i>	—	—	—	1	1	2
<i>-muşındır</i>	—	1	1	1	—	3
<i>-muşunuzdur</i>	—	—	—	1	—	1
Всего	—	1	2	18	6	27

Ввиду предполагаемой многозначности аффикса *-tir* нельзя делать далеко идущих выводов на основании чисто количественного анализа. Однако следует отметить явное преобладание форм без аффикса *-tir*, в частности в 3-ем лице будущего категорического времени, в котором лишь в трех из 84 форм³ отмечен указанный аффикс (3,5%). Думается, что этот факт следует учитывать при решении вопроса о примате одной из двух альтернирующих форм 3-го лица (*-acak*||*acaktır*). В авторской речи аффикс *-tir* встречается несколько чаще. Так, форма *-acaktır* употреблена дважды в ВЕ (6, 17) и один раз в Суç. (14); форма *-muştır* встречается шесть раз (КММ — 2, ВЕ — 1, Суç. — 1, Ayl. — 2), *-yordur* — 1 (ВЕ, 7), *-maktadır* — 1 (Суç., 13).

В авторской речи та или иная форма (чаще всего — форма 3-го лица) одного из простых времен индикатива (за исключением *-di* и *-makia*) нередко с добавлением формы субъективной модальности *imiş* может присоединять к себе послелог *gibi* (иногда — в форме прошедшего времени). В обследованных нами отрывках такие сочетания встречаются 21 раз, в том числе: *-muş gibi* — 10 [КММ — 3, Суç. — 1, Ayl. — 2+1 (*gibiydi*), ŞÇH — 3], *-ir(muş) gibi* — 9 [КММ — 5+1 (*gibiydi*), Ayl. — 1 (*muş*), ŞÇH — 1 (*muş*), Суç. — 1], *-yormuş gibi* — 1 (Ayl.), *-acakmış gibi* — 1 (ВЕ). В диалогической речи «конструктивные излишества» этого типа встречаются гораздо реже: *-ir gibi* — 1 (ŞÇH), *-irmuş gibi* — 1 (Суç.).

Другие вопросы, возникающие в процессе исследования индикатива [например, процентное соотношение числа форм на *-ir* в значении настоящего (всевременного) и числа тех же форм в значении будущего времени и т. п.], могут быть решены лишь с учетом семантики подлежащих анализу единиц, что выходит за рамки избранной нами темы.

Рассмотрим далее относительную употребительность прочих предикативных (финитных) форм глагола (то есть других наклонений) в диалогической и авторской речи, зафиксированную в таблице 4.

Таблица 4

Наклонение	Форма	КММ	BE	Suç.	Ayl.	ŞÇH	Итого
Повелительное	2-е лицо ед. ч.	$\frac{25}{-}$	$\frac{113}{-}$	$\frac{87}{-}$	$\frac{82}{-}$	$\frac{49}{5}$	$\frac{356}{5}$
	2-е лицо мн. ч. (-in)	$\frac{32}{-}$	$\frac{10}{-}$	$\frac{8}{-}$	$\frac{42}{-}$	$\frac{33}{-}$	$\frac{125}{-}$
	-sin(lar)	$\frac{3}{1}$	$\frac{41}{2}$	$\frac{23}{9}$	$\frac{31}{2}$	$\frac{11}{-}$	$\frac{109}{14}$
	-sindi	$\frac{-}{-}$	$\frac{-}{-}$	$\frac{-}{3}$	$\frac{-}{-}$	$\frac{-}{-}$	$\frac{-}{3}$
	всего форм	$\frac{60}{1}$	$\frac{164}{2}$	$\frac{118}{12}$	$\frac{155}{2}$	$\frac{93}{5}$	$\frac{590 (72\%)}{22}$
	Желательное (оптатив)	-ayım	$\frac{20}{-}$	$\frac{12}{-}$	$\frac{8}{-}$	$\frac{25}{-}$	$\frac{5}{3}$
-alım		$\frac{19}{-}$	$\frac{21}{1}$	$\frac{20}{-}$	$\frac{29}{-}$	$\frac{8}{-}$	$\frac{97}{1}$
-asın(ız)		$\frac{-}{-}$	$\frac{-}{-}$	$\frac{-}{-}$	$\frac{1}{-}$	$\frac{1}{-}$	$\frac{2}{-}$
всего форм		$\frac{39}{-}$	$\frac{33}{1}$	$\frac{28}{-}$	$\frac{55}{-}$	$\frac{14}{3}$	$\frac{169 (21\%)}{4}$
Условно-жела- тельное†		-sa	$\frac{2}{-}$	$\frac{5}{-}$	$\frac{4}{2}$	$\frac{2}{-}$	$\frac{-}{1}$
	-saydı	$\frac{1}{-}$	$\frac{1}{-}$	$\frac{4}{1}$	$\frac{1}{-}$	$\frac{-}{-}$	$\frac{7}{1}$
	-sana и -sanıza	$\frac{3}{-}$	$\frac{5}{-}$	$\frac{4}{-}$	$\frac{2}{-}$	$\frac{4}{-}$	$\frac{18}{-}$
	всего форм	$\frac{6}{-}$	$\frac{11}{-}$	$\frac{12}{3}$	$\frac{5}{-}$	$\frac{4}{1}$	$\frac{38 (5\%)}{4}$
Долженствова- тельное	-malı(ydı)	$\frac{1}{-}$	$\frac{4}{1}$	$\frac{-}{3}$	$\frac{10}{-}$	$\frac{4}{-}$	$\frac{19 (2\%)}{4}$
			(-ydı)	(-ydı)			
	Всего	$\frac{106}{1}$	$\frac{212}{4}$	$\frac{158}{18}$	$\frac{225}{2}$	$\frac{115}{9}$	$\frac{816}{34}$

Как показывает таблица, в зоне косвенных наклонений авторская речь не выдерживает конкуренции с диалогом. Достаточно высокими оказываются и абсолютные цифры. Та или иная форма косвенных наклонений встречается 816 раз (приблизительно в 4500 предложениях); таким образом, в 18% предложений диалогической речи сказуемое репрезентирует одно из косвенных наклонений. Интересно, что на две

первые формы (2-е лицо повелительного наклонения) приходится почти 60% случаев употребления всех четырех наклонений.

В таблице не случайно отсутствует так называемая полная форма императива 2-го лица мн. числа *-iniz*, которая встретилась лишь трижды (ŞÇH, 17, 87, 153) и, судя по всему, в недалеком будущем вообще перестанет употребляться.

Довольно широко представлено в диалогической речи сочетание оптатива (*-ayım, -alım*) и императива (*-sin*) с вопросительной частицей и вопросительными словами. В BE и Suç. такие сочетания составляют около 15% (18 из 125) всех случаев употребления указанных глагольных форм.

Авторская речь в романе Suç. в основном представляет собой изложение размышлений главных героев повествования, и не случайно именно здесь зафиксированы три случая употребления сравнительно «молодой» формы *-sindi*⁵, которая наряду с другими формами на *idi* (*-yordu, -irdi, -acaktı, -saydı* и др.) может использоваться для передачи «скрытой речи», называемой также «внутренней пересказанной речью»⁶.

Рассмотрение неокончательных (инфинитных, или «медиальных») форм глагола целесообразно начать с промежуточных, «полупредикативных» условных форм (условное наклонение, условная модальность), оформляющих сказуемое зависимого суждения (протазиса) и располагающихся на стыке придаточной и главной частей предложения (см. таблицу 5).

Таблица 5

Название форм	КММ	BE	Suç.	Ayl.	ŞÇH	Итого	Место
<i>-irsa</i>	<u>8</u>	<u>20</u>	<u>16</u>	<u>36</u>	<u>8</u>	<u>88 (38,1%)</u>	<u>1</u>
	1	1	7	2	1	12 (25%)	1—2
<i>-sa</i>	<u>8</u>	<u>9</u>	<u>11</u>	<u>20</u>	<u>5</u>	<u>53 (23%)</u>	<u>2</u>
	2	—	7	2	—	11 (23%)	3
вопросительное слово + условная форма	<u>6</u>	<u>2</u>	<u>3</u>	<u>7</u>	<u>11</u>	<u>29 (12,5%)</u>	<u>3</u>
	3	2	4	2	1	12 (25%)	1—2
(имя +) <i>ise</i>	<u>8</u>	<u>5</u>	<u>2</u>	<u>5</u>	<u>6</u>	<u>26 (11,2%)</u>	<u>4</u>
	—	—	—	—	—	—	—
<i>-saydı</i>	<u>2</u>	<u>6</u>	<u>2</u>	<u>8</u>	<u>1</u>	<u>19 (8,2%)</u>	<u>5</u>
	—	—	2	1	—	3 (6,2%)	—
Другие формы: <i>-dıysa, -yorsa, -acaksa</i>	<u>2</u>	<u>1</u>	<u>—</u>	<u>9</u>	<u>3</u>	<u>15 (6,5%)</u>	<u>—</u>
	—	2	2	1	—	5 (10,4%)	4
Условная форма + частица <i>da</i> [<i>-(diy)sa da</i>]	<u>—</u>	<u>—</u>	<u>1</u>	<u>—</u>	<u>—</u>	<u>1</u>	<u>—</u>
	2	—	1	1	—	4 (8,3%)	5
Всего	<u>34</u>	<u>43</u>	<u>35</u>	<u>85</u>	<u>34</u>	<u>231</u>	
	8	6	23	9	2	48	

Из таблицы видно, что условные формы, подобно формам косвенных наклонений, чаще встречаются в диалоге, нежели в авторской речи, хотя в процентном выражении разница не столь уж велика: в репликах персонажей предложения, содержащие какую-либо условную форму, составляют 5% от общего количества предложений (231:4500), в авторской речи это соотношение выражается цифрой 0,03 (48:1500). Можно, впрочем, определять частотность той или иной формы не по отношению к числу предложений, а к общему количеству слов данного корпуса. Поскольку для авторской и диалогической речи это количество в нашем случае более или менее одинаково (примерно 16—20 тыс. слов), получается, что в диалогической речи условные формы встречаются почти в четыре раза чаще, чем в авторской (в первой — одна условная форма на 87 слов, во второй — на 333 слова).

В диалогической и авторской речи зафиксировано 20 случаев употребления форм *-yorsa*, *-diysa*, *-acaksa*, соответственно 11, 7 и 2.

Трудно объяснить полное отсутствие в повествовании условно-именных форм (*ise*), занимающих в диалоге достаточно большое место, впрочем, в основном за счет таких слов, как *varsa* 'если есть', *öyleyse* 'если так' и некоторых других.

Очень незначительным оказалось в просмотренных отрывках количество перифрастических условных форм [лишь одна форма (*-acak olursa*) в авторской речи ВЕ]; такие формы, как *-miş olsa(ydı)* и *-acak olsa*, вообще не были представлены.

Таблица 6 показывает употребительность деепричастий, а также конструкций «деепричастного значения» в диалоге и повествовании.

Таблица 6

Формы	КММ	ВЕ	Suç.	Ayl.	ŞÇH	Итого	Место
1	2	3	4	5	6	7	8
<i>-ip</i>	$\frac{17}{22}$	$\frac{13}{17}$	$\frac{11}{42}$	$\frac{22}{39}$	$\frac{14}{24}$	$\frac{77}{144}$ (33,6%)	$\frac{1}{1}$
	$\frac{2}{14}$	$\frac{5}{2}$	$\frac{6}{12}$	$\frac{8}{10}$	$\frac{3}{15}$	$\frac{24}{53}$ (10,5%)	$\frac{3}{4}$
<i>-ınca</i>	$\frac{4}{9}$	$\frac{2}{9}$	$\frac{4}{7}$	$\frac{2}{7}$	$\frac{6}{6}$	$\frac{18}{38}$ (7,9%)	$\frac{4}{5}$
	$\frac{2}{—}$	$\frac{2}{—}$	$\frac{—}{—}$	$\frac{5}{1}$	$\frac{5}{1}$	$\frac{14}{2}$	$\frac{—}{—}$
<i>iken</i>	$\frac{2}{22}$	$\frac{2}{2}$	$\frac{5}{3}$	$\frac{3}{3}$	$\frac{3}{3}$	$\frac{15}{33}$ (6,5%)	$\frac{5}{6}$
	$\frac{2}{40}$	$\frac{—}{8}$	$\frac{2}{5}$	$\frac{8}{51}$	$\frac{1}{6}$	$\frac{13}{110}$ (5,7%)	$\frac{6}{2}$
<i>-arak</i>	$\frac{2}{2}$	$\frac{—}{3}$	$\frac{—}{5}$	$\frac{5}{1}$	$\frac{—}{—}$	$\frac{7}{11}$ (3,1%)	$\frac{—}{—}$
	$\frac{—}{4}$	$\frac{1}{3}$	$\frac{—}{3}$	$\frac{4}{3}$	$\frac{—}{1}$	$\frac{5}{14}$ (2,2%)	$\frac{—}{—}$
<i>-a/-e</i>	$\frac{1}{11}$	$\frac{14}{6}$	$\frac{5}{8}$	$\frac{12}{33}$	$\frac{—}{20}$	$\frac{32}{78}$ (14,7%)	$\frac{2}{3}$

Продолжение таблицы 6

1	2	3	4	5	6	7	8
<i>-alı</i>	$\frac{1}{-}$	$\frac{-}{-}$	$\frac{-}{4}$	$\frac{1}{-}$	$\frac{1}{1}$	$\frac{3}{5}$	$\frac{-}{-}$
<i>-(ır) casına</i>	$\frac{-}{-}$	$\frac{-}{-}$	$\frac{-}{4}$	$\frac{-}{-}$	$\frac{-}{1}$	$\frac{-}{5}$	$\frac{-}{-}$
Всего деепричастий	$\frac{33}{124}$	$\frac{39}{50}$	$\frac{33}{89}$	$\frac{70}{153}$	$\frac{33}{77}$	$\frac{208}{493}$	
<i>-diktan sonra</i>	$\frac{2}{4}$	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{4}$	$\frac{2}{9}$	$\frac{3}{4}$	$\frac{9 (3,9\%)}{23 (4,3\%)}$	$\frac{7-8}{7}$
<i>-di mi (-maz mı)</i>	$\frac{1}{-}$	$\frac{2}{2 (1)}$	$\frac{5 (2)}{3 (1)}$	$\frac{-}{2}$	$\frac{1}{1}$	$\frac{9 (3,9\%)}{8 (1,5\%)}$	$\frac{7-8}{-}$
<i>-ır... -maz</i>	$\frac{1}{-}$	$\frac{-}{-}$	$\frac{-}{-}$	$\frac{1}{1}$	$\frac{-}{-}$	$\frac{2}{1}$	$\frac{-}{-}$
<i>-ana (-ıncaya) kadar</i>	$\frac{-}{-}$	$\frac{1}{1}$	$\frac{-}{1}$	$\frac{-}{-}$	$\frac{-}{-}$	$\frac{1}{2}$	
<i>-madan önce (evvel)</i>	$\frac{-}{1}$	$\frac{-}{1}$	$\frac{-}{2}$	$\frac{-}{-}$	$\frac{-}{-}$	$\frac{-}{4}$	
Всего форм деепричастного значения	$\frac{4}{5}$	$\frac{4}{6}$	$\frac{6}{10}$	$\frac{3}{12}$	$\frac{4}{5}$	$\frac{21}{38}$	
Итого (деепричастий и форм)	$\frac{37}{129}$	$\frac{43}{56}$	$\frac{39}{99}$	$\frac{73}{165}$	$\frac{37}{82}$	$\frac{229}{531}$	

Деепричастные формы, как и следовало ожидать, наиболее характерны для авторской речи. Одна деепричастная форма (как и одна условная) приходится приблизительно на двадцать предложений диалогической речи (или на 83 слова), тогда как в повествовании частотность деепричастных форм в семь раз выше (531 форма на 1500 предложений, или одна форма на каждые 30 слов).

Что касается «распределения» форм, то оно почти идентично в обеих группах. Лишь деепричастие на *-arak* с довольно скромного шестого места по частотности в диалоге передвигается на второе в авторской речи. Впрочем, не исключено, что это во многом объясняется особенностями индивидуального стиля некоторых писателей. Так, в авторской речи КММ и Ау1. частотность употребления деепричастия на *-arak* намного выше, чем формы на *-ır*, тогда как в трех других произведениях это деепричастие встречается значительно реже.

Было легко предсказать, что наименее употребительными окажутся деепричастия на *-alı*, *-casına* и *-maksızın* (последнее не встретилось ни разу), однако к этой же категории, как ни странно, пришлось отнести и такие, казалось бы, продуктивные конструкции, как *-ıncaya*, *-kadar* и *-ır... -maz*.

Все сказанное выше о стилевых особенностях употребления деепричастий в значительной мере относится и к другим инфинитным категориям, в том числе к причастиям, которые — за исключением формы на *-acak* — гораздо более употребительны в авторской речи (в среднем — одно причастие на 4, 5 предложения, или примерно на 50 слов), нежели

в диалоге (одно причастие на 35 предложений, или приблизительно на 150 слов) (см. таблицу 7).

Таблица 7

Причастия	КММ	BE	Suç.	Ayl.	ŞÇH	Итого	Место
<i>-an</i>	$\frac{17}{64}$	$\frac{4}{39}$	$\frac{12}{45}$	$\frac{30}{68}$	$\frac{21}{20}$	$\frac{84 (65\%)}{236 (71\%)}$	$\frac{1}{1}$
	$\frac{6}{11}$	$\frac{3}{2}$	$\frac{6}{6}$	$\frac{12}{3}$	$\frac{3}{1}$	$\frac{30 (23\%)}{23 (7\%)}$	$\frac{2}{3}$
<i>-miş</i>	$\frac{1}{18}$	$\frac{2}{11}$	—	$\frac{5}{6}$	$\frac{2}{2}$	$\frac{10 (7,7\%)}{46 (14\%)}$	$\frac{3}{2}$
	—	—	—	—	$\frac{1}{3}$	$\frac{1}{18 (5,5\%)}$	$\frac{4}{—}$
Прочие причастия	—	$\frac{1}{—}$	$\frac{1}{—}$	$\frac{2}{—}$	—	$\frac{4}{4}$	—
	$\frac{4}{103}$	—	—	—	—	$\frac{4}{329}$	—
Всего	$\frac{24}{103}$	$\frac{10}{52}$	$\frac{19}{64}$	$\frac{49}{82}$	$\frac{27}{26}$	$\frac{129}{329}$	

К «прочим» причастиям в таблице относятся: *-miş olan (bulunan)* — Ayl. — 1 (субст.) , *-acak olan* — Ayl. — 1 (субст.) , *-dik* — КММ — 2 , BE. Suç. — по 1.

Имена действия в авторской речи употребляются в каждом четвертом предложении (одна форма на 44 слова), в репликах персонажей — в каждом восемнадцатом предложении (одна форма на 77 слов). Все же, как показывает таблица 8, абсолютные цифры достаточно высоки и в диалоге, а во многих случаях (особенно это относится к форме на *-acak*) они даже не превышают соответствующих показателей авторской речи.

Таблица 8

Название форм	КММ	BE	Suç.	Ayl.	ŞÇH	Итого	Место
1	2	3	4	5	6	7	8
<i>-dik</i> дополнительный	$\frac{27}{43}$	$\frac{7}{6}$	$\frac{14}{8}$	$\frac{23}{15}$	$\frac{11}{25}$	$\frac{82 (33\%)}{97 (26,3\%)}$	$\frac{1}{2}$
	$\frac{16}{52}$	$\frac{7}{18}$	$\frac{5}{24}$	$\frac{19}{22}$	$\frac{11}{16}$	$\frac{58 (23,4\%)}{132 (35,7\%)}$	$\frac{2}{1}$
<i>-dik</i> определятельный	$\frac{4}{11}$	$\frac{6}{—}$	$\frac{2}{3}$	$\frac{15}{8}$	$\frac{4}{3}$	$\frac{31 (12,5\%)}{25 (6,8\%)}$	
	$\frac{4}{35}$	—	$\frac{1}{7}$	$\frac{12}{13}$	$\frac{2}{11}$	$\frac{19}{69}$	
Прочие формы на <i>-dik</i>							
Всего форм на <i>-dik</i>	$\frac{51}{141}$	$\frac{20}{27}$	$\frac{22}{42}$	$\frac{69}{58}$	$\frac{28}{55}$	$\frac{190}{323}$	

Продолжение таблицы 8

1	2	3	4	5	6	7	8
-acak дополнительный	$\frac{1}{16}$	$\frac{1}{1}$	$\frac{6}{2}$	$\frac{7}{4}$	$\frac{4}{5}$	$\frac{19}{28}$ (7,7%)	$\frac{1}{1}$
	$\frac{7}{-}$	$\frac{3}{2}$	$\frac{-}{1}$	$\frac{5}{2}$	$\frac{-}{3}$	$\frac{15}{8}$ (6%)	$\frac{2}{2}$
-acak определительный	$\frac{1}{-}$	$\frac{1}{-}$	$\frac{4}{1}$	$\frac{2}{1}$	$\frac{1}{-}$	$\frac{9}{2}$	
-acak подлежащий	$\frac{2}{7}$	$\frac{3}{-}$	$\frac{4}{1}$	$\frac{5}{-}$	$\frac{1}{-}$	$\frac{15}{8}$	
Прочие формы на -acak	$\frac{11}{23}$	$\frac{8}{3}$	$\frac{14}{5}$	$\frac{19}{7}$	$\frac{6}{8}$	$\frac{58}{46}$	
Всего форм на -acak	$\frac{62}{164}$	$\frac{28}{30}$	$\frac{36}{47}$	$\frac{88}{65}$	$\frac{34}{63}$	$\frac{248}{369}$	
Итого							

Количественный анализ позволяет выявить некоторые специфические особенности стиля отдельных авторов. Например, Сабахаттин Али, стилю которого свойствен «синтаксический классицизм», употребляет в авторской речи повести КММ несравненно больше имен действия, нежели три других писателя (в частности, в два с лишним раза больше, чем Орхан Кемаль в двух романах). В диалогической речи (речи персонажей) это различие, естественно, в значительной степени сглаживается.

Графа «прочие формы на -dik» расшифровывается следующим образом: *-diği gibi* — $\frac{5}{7}$, ... *için* — $\frac{3}{16}$, ... *nda* — $\frac{3}{6}$, ... *zaman (sırada)* — $\frac{2}{16}$, ... *ndanberi* — $\frac{2}{2}$, ... *na göre* — $\frac{2}{8}$, ... *kadar* — $\frac{1}{-}$, ... *halde* — $\frac{-}{10}$, ... *ndan*, ... *üzere* и *nisbette* — $\frac{-}{1}$, *-miş olduğu* (перифрастика) — $\frac{1}{1}$, «прочие формы на -acak»: *-acağına* — $\frac{7}{1}$, *-acak kadar* — $\frac{6}{5}$, *-acak (acağı) yerde* — $\frac{1}{1}$, *-acağı için* — $\frac{1}{-}$, *-acağı sırada* и *-acağı şekilde* — по $\frac{-}{1}$. Здесь также проявляются особенности стиля С. Али: в проанализированном отрывке авторской речи КММ «прочие формы» на -acak употреблены 23 раза — столько же, сколько в четырех других произведениях; такие же формы на -dik употреблены 35 раз (при общем количестве — 69). В речи же персонажей соответствующие формы встречаются в КММ 2 и 4 раза, а, например, в АуI. — 5 и 12 раз.

Последнюю группу функциональных форм глагола составляют инфинитив и различные глагольные имена (*-ma*, *-ış*, *-maklık*)⁷ (см. табл. 9).

Таблица 9

Название форм	КММ	BE	Suç.	AuI.	ŞÇH	Итого	Место
1	2	3	4	5	6	7	8
Инфинитив (-mak)	$\frac{27}{59}$	$\frac{18}{8}$	$\frac{18}{40}$	$\frac{78}{34}$	$\frac{9}{27}$	$\frac{150}{168}$ (75%)	$\frac{1}{1}$
						$\frac{60,6\%}{}$	

Продолжение таблицы 9

1	2	3	4	5	6	7	8
Имя на <i>-ma</i>	$\frac{11}{19}$	$\frac{3}{9}$	$\frac{2}{15}$	$\frac{23}{23}$	$\frac{1}{11}$	$\frac{40 (20\%)}{77 (27,8\%)}$	$\frac{2}{2}$
Имя на <i>-ıç</i>	$\frac{1}{7}$	$\frac{—}{2}$	$\frac{—}{8}$	$\frac{9}{5}$	$\frac{—}{3}$	$\frac{10 (5\%)}{25 (9\%)}$	
Производные формы	$\frac{—}{3}$	$\frac{—}{1}$	$\frac{—}{—}$	$\frac{1}{2}$	$\frac{—}{1}$	$\frac{1}{7}$	
Всего	$\frac{39}{88}$	$\frac{21}{20}$	$\frac{20}{63}$	$\frac{111}{64}$	$\frac{10}{42}$	$\frac{201}{277}$	

Одна форма такого рода приходится в авторской речи на 6 предложений (66 слов), в диалоге — на 22 (94 слова). Особенно употребителен инфинитив, ср. следующие конкретные случаи его использования (на примере Ayl. — $\frac{78}{34}$ и Suç. — $\frac{18}{40}$): 1) *-maya, -mağa* — $\frac{\text{Ayl. — 19, Suç. — 3}}{\text{Ayl. — 15, Suç. — 13}}$, 2) подлежащее — $\frac{\text{Ayl. — 18, Suç. — 3}}{9}$, 3) *... için* — $\frac{8}{5}$, 4) *... iste* — $\frac{\text{Ayl. — 8, Suç. — 6}}{3}$, 5) *-mayı, -mağı* — $\frac{8}{4}$, 6) определение — $\frac{6}{6}$, 7) сказуемое — $\frac{5}{2}$, 8) *... tan* — $\frac{4}{7}$, 9) *... la (... la ... -mak arasında)* — $\frac{4}{3}$, 10) *... ta* — $\frac{2}{—}$, 11) *... şöyle dursun* — $\frac{—}{3}$, 12) *değil ... -mak* — $\frac{—}{2}$ и по одной конструкции *... şartıyla, ... üzere, -maya kadar, -mak bilmez*.

В исследованных отрывках не встретилась форма на *-maklıb* (распространенный инфинитив). Производные формы (конструкции) сводятся к следующим: *-maktansa* — $\frac{1 (\text{Ayl.})}{—}$, *-masına rağmen* — $\frac{1}{1 (\text{BE})}$, *-maktan başka* — $\frac{—}{1 (\text{KMM})}$, перифразистическая форма *-miş olma (k)* — $\frac{—}{5}$.

В заключение приведем сводную таблицу (см. табл. 10). В итоговой графе указана (в процентах) употребительность всех анализированных типов форм по отношению к общему их числу, включая и именные предложения (в широком смысле слова).

Таблица 10

Названия категорий	KMM	BE	Suç.	Ayl.	ŞEH	Итого	Число слов, на которые приводятся одна форма
Индикатив	<u>488</u>	<u>416</u>	<u>425</u>	<u>689</u>	<u>426</u>	<u>2445 (43%)</u>	<u>8</u>
	<u>255</u>	<u>217</u>	<u>235</u>	<u>299</u>	<u>294</u>	<u>1300 (40%)</u>	<u>12</u>
Косвенные наклонения	<u>106</u>	<u>212</u>	<u>158</u>	<u>225</u>	<u>115</u>	<u>813 (14,3%)</u>	<u>25</u>
	<u>1</u>	<u>4</u>	<u>18</u>	<u>2</u>	<u>9</u>	<u>34 (1%)</u>	<u>470</u>
Всего финитных форм	<u>594</u>	<u>628</u>	<u>584</u>	<u>914</u>	<u>541</u>	<u>3261 (57,2%)</u>	
	<u>255</u>	<u>221</u>	<u>253</u>	<u>301</u>	<u>303</u>	<u>1334 (41,2%)</u>	
Именное сказуемое ⁸	<u>238</u>	<u>305</u>	<u>330</u>	<u>329</u>	<u>193</u>	<u>1395 (24,5%)</u>	<u>14</u>
	<u>58</u>	<u>110</u>	<u>73</u>	<u>66</u>	<u>40</u>	<u>347 (10,7%)</u>	<u>46</u>
Всего предикативных форм (с именным сказуемым)	<u>832</u>	<u>933</u>	<u>914</u>	<u>1243</u>	<u>742</u>	<u>4656 (81,8%)</u>	
	<u>314</u>	<u>331</u>	<u>326</u>	<u>377</u>	<u>343</u>	<u>1681 (52%)</u>	
Условные формы	<u>34</u>	<u>43</u>	<u>35</u>	<u>85</u>	<u>34</u>	<u>231 (4%)</u>	<u>87</u>
	<u>8</u>	<u>6</u>	<u>23</u>	<u>9</u>	<u>2</u>	<u>48 (1,5%)</u>	<u>333</u>
Деепричастия	<u>37</u>	<u>43</u>	<u>39</u>	<u>73</u>	<u>37</u>	<u>229 (4%)</u>	<u>87</u>
	<u>129</u>	<u>56</u>	<u>99</u>	<u>165</u>	<u>82</u>	<u>531 (16,4%)</u>	<u>30</u>
Причастия	<u>24</u>	<u>10</u>	<u>19</u>	<u>49</u>	<u>27</u>	<u>129 (2,3%)</u>	<u>150</u>
	<u>104</u>	<u>52</u>	<u>64</u>	<u>83</u>	<u>26</u>	<u>329 (10,1%)</u>	<u>50</u>
Имена действия	<u>62</u>	<u>28</u>	<u>36</u>	<u>88</u>	<u>34</u>	<u>248 (4,3%)</u>	<u>77</u>
	<u>164</u>	<u>30</u>	<u>47</u>	<u>65</u>	<u>63</u>	<u>369 (11,4%)</u>	<u>44</u>
Глагольные имена	<u>39</u>	<u>21</u>	<u>20</u>	<u>111</u>	<u>10</u>	<u>201 (3,5%)</u>	<u>94</u>
	<u>88</u>	<u>20</u>	<u>63</u>	<u>64</u>	<u>42</u>	<u>277 (8,5%)</u>	<u>66</u>
Всего нефинитных форм	<u>196</u>	<u>145</u>	<u>149</u>	<u>406</u>	<u>142</u>	<u>1038 (18,2%)</u>	
	<u>493</u>	<u>164</u>	<u>296</u>	<u>386</u>	<u>215</u>	<u>1554 (48%)</u>	
Всего функциональных форм (без именного сказуемого)	<u>790</u>	<u>773</u>	<u>733</u>	<u>1320</u>	<u>683</u>	<u>4299</u>	
	<u>749</u>	<u>385</u>	<u>549</u>	<u>687</u>	<u>518</u>	<u>2888</u>	
Итого (с именным сказуемым)	<u>1028</u>	<u>1078</u>	<u>1063</u>	<u>1649</u>	<u>876</u>	<u>5694</u>	
	<u>807</u>	<u>495</u>	<u>622</u>	<u>753</u>	<u>558</u>	<u>3235</u>	

Итак, в современном турецком языке в диалоге четыре из каждых пяти форм являются предикативными (то есть формами прямого или косвенных наклонений, либо именного сказуемого) и лишь одна из пяти — нефинитной формой. В то же время в повествовании каждая вторая форма является неокончательной. Думается, что это существенное

различие, если оно подтвердится при анализе других источников, должно учитываться в дальнейших исследованиях.

¹ Термин Н. А. Баскакова. Функциональными формами можно назвать такие, «только посредством которых глагол реализуется в предложении» (Н. А. Баскаков. Каракал-накский язык, II. Фонетика и морфология. Часть I. М., 1952, стр. 366).

² При подсчете за предложение принималась единица высказывания, заключенная между двумя точками или другими знаками того же порядка (восклицательный, вопросительный). Одно предложение может заключать в себе несколько предикативных форм, например: *Olur, olur, sen yarın bana ugra!* (КММ, 9) 'Ладно, ладно, ты завтра зайди ко мне!' (В этом предложении две финитные формы: *olur* и *ugra*). Две и более однородные формы (ср. *olur, olur*) при подсчете принимаются за одну.

³ Как показали подсчеты, проведенные на материале романа Суç., в диалогической речи форма 3-го лица составляет 35—50% всех личных форм изъявительного наклонения. Вот некоторые количественные данные: прошедшее на *-di* — 120: 1-е лицо (единственного и множественного числа) — 33 (26 и 7), 2-е лицо — 26 (26 и 0), 3-е лицо — 61 (51 и 10); настоящее на *-yor* — 106: 1-е лицо — 25 (21 и 4), 2-е лицо — 32 (31 и 1), 3-е лицо — 49 (46 и 3); настоящее-будущее время (*-ir*) — 98: 1-е лицо — 25 (24 и 1), 2-е лицо — 23 (19 и 4), 3-е лицо — 50 (48 и 2); будущее на *-acak* — 46: 1-е лицо — 24 (19 и 5), 2-е лицо — 6 (6 и 0), 3-е лицо — 16 (14 и 2); прошедшее на *-yordu* — 12: 1-е лицо — 3, 2-е лицо — 3, 3-е лицо — 6 и т. п. Особняком, как и следовало ожидать, стоит форма на *-miş (tir)* — 20: 1-е лицо — 3, 2-е лицо — 3, 3-е лицо — 14. Ср. еще форму на *-dik* — 23: 1-е лицо — 7, 2-е лицо — 3, 3-е лицо — 13 (9 и 4). В авторской речи явно преобладают формы 3-го лица.

⁴ Формы желательного («условно-желательного») наклонения являются финитными («конечными»), что позволяет на основании формального (позиционного) критерия отграничить их от «медиальных» (срединных) форм условного наклонения; ср., например: (*Ah*) *Dün gelseydi!* 'Прийти бы ему вчера!' и *Dün gelseydi konuşurduk* 'Если бы он вчера пришел, мы бы поговорили'. (В первом предложении — условно-желательное наклонение, во втором — условное).

⁵ Лишь в 60-е годы эта форма привлекла к себе внимание исследователей. См.: Н. Ediskun. *Yeni Türk Dilbilgisi*. Istanbul, 1963, стр. 185; G. L. Lewis. *Turkish grammar*. Oxford, 1967, стр. 138, 139; и подробнее: Л. Н. Старостов. О некоторых не зафиксированных в грамматиках значениях турецких глагольных форм повелительно-желательного наклонения. — В сб.: «Восточная филология». М., 1971, стр. 114 и сл.

⁶ См.: К. Л. Ганшина. Анализ иностранного текста как условие его понимания. — В сб.: «Теория и методика учебного перевода». М., 1950, стр. 116.

⁷ Отглагольные имена, не являясь формами глагола, сюда, естественно, не входят. Впрочем, такие формы, как *-ış* и, отчасти, *-ma*, стоят на грани глагольных и отглагольных имен.

⁸ Точнее говоря, — отсутствие глагольного сказуемого, поскольку, например, в неполных предложениях нет грамматического сказуемого (хотя, конечно, есть рема).

В. Я. ПИНЕС

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ АВТОМАТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА И ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ

1. Автоматический перевод (АП) является одной из важных целей сравнительно молодой науки, часто называемой «вычислительной лингвистикой» («computational linguistics»), в задачу которой входят различные виды автоматической обработки языков, то есть исследование лингвистических данных с помощью электронных вычислительных машин.

За двадцать пять лет работы над проблемой АП сделано очень много, особенно в США и СССР. Однако, несмотря на это, уже в конце 50-х годов решение проблемы АП, казавшееся вначале таким близким и вполне достижимым в глобальном аспекте задачи, зашло в тупик. При этом исследования в области АП не прекращались. Напротив, количество подготавливаемых работ и число коллективов, занимающихся вопросами АП, продолжало увеличиваться. Но все же нельзя не заметить, что на ряде конференций по вычислительной лингвистике АП не выделялся в отдельную тему¹; и этот факт, если учитывать кризис, переживаемый АП в последние годы, следует признать закономерным.

Никто, конечно, не станет отрицать, что АП представляет собой интереснейшую и весьма перспективную область знания. Но многие исследователи, стоявшие у истоков АП, пришли к выводу, что в настоящее время полностью автоматизированный, высококачественный перевод пока еще недостижим даже для научных текстов².

«Стало очевидно, что система высококачественного АП не может быть создана до и независимо от создания полной автоматической модели языка во всех ее конкретных аспектах, а также без достаточного развития средств автоматизации исследовательской работы, что позволит внести в алгоритмы АП элементы обучения и самообучения»³. Помимо этого, высокому качеству АП препятствует отсутствие у машины того значительного объема экстралингвистических знаний, которыми обладает переводчик-человек. Именно эти знания помогают человеку находить правильное решение в тех случаях синтаксической и семантической омонимии, перед которыми машина бывает бессильна. Поэтому приемлемой

¹ См.: И. А. Мельчук. Международная конференция по автоматизации в лингвистике («Computational linguistics»). — В сб.: «Научно-техническая информация», сер. 2, 1967, № 7; И. И. Ревзин. Пути преодоления кризиса в вычислительной лингвистике. — Там же, 1968, № 2.

² См., например: Y. Bar-Hillel. The Present Status of Automatic Translation of Languages. — В сб.: «Advances in Computers», v. I. New York, 1966, стр. 91—163.

³ И. А. Мельчук. Указ. раб., стр. 33.

в настоящее время целью АП признается либо полностью автоматизированный перевод невысокого качества, либо частично автоматизированный высококачественный перевод.

Трудности решения проблемы АП нашли свое отражение в рекомендациях отчета «Язык и машины», выпущенного Национальной Академией наук США⁴. Наблюдательный Комитет по автоматической обработке текстов в этом отчете предлагает сократить исследования по АП как нерентабельные и в настоящее время малоперспективные и сосредоточить все усилия на разработке теоретических проблем, связанных с автоматическим анализом языков. Можно не соглашаться с прямолинейностью и категоричностью этих рекомендаций, но весьма примечательным является цитируемое в том же отчете заявление В. Ингве, одного из сторонников продолжения практических экспериментов в области АП: «...машинный перевод не может быть использован без постредактирования, а при условии постредактирования процесс в целом становится медленным и, вероятно, неэкономичным. Что же касается возможности полностью автоматического перевода, я убежден, что придет такой день, когда он станет вполне возможным и экономичным, однако для этого нам необходимы существенно новые фундаментальные знания, которыми мы в настоящее время не располагаем, и никто не в состоянии предсказать, когда мы этими знаниями будем располагать»⁵.

Несколько ранее в одной из своих работ В. Ингве отмечал, что «работа в области машинного перевода вплотную подошла к семантическому барьеру»⁶. Следует признать, что это препятствие все еще не преодолено.

Пионеры АП в Советском Союзе О. С. Кулагина и И. А. Мельчук пишут: «Признавая принципиальную осуществимость машинного перевода, мы считаем необходимым подчеркнуть огромную, почти фантастическую трудность этой проблемы»⁷.

2. Выход из трудностей АП следует искать, очевидно, в следующих принципах, сформулированных И. И. Ревзиным на основе анализа большинства докладов одной из конференций по вычислительной лингвистике:

- 1) отказ от глобальных концепций, которые якобы сразу же позволят решить все вопросы автоматического перевода;
- 2) стремление к последовательному применению разных процедур для решения одного и того же вопроса;
- 3) далеко идущая формализация семантики;
- 4) отказ от принципа полной замены человека машиной и переход к содружеству человека с машиной;
- 5) перенос отдельных процедур, выработанных в связи с машинным переводом, на решение других задач;
- 6) дальнейшее развитие теории моделей языка и укрепление связи этой теории с автоматическим анализом⁸.

⁴ См. сокращенный перевод этого доклада: «Язык и машины». (Применение электронных вычислительных машин в переводе и в исследовании языка. Отчет наблюдательного комитета по автоматической обработке текстов. Национальная Академия наук США. Национальный научно-исследовательский совет). — В сб.: «Научно-техническая информация», сер. 2, 1968, № 8.

⁵ Там же, стр. 29.

⁶ В. Ингве. Значение исследований в области машинного перевода. — В сб.: «Научно-техническая информация», 1965, № 7, стр. 45.

⁷ О. С. Кулагина, И. А. Мельчук. Автоматический перевод; краткая история, современное состояние, возможные перспективы. — В сб.: «Автоматический перевод». М., 1971, стр. 22.

⁸ И. И. Ревзин. Указ раб., стр. 42.

Остановимся подробнее на пункте 4.

Ряд исследователей подчеркивает инженерный, а не теоретический характер проблем АП, утверждая, что лингвистические данные, необходимые для реализации АП, являются не столько теоретическими, сколько эмпирическими и могут быть получены лишь в ходе решения конкретных задач АП. Но и для этих исследователей не является секретом то, что высококачественный и полностью автоматизированный перевод еще долгое время не будет осуществим. Поэтому некоторые из них принимают компромиссное решение — проявляют интерес к полув автоматическому переводу, при котором машина используется лишь как вспомогательное средство (*machine-aided translation*).

К частичной автоматизации стремился, например, А. Эттингер в своих работах по созданию автоматических словарей, предназначенных для исходного перевода научных текстов⁹.

В СССР над реализацией машинного перевода, который осуществлялся бы в системе «человек—машина—человек» работает группа «Статистика речи»¹⁰. Сотрудники этой группы охватили исследованием и тюркские языки¹¹.

За рубежом длительное время и довольно успешно в сходном направлении ведут исследование две группы: Служба переводов бундесвера в ФРГ и Терминологическое бюро в Люксембурге. В обоих случаях осуществляется самый обычный перевод, но с использованием ЭВМ для составления специализированных словарей, освобождающих переводчика от малопродуктивной и нетворческой части работы.

Система перевода в ФРГ функционирует следующим образом. Переводчик отмечает в тексте неизвестные слова, которые затем кодируются на перфокартах и одновременно приводятся к словарному виду. Далее следует обработка закодированного текста с последующей выдачей переводчику текста с составленным к нему глоссарием¹².

Система, применяемая Терминологическим бюро (Люксембург) в сотрудничестве с Центром прикладной автоматической лингвистики Брюссельского университета, заключается в поиске слова и его контекста в автоматическом словаре. Составлены французско-голландский и голландско-французский автоматические словари, а также пятиязычный словарь «*Dicautom*», обеспечивающий выдачу эквивалентов технических терминов при переводе с немецкого на французский, голландский, английский и итальянский языки. Используемый подход сходен с предыдущим, но получаемый результат в данном случае выглядит несколько иначе. Переводчик и здесь подчеркивает в тексте все незнакомые слова, но в машину вводится вся фраза, содержащая неизвестный термин. Переводчик получает затем справку с возможными переводами термина в широких контекстах.

Таким образом, перевод предложения в целом осуществляется все-таки не машиной, а человеком. Однако полученные переводы вводятся в автоматическую систему, что постепенно увеличивает вероятность нахождения фразы, в которой искомое слово выступает в нужном контек-

⁹ A. G. Oettinger. The state of the art of automatic language translation. An appraisal. — «Beiträge zur Sprachkunde und Informationsverarbeitung», 1963, № 2.

¹⁰ См.: Р. Г. Пиотровский. Машинный перевод (некоторые итоги и перспективы). — В сб.: «Проблемы структурной лингвистики, 1971». М., 1972.

¹¹ См.: С. К. Кенесбаев, Р. Г. Пиотровский, К. Б. Бектаев. Инженерная лингвистика и поркология. — «Советская тюркология», 1970, № 6.

¹² F. Krollman, H. Schuk, V. Winkler. Production of text-related technical glossaries by digital computers. A procedure to provide an automatic translation aid. — «Beiträge zur Sprachkunde und Informationsverarbeitung», 1965, 1.

сте. Следует отметить, что в данном случае предварительной обработки запроса не требуется, так как словарь обслуживается программой морфологического анализа, которая приводит незнакомый термин к словарному виду, а затем находит его в словаре¹³.

3. На конструкцию автоматического словаря в большой мере влияет выбор морфологического анализа¹⁴. Решение этого вопроса зависит от характера структуры языка и степени ее сложности. Часто значительную роль в выборе морфологического анализа играет принятое описание языка. Можно видеть, что чисто прагматические критерии выбора морфологического анализа подчеркивают прикладной характер вычислительной лингвистики.

При конструировании автоматического словаря прежде всего решается вопрос, будет ли он словарем словоформ или только канонических форм (основ). Естественно, первое решение избавляет от необходимости проведения морфологического анализа вообще. В этом случае в словаре фиксируются, например, для французского глагола несколько десятков форм. Так, наряду с неопределенной формой глагола *traverser* даются формы *traversant*, *traverse*, *traversent* и т. д. Во втором же случае все указанные формы, если они встречаются в тексте, автоматически относятся под рубрику *traverser*. Это осуществляется посредством отсечения окончаний в соответствии с их специальным списком. При каких же условиях следует давать в словаре все возможные формы для каждого глагола, а когда — записывать правила отсечения и списки окончаний? Очевидно, вторым вариантом целесообразно пользоваться лишь при значительном числе словоформ, которые могут быть отнесены к одной и той же рубрике словаря. Если в английском языке количество словоформ превышает число основ не более чем в четыре раза, то для русского языка, как показывают расчеты, это соотношение доходит до 20—25. Совершенно очевидно, что во втором случае морфологический анализ более желателен.

Важной является также степень сложности алгоритма анализа. Например, в языках германской группы, таких, как английский, немецкий или голландский, имеется около ста шестидесяти простых неправильных глаголов в каждом. Представляется гораздо более простым троекратное перечисление этих глаголов в словаре (формы инфинитива, имперфекта и причастия II), нежели составление программ морфологического анализа, ибо в последнем случае для каждой из различных групп глаголов потребуется отдельная программа. Что же касается производных неправильных глаголов, то, имея в словаре нужные формы соответствующих простых глаголов, легко произвести автоматический анализ производных форм. Тем более что здесь имеется в виду небольшая программа отсечения префиксов (фузия отсутствует вообще), а количество производных глаголов больше простых. Так, записав в словаре все формы английского глагола *do*, мы без особого труда сможем осуществить автоматическое распознавание соответствующих форм производных глаголов *undo* или *outdo*.

Анализ форм желателен и для глаголов с отделяемыми префиксами в немецком языке. Если в словаре зафиксирован, например, глагол *stellen*, снабженный кодом, допускающим префикс *an*, то программа морфо-

¹³ J. A. Bachrach, L. Hirschberg. Une troisième version du «Dicautom». — В сб.: «2ème Conference Internationale sur le Traitement Automatique de Langues. Grenoble, 1967». Grenoble, 1967.

¹⁴ L. Hirschberg. Le choix d'une analyse morphologique dans le traitement automatique de langues. — В сб.: «Problèmes de la traduction automatique». Paris, 1968.

логического анализа должна учитывать возможность появления форм *anstellen, angestellten, anzustellen*. Кроме того, необходимо идентифицировать последовательности типа *stellen ... an*, где префикс отделен от глагола группой слов.

Легко понять стремление к предельному упрощению системы морфологического анализа и удобству его проведения, коль скоро решение производить анализ уже принято. Это иногда отражается на описании подвергающегося обработке фрагмента языка.

В работе Ж. Бахрах и Л. Хиршберг¹⁵, описывающей один из вариантов автоматического словаря «Dicautom», существительные в немецком языке обрабатываются следующим образом.

Всем существительным немецкого языка приписывается код, определяющий список окончаний, которые могут присоединяться к любому существительному. Все многочисленные склонения немецких существительных группируются в одно, допускающее только один список окончаний для всех существительных: *ø, -e, -s, -es, -n, -en, -nen, -se, -sen, -ses, -chen, -chens, -lein, -leins*. Причем список этот не зависит от формы, данной в словаре. Следует заметить, что «склонение» авторами понимается очень широко, сюда относятся ими, например, и некоторые словообразовательные формы.

Упрощение системы склонений путем сведения их всех к одному склонению в значительной степени облегчает систему кодирования в словаре. Для сравнения отметим, что кодирование для морфологического анализа потребовало в другой работе для немецких существительных двадцать три списка¹⁶.

4. Даже при значительном превышении числа словоформ над числом основ, что характерно для русского и немецкого языков, все еще можно говорить о словаре словоформ. Но если речь идет о словаре для таких языков, как тюркские, проблема обработки найденных в тексте словоформ, особенно глагольных, выдвигается на передний план. Дело в том, что в тюркских языках от каждой глагольной основы могут быть образованы тысячи форм, хранить которые в словаре бессмысленно, тем более что не все теоретически допустимые формы употребляются на практике, хотя определенную вероятность их появления и не следует упускать из виду.

Так, по данным Х. Ф. Исхаковой¹⁷, максимальное число словоизменяемых форм, которые могут быть образованы от одной глагольной основы, для татарского языка составляет 17947, для турецкого — 11390, для узбекского — 13592. По нашим подсчетам, даже при длине цепочки аффиксов, ограниченной пятью формантами, соответствующий показатель для азербайджанского языка превышает 8000. Максимальное же число аффиксов в составе азербайджанской глагольной словоформы доходит до десяти.

При работе человека-переводчика с автоматическим словарем как вспомогательным средством в большинстве случаев бывает достаточно привести незнакомую форму, встреченную в тексте, к словарному виду и получить перевод ее канонической формы. Любая словоформа какого-либо индоевропейского языка обычно содержит не более одного или

¹⁵ J. A. Bachrach, L. Hirschberg. Указ. раб.

¹⁶ G. Laurent, A. Bernard, D. Levenbach. Étude morphologique du subjonctif allemand. Grenoble, 1962.

¹⁷ Х. Ф. Исхакова. Исследования в области формальной морфологии тюркских языков (на материале татарского литературного языка в сопоставлении с турецким и узбекским). Автореф. канд. дисс. М., 1972, стр. 17.

двух аффиксов, и переводчик достаточно легко сумеет восстановить значение этой формы. Что же касается тюркских языков, то здесь каждая словоформа содержит значительное число формантов, система которых выражает довольно сложные значения.

Ориентироваться в системе многочисленных тюркских аффиксов, хотя и упорядоченных определенным образом, не так просто. Поэтому в словарях, конструируемых для тюркских языков, помимо автоматического перевода терминов должно решаться в обязательном порядке и проблема автоматического перевода форм, иначе говоря, проблема установления соответствий между словоформами двух языков.

5. Успешное решение вышеуказанной задачи всецело зависит от наличия полных и непротиворечивых описаний соответствующих фрагментов языков с достаточно высоким уровнем формализации.

Этим требованиям отвечает, в частности, описание тюркской морфологии с помощью так называемой грамматики порядков, разработанное применительно к азербайджанскому глаголу¹⁸. Грамматика порядков представляет собой «механизм», порождающий путем последовательно присоединения аффиксов к основе все грамматически правильные личные глагольные формы азербайджанского языка.

Такого рода описание может быть использовано для автоматического морфологического анализа и синтеза в рамках автоматического словаря. Модель обратима в сторону как анализа, так и синтеза, поскольку:

а) определенной последовательности аффиксов соответствует (в допустимом приближении) последовательность определенных значений;

б) достижим правильный выбор и правильная последовательность аффиксов в составе глагольной словоформы для данного сочетания значений.

6. Возможность применения грамматики порядков в системе АП проверена нами на примере автоматического установления соответствий между азербайджанскими глагольными формами, описанными в терминах грамматики порядков для аффиксов, и формами английского глагола, модель которых строилась с помощью системы трансформаций. Алгоритм указанных соответствий в виде азербайджанско-английского автоматического словаря глагольных форм был реализован на ЭВМ «Минск-22»¹⁹.

Отметим некоторые особенности используемой системы соответствий.

Важная отличительная черта данного «словаря» заключается в том, что в нем осуществляется не перевод на английский язык лексического значения, выраженного основой азербайджанского глагола, а выдача той формы английского глагола, которая соответствует цепочке аффиксов, присоединяемых к азербайджанской основе. Причем это достигается посредством сочетания только определенных глагольных словоформ — вспомогательных и знаменательной. Никакая другая дополнительная информация при «перевод» не выдается, но при необходимости она может быть легко получена.

Например, значения, выражаемые азербайджанскими возвратными и взаимно-совместными формами, иногда не могут быть переданы с помощью только глагольных форм английского языка без дополнительной информации (местоимений). Мы же, согласно общему принципу, рас-

¹⁸ См.: В. Я. Пинес. О моделировании структуры глагольных форм в тюркских языках. — «Советская тюркология», 1971, № 3.

¹⁹ Программы для ЭВМ были составлены О. Э. Кульгавиной.

пространяемому на всю систему соответствий, формулируем лишь те правила, в которых английский эквивалент может быть представлен только глагольными формами. Это позволяет единообразно применять для синтеза строго определенный набор трансформаций. По этой же причине в выдаваемых словарем повелительных и каузативных формах также отсутствуют обязательно сопутствующие им местоимения, а формы, выражающие условность, выдаются без союза *if*.

В связи с вышеизложенным правила соответствий для показателей возвратности и взаимности-совместности азербайджанского глагола не формулируются. Что же касается случаев изменения английских основ (например, *jaz*- 'писать' — *write*, но *jaz-ыш*- 'переписываться' — *correspond*), то они должны предусматриваться списками соответствующих азербайджанских глаголов, а также заданием необходимой информации к ним.

Каузативный аффикс *-дыр* и его алломорфы, присоединяющиеся к основе азербайджанского глагола, представляют способ выражения в пределах глагольной формы очень общего абстрактного смысла «каузировать, заставлять, понудить, делать (так, чтобы)». В терминах системы семантического синтеза А. К. Жолковского и И. А. Мельчука²⁰ считается, что в этом случае выражена лексическая функция *Caus*²¹:

$i_{\circ}$	Caus ($i_{\circ}$)
<i>ич</i> - 'пить'	<i>ич-урт</i> - 'напоить'
<i>дон</i> - 'мерзнуть'	<i>дон-дур</i> - 'замораживать'

Иногда более тонкое исследование семантики позволяет выделить, например, такое применение каузативного аффикса, которое в указанной системе семантического синтеза считается выражением лексической функции *Conv* (конверсивное отношение):

$i_{\circ}$	Conv ($i_{\circ}$)
<i>горх</i> - 'бояться'	<i>горх-ут</i> - 'пугать' (то есть 'заставить бояться')
<i>уд</i> - 'выиграть'	<i>уд-уз</i> - 'проиграть' (то есть 'сделать так, чтобы кто-то выиграл').

Однако нас интересует не «глубинная» разница между рассмотренными случаями *Caus* и *Conv*, а то общее, что их объединяет — возможность выражения смысла «каузировать». Поэтому перевод на английский язык грамматических форм с аффиксом *-дыр* или его алломорфами осуществляется (несмотря на наличие идиоматичных выражений — соответствующих глагольных лексических единиц) в виде неспецифического эквивалента, «передающего (хотя бы коряво) нужный смысл», а именно: в виде сочетания глаголов *make*, *cause* и других, выражающих смысл «делать так, чтобы», с инфинитивом знаменательного глагола — английского эквивалента основы азербайджанского глагола. Такой путь позволяет сохранить каузативное значение в системе форм английского глагола, причем прослеживается удобный для установления соответствий изоморфизм азербайджанских и английских форм, облегчающий автоматизм перевода. При необходимости переводчик или постредактор

²⁰ А. К. Жолковский, И. А. Мельчук. О семантическом синтезе. — В сб.: «Проблемы кибернетики», вып. 19. М., 1967.

²¹ Лексическая функция определяет связь некоторого ключевого слова $i_{\circ}$ (аргумента) с другим словом или словосочетанием (значением).

сам может подобрать более подходящую по стилю синонимичную каузативную конструкцию или другой глагол в соответствующей форме. Например, азербайджанская форма *jaz-dыр-*, являющаяся повелительной от *jaz-* 'писать', в нашей системе соответствий будет переводиться на английский язык как *make (someone) write*. При этом есть возможность использовать ряд других синонимических конструкций: *cause (smth) to be written, have (someone) write, have (smth) written, get (someone) to write* и т. д.

Очевидно, что каузативные конструкции с глаголом *make* или его аналогами не всегда отвечают стилистическим нормам, особенно если они соответствуют удвоению повелительного аффикса в азербайджанской глагольной форме. Но нас в данном случае привлекает предельная простота механизма, порождающего максимальное количество конструкций, содержащих смысл «каузация» и представляющих различные формы времени, аспекта и залога.

Ниже приводится фрагмент результатов эксперимента по машинному порождению азербайджанских глагольных форм с выдачей их английских эквивалентов.

=МЫЩАМ	HAVE P2(V)
=АЧАГДЫН	WOULD I(V)
=А БИЛМЭМИЩДІР	HAS NOT BEEN ABLE TO I(V)
=МАГДАЙДЫЛАР	WERE P1(V)
=ЫЛМАЙЫБСЫНЫЗ	HAVE NOT BEEN P2(V)
=ЫЛМАЗДЫГ	SHOULD NOT BE P2(V)
=ДЫРМАГДАСАН	IS MAKING I(V)
=ДЫРА БИЛИРЛЭР	CAN MAKE I(V)
=ДЫРМАЛЫДЫМ	WAS OBLIGED TO MAKE I(V)

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. На печать выдается сочетание азербайджанских глагольных аффиксов без основы с соблюдением необходимых правил морфологии и орфографии. В связи с отсутствием в печатающем устройстве машины литер *j, ə, ı* последние были заменены соответственно знаками *y, e, i*.

2. Поскольку в эксперименте не осуществлялся перевод лексических значений азербайджанских глагольных основ, то соответствующие формы знаменательных английских глаголов в составе аналитических комплексов представлены на выходе ЭВМ в виде символов: I (V) — инфинитив, P₁ (V) — Participle I, P₂ (V) — Participle II.

РЕЦЕНЗИИ

A. v. GABAIN. DAS LEBEN IM UIGURISCHEN KÖNIGREICH
VON QOČO (850—1250)

VERÖFFENTLICHUNGEN DER SOCIETAS URALO-ALTAICA, BD 6.

WIESBADEN, 1973, 251 стр. ТЕКСТА (TEXTBAND)+235 РИСУНКОВ (TAFELBAND)

С уйгурским государством Кочо, существовавшим в бассейне Тарима с 850 по 1250 г., не связано, пожалуй, ни одно из крупных исторических событий. Тем не менее это небольшое государство неизменно привлекает к себе внимание ученых, и нередко появляются работы, освещающие те или иные стороны его истории¹.

Повышенный интерес к Кочо (китайское наименование: Гаочан) объясняется обусловленными его выгодным географическим положением особенностями экономического и культурного развития. Государство Кочо образовалось на пересечении великих торговых путей из Китая в Византию и из Индии в Западный Туркестан². По этим путям вместе с караванами купцов следовали в различных направлениях буддийские и манихейские монахи, несторианские и прочие проповедники, нередко оседавшие на земле Кочо и обретавшие здесь свою вторую родину. Этим во многом объясняется то, что в бассейне Тарима строились бытовые и культовые сооружения всевозможных стилей и форм, распространялись различные религиозные учения. С IX в. здесь развивалась самобытная уйгурская культура, имевшая, как отмечал С. Е. Малов, тесные связи с эллинистической культурой Паро-Бактрийского царства, с культурой Гандхары, Индии и восточного Ирана³.

Еще в конце прошлого столетия были предприняты попытки обследовать территорию Восточного Туркестана с целью выявления письменных документов, археологических и других памятников, к этому же времени относятся и первые находки. С тех пор эти материалы почти непрерывно

обогащались поступлениями как от отдельных лиц (Н. Ф. Петровский, В. И. Роборовский, А. А. Дьяков, Н. Н. Кротков, С. Е. Малов), так и от экспедиций (А. Грюнведеля, А. Лекока, Д. А. Клеменца, П. К. Козлова, А. Стейна, С. Ф. Ольденбурга).

В рецензируемой книге⁴ подводится итог поискам, которые вели на территории Восточного Туркестана несколько поколений филологов, историков и этнографов, и обобщаются факты, добытые самим автором в ходе многолетнего изучения текстов, рисунков, фресок и предметов материальной культуры. Автор монографии — филолог, что не могло не отразиться на характере подачи материалов, касающихся религии и искусства.

Книга А. Габен состоит из предисловия, 18 глав, заключения и библиографического списка. К тексту приложены указатели специальных терминов, имен, китайских иероглифических написаний, а также хронологический указатель. Дополнительный том включает 235 рисунков (первые два из них — карты Восточного Туркестана) и сведения об источниках.

Вводная глава (стр. 11—17) содержит подробный обзор географического положе-

⁴ См. более ранние публикации А. Габен, коррелирующие со содержанием с отдельными частями монографии: Das uigurische Königreich von Chotcho. 850—1250. — «Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst». Berlin, 1961, № 5, 81 стр., 42 илл.; Notes on the Dwellings of the Altaic Peoples. The Uiyur Kingdom of Khocho (850—1250). — «Aspects of Altaic Civilization», Uralic and Altaic Series, 23. Bloomington, 1963, стр. 45—46; Notes on Dress and Ornament. The Uiyur Kingdom of Khocho. — Там же, стр. 171—174; Historisches aus den Turfan-Handschriften. — «Acta Orientalia», XXXII. Copenhagen, 1970, стр. 115—124.

¹ См., например: Д. И. Тихонов. Хозяйство и общественный строй уйгурского государства. X—XIV вв. М.—Л., 1966, стр. 41.

² См.: Н. Пигулевская. Византия на путях в Индию. М.—Л., 1951, стр. 200—211.

³ С. Е. Малов. Памятники дрезнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 96.

ния государства Кочо, занимавшего восточную часть Турфано-Кашгарской впадины, окруженной с трех сторон мощными горными хребтами Памира, Тянь-Шаня и Куэнь-Луня. Западная часть этой впадины вошла в состав территории образовавшегося в X в. Караханидского государства.

Большое место в главе отводится описанию городов, населенных пунктов и торговых путей, в частности северной дороги из Китая (из Дунь-Хуана в провинции Ганьсу на северо-запад вдоль Тянь-Шаня, затем через долину реки Или в Талас) и южной (из Ганьсу, мимо развалин Хара-Хото, в обход реки Эдзин-Гол и далее к Лу-Лану).

Как предполагает А. Габен, в эпоху раннего средневековья в бассейне Тарима проживало около миллиона человек.

Ставка правителя Кочо находилась в одноименном городе, в 10 км на юг от города Турфана (др.-тюрк. *Кочо ~ Чохо*⁵, иначе: *Идикут-шахри*; у арабских и персидских авторов: *Джинанджет*? **Чинанджет*⁶). Руины его сохранились до настоящего времени. Летней резиденцией правителя был Бешбалык, расположенный несколько восточнее города Урумчи, нынешней столицы Синьцзянского уйгурского автономного района КНР.

Во второй главе (стр. 18—33) изложены события, имевшие важное значение для экономического и культурного развития Восточного Туркестана в период до завоевания Средней Азии монголами.

Со II в. до н. э. в течение нескольких столетий Восточный Туркестан в военном и административном отношениях был подчинен Китаю. Интересы торговли привели к установлению связей между Китаем и Византией, что способствовало материальному и духовному развитию государств, находившихся на торговых коммуникациях: интенсивной торговле сопутствовал оживленный культурный обмен. В эпоху первого тюркского каганата, с 552 г. н. э., область Тарима входила в его западную половину, с центром в районе озера Иссык-Куль. В это время тюрки, очевидно, еще вели полукочевой образ жизни и не селились в городах. В VII в. Восточный Туркестан оказался под властью китайских императоров династии Тан. В 670—692 гг. и затем в 789—866 гг. значительной частью области Тарима владели тибетцы, разгромившие в 791 г. у Бешбалыка китайцев и уйгуров и распро-

странившие свою власть на восток до Дунь-Хуана. С середины IX в. в области Тарима появились уйгуры, исповедовавшие с 762 г. манихейство. На новом месте они приняли буддизм и стали поддерживать культурные традиции, связанные с этой религией. В X—XII вв. в Кашгарии и Притяньшанье проникает ислам, что приводит к постепенному изменению культурного облика страны, носившего отпечаток буддизма. Буддийские реликвии, храмы, монастырские комплексы утрачивают свое прежнее значение, население пренебрегает ими, а иногда даже подвергает уничтожению. В начале XIII в. уйгурский правитель Барчук, стремясь освободиться от гнета найманов, объявил себя вассалом Чингиз-хана, который милостиво назвал его «пятым сыном». К этому времени относится установление тесных контактов между уйгурами и монголами, что сыграло заметную роль в развитии монгольской письменности и литературы.

Определенный интерес для широкого круга читателей представляют приводимые автором исторические сведения о народах, приходивших в Восточный Туркестан и полностью или частично осевших там.

Наиболее подробно, естественно, излагается история уйгуров. Потерпев поражение от кыргызов в 840 г., уйгуры устремились на юг и на запад. Часть их осела в районе Ганьчжоу. Попытки этих уйгуров сохранить самостоятельность в конечном итоге не имели успеха. Другая часть уйгуров ушла в оазисы Восточного Туркестана, где несколько раньше обосновались «тюркюты»⁷, перешла на оседлый образ жизни и создала сильное государство. В 866 г. восточнотуркестанские уйгуры изгнали тибетцев и добились полной независимости. Благодаря образованию самостоятельного уйгурского государства область Тарима была окончательно заселена тюрками.

Далее в книге А. Габен упомянуты кушаны, эфталиты (белые гунны), тохары, саки, согдийцы. Последние оказали большое влияние на культуру тюрков. Так, например, согдийское письмо легло в основу уйгурского. Принято также считать рунический алфавит древних тюрков модификацией некоей письменности, полученной тюрками у согдийцев. Попутно автор затрагивает проблему взаимоотношений уйгуров Кочо с китадцами, тибетцами, тангутами, киданями (ляо), чжурчженями, кара-китаями (западные ляо), монголами.

В третьей главе (стр. 34—39) дана оценка археологического материала из Кочо, в чет-

⁵ См.: T. D. K. Divanü lûgat-it-türk tercümesi, çeviren Besim Atalay. Ankara, 1941 (III), стр. 238; G. R. Rachmati. Türkische Turfan-Texte, VII. — «Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Klasse», Nr. 12. Berlin, 1937, фрагмент 42; F. W. K. Müller. Uigurica, I. — «Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Klasse», Abh. II. Berlin, 1908, стр. 14₁₀.

⁶ См.: Hudūd al-ālam. Trad. and expl. by V. Minorsky. London, 1937, стр. 94.

⁷ Термин, которым пользуется А. Габен. Арабские и персидские географы и историки называли восточнотуркестанских уйгуров *тогуз-гузами*. См.: Hudūd al-ālam, стр. 264 (комментарии). Здесь уместно заметить, что у Мас'уди тогуз-гузы выделены как единственное тюркское племя, исповедовавшее манихейство. — См.: C. d'Ohsson. Des peuples du Caucase. Paris, 1828, стр. 150.

вертой (стр. 40—52) — характеристика средств передвижения, верховых, вьючных и упряжных животных, сбруи, украшений, описание посадки в седле и т. д. Примечательно сведения о восточнотуркестанской одноосной арбе на высоких колесах, имеющей много общего с хорезмской арбой⁸ и известной тюркским народам с давних времен. Кстати, в китайских династийных хрониках встречается сообщение о том, что хойху, известные прежде как дили, употребляли телеги с высокими колесами и поэтому при династии Юань-вэй получили прозвище гао-люй⁹.

Пятая глава (стр. 53—66) озаглавлена «Устройство, управление; товарно-денежные отношения; продукция сельского хозяйства».

А. Габен отмечает наличие в Кочо наряду с «простым народом» (el¹⁰ bodun) привилегированного сословия, выделявшегося либо богатством, либо принадлежностью к потомственной знати или же к влиятельному племени, например к племени ягларгар. Во главе государства стоял правитель — *идикут* (idiqut < idiq qut), власть которого, по всей видимости, не переходила по наследству. Управление государством осуществлялось через беков (beg) и элчи (elçi). Самой большой социальной группой были крестьяне, правовое положение которых не уточняется. В Кочо существовало рабство¹¹.

В одном из разделов главы перечисляются и поясняются существовавшие формы

⁸ О хорезмской арбе см.: А. Қалмыков. Хива. — «Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии», год двенадцатый. Ташкент, 1908, стр. 52; М. В. Сазонова. К этнографии узбеков Южного Хорезма. — «Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1945—1948 гг.», М., 1952, стр. 260 и сл. См. также: В. В. Бартольд. О колесном и верховом движении в Средней Азии. — «Записки Института востоковедения АН СССР», VI. М.—Л., 1937, стр. 5—9.

⁹ См.: Н. Я. Бичурин (Накинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, I. М.—Л., 1950, стр. 214, 216.

¹⁰ Более точным кажется толкование этого слова, предложенное Л. Лигети, — «подданный». См.: L. Ligeti. A propos d'un document ouïgour de l'époque mongole. — «Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae», XXVII. I. Budapest, 1973, стр. 13.

В тексте рецензии нами сохранена транскрипция, использованная в рецензируемой книге.

¹¹ Подробнее об этом см.: Д. И. Тихонов. Хозяйство и общественный строй уйгурского государства X—XIV вв., стр. 175—181; М. Yamada. Uighur Documents of Slaves and Adopted Sons. — «Memoirs of the Faculty of Letters», Osaka University, XVI, March 1972, стр. 161—268.

собственности, виды податей и трудовых повинностей, а также наказания.

Использование денег, по мнению А. Габен, было ограниченным, находилось в начальной стадии развития. Иными словами, в государстве Кочо преобладал товарообмен. При исчислении налогов, погашении долгов и в торговых сделках общепринятым эквивалентом служили серебро, хлопчатобумажная ткань, кунжут, вино. В контрактах упоминаются следующие разновидности денег: yastuq (= перс. bāliš = кит. ting) *бука*. 'сниток', satır (= уагмақ) *бука*. 'кусок', 'сколок', baqır *бука*. 'медь', çao *бука*. 'бумага' (resp. 'бумажные деньги').

Специальный раздел работы содержит перечень и объяснение мер, единиц измерения и счетных слов. Меры емкости¹²: šiq (< кит.), küri, šing (< кит.), qab, tãmbin ~ tãmbin (< кит.), batır (< согд.), küp (< перс.), tingçan (< кит.), qangli; меры длины: qarī; единицы площади: šiq (< кит.), küri; меры веса: stir ~ satır (< согд. < греч.), baqır, batman (< согд.), tãng (< кит.). Счетные слова: baу 'рулон', 'тюк', 'кипа', luу (< кит.) 'рулон'.

Далее следуют списки названий домашних и диких животных, плодовых деревьев, сельскохозяйственных культур. Среди последних на первом месте: агра ~ арга 'ячмень', tarīу 'просо', buyday 'пшеница', burçaq 'горох', soуun 'лук', satun, usqun 'чеснок', күнçit 'кунжут', kãpãz 'хлопок', kãntir 'конопля'. В заключение приводятся названия пряностей, приправ, ароматических веществ и красок, например: күркүм 'шафран', qadiz 'корица', mirç ~ mirç (qara mirç) 'черный перец', artun 'тмин', tuz 'соль', уйраг 'мускус', çüvit 'краска индиго'.

В главе «Имя, ранг и титул» (стр. 67—74) автором приводится в основном хорошо известный материал, уже получивший достаточное освещение в литературе. Впервые произведена относительно полная систематизация собственных имен, состоящих из одного или нескольких компонентов: с обозначением титула, должности, тотемическим апеллятивом и т. д. (ср.: Caruу tarhan, Toyin inal, Tiräk tutuq sängün, Temür-buqa, Inal-qoç, Basa-toyril, Altun-qara, Küctemür). Комментарий А. Габен можно дополнить ссылкой на интересные суждения Л. Лигети, высказанные по поводу титула ауучи¹³.

Последующие главы посвящены описанию архитектурных сооружений и их деталей, строительного материала (VII, стр. 75—89), домашней утвари (VIII, стр. 90—99), цыновок, ковров, ковриков (IX, стр. 100—105), различных поз (X, стр. 106—114), одежды, обуви (XI, стр. 115—132), пояса-кушака

¹² Ср.: М. Yamada. Four Notes on Several Names for Weights and Measures in Uighur Documents. — «Studia Turcica». Budapest, 1971, стр. 491—493.

¹³ L. Ligeti. A propos d'un document ouïgour de l'époque mongole, стр. 9, 10.

(XII, стр. 133—140), оружия (XIII, стр. 141—149), музыки, танцев, пантомим (XIV, стр. 150—155), знаков, символов и т. д. (XV, стр. 156—166)¹⁴.

Особого внимания заслуживает глава о письменности (XVI, стр. 167—174). В Восточном Туркестане найдены памятники многих языков, написанные брахми, тибетским, эфталитским (позднее-кушанским) алфавитами, эстрангело, пехлеви, руническими знаками, манихейскими, согдийскими, уйгурскими буквами, монгольским квадратным письмом, китайскими иероглифами. Разные виды письма проникали в Притяньшань с юга, юго-запада и востока. Брахми употреблялся для санскрита, тохарского (в Хотане — для сакского) и, в меньшей степени, для древнеуйгурского языка. Тибетским письмом, очень близким к брахми, писались тибетские и иногда древнеуйгурские тексты. Пехлеви дошел до нас в нескольких фрагментах на одном из среднеиранских языков. Эстрангело типичен для сирийских текстов, но им написаны также среднеиранские и тюркские тексты несторианско-христианского содержания. Памятники же рунической письменности — только тюркские. Большую часть их, из тех, что были обнаружены в Турфане, Дунь-Хуане и Миране, А. Габен относит к манихейскому «арсалу». Можно заметить в связи с этим, что один рукописный фрагмент из Турфана оказался списком знаков рунического алфавита, объясняемых при помощи букв манихейского письма¹⁵. Исходя, в частности, из этого факта, В. В. Радлов высказал предположение, что миссионеры-манихейцы для распространения своей религии на севере пользовались руническим письмом¹⁶. Характерно, что фрагменты рунических текстов из Турфана, подобно манихейским, обильно «насыщены» заимствованиями из среднеиранских языков. Манихейский алфавит, развившийся из общесирийского письма эстрангело¹⁷, применялся

¹⁴ См. также: *N. Yamada*. The Private Seal and Mark on the Uiyur Documents. — «Aspects of Altaic Civilization», Uralic and Altaic Series, 23. Bloomington, 1963, стр. 253—259.

¹⁵ См.: *W. Radloff*. Alttürkische Studien, I. — «Известия Академии наук», VI серия, III. СПб., 1909, стр. 1214.

¹⁶ *W. Radloff*. Alttürkische Studien, IV. — «Известия Академии наук», VI серия, V. СПб., 1911, стр. 316.

¹⁷ Еще в начале нынешнего столетия было высказано мнение, что палеографические формы манихейского письма из Турфана, восходящего к древнему арамейскому курсиву («пальмирский курсив»), не находятся в близкой связи ни с эстрангело, ни с его разновидностями, то есть несторианским, яковитским и мелькитским алфавитами. См.: *П. К. Кокорцов*. К сиро-турской эпиграфике Семиречья. — «Известия Академии наук», VI серия, III. СПб., 1909, стр. 779. Ср.:

главным образом последователями манихейства — иранцами и тюрками, причем в тюркских текстах находят отражение особенности двух диалектов. Согдийский алфавит использовали согдийцы и тюрки-буддисты. Образовавшийся из него уйгурский алфавит получил широкое распространение у тюрков, независимо от их религиозной принадлежности, и использовался монголами и маньчжурами.

В заключительном разделе шестнадцатой главы книги приведены сведения о материале, на котором написаны различные документы и религиозные произведения, о способах их брошюровки и хранения, о письменных принадлежностях.

Основная тема семнадцатой главы, названной «Буддийская иконография» (стр. 175—199), — изображения будды, бодисатв (архатов), якша, дева, браманов, монахов и монахинь.

В восемнадцатой главе (стр. 201—210) говорится об орнаменте, живописи, оформлении рукописей, о нимбах вокруг головы будды и ореоле (mandoria).

Большую ценность рецензируемой книге придают репродукции памятников искусства, значительную часть которых составляют фрагменты живописи (фресковые росписи храмов) с изображениями будды, бодисатв, демонических существ, монахов, религиозных и бытовых сцен, культовых построек, а также скульптурные фигуры из камня, глины и дерева¹⁸. Напомним, что в соответствующих главах работы отмечаются специфические черты памятников искусства из Кочо: отсутствие чрезмерной строгости в передаче канонических сюжетов, наличие элементов реализма, тщательная отработка деталей.

В заключение хотелось бы сделать несколько замечаний.

На наш взгляд, автор недостаточно использовал специальную литературу (ср.: работы Б. П. Денике, Н. Ф. Петровского, В. В. Бартольда, С. М. Дудина и др.).

Безусловно, вклад уйгуров в культурное наследие Кочо велик, однако не следует преувеличивать значение того материала, которым пользуется А. Габен, учитывая, что он восходит к нескольким историческим эпохам и отражает взаимодействие многих культур.

M. Lidzbarski. Die Herkunft manichäischer Schrift. — «Sifungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Klasse», L. Berlin, 1915, стр. 1213—1222.

¹⁸ Многие из этих памятников, по изданию А. Лекока, были описаны в работе: *Б. П. Денике*. О памятниках культуры и искусства Турфана. — «Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», XXIX, 4. Казань, 1916, стр. 162—172.

Отметим также, что прототипом реконструируемого этнонима *türküt является, вероятнее всего, согдийская форма множественного числа от türk¹⁹ и поэтому едва ли целесообразно употреблять türküt в качестве этнонима.

Новая книга А. Габен, обобщающая результаты многолетних исследований восточнотуркестанских древностей, в опреде-

¹⁹ См., например: *J. Harmatta. Irapo-Turcica*. — «Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae», XXV, 1—3. Budapest, 1972, стр. 272, 273.

ленной степени систематизирует наши представления о различных сторонах жизни уйгурского государства Кочо. Вне всякого сомнения, она будет благожелательно встречена тюркологами как важная веха на пути изучения одной из наиболее интересных страниц истории и культуры тюркоязычных народов.

А. М. Щербак

Ж. МУКАМБАЕВ. КЫРГЫЗ ТИЛИНИН ДИАЛЕКТОЛОГИЯЛЫК СӨЗДҮГҮ

ФРУНЗЕ, 1972, I ТОМ, А—Ж, IV+712 стр.

Выход в свет первого тома «Диалектологического словаря киргизского языка» является важным событием не только для киргизского языкознания, но и для всей советской тюркологии в целом.

Автором собран огромный материал по диалектам киргизского языка, сохранившим древние черты и особенности языка, в которых нашли отражение специфика быта, обычаев, истории киргизского народа.

Словарь Ж. Мукамбаева представляет значительный интерес для тюркологов самых различных специальностей: языковедов, литературоведов, историков, этнографов; содержащийся в нем обширный материал может служить базой для проведения сравнительных исследований по алтайским языкам: тюркским, монгольским, тунгусо-маньчжурским, а также по языкам других систем, имевшим исторические контакты с алтайскими языками, в первую очередь с тюркскими.

Что касается практического значения рецензируемого словаря, то достаточно вспомнить, что в настоящее время нормы современного киргизского языка еще окончательно не установились, что они находятся в процессе постоянного развития, что литературный киргизский язык пополняется новыми словами как за счет внутреннего словообразования, так и включения диалектизмов и заимствований из других языков. Все это получило достаточно убедительное отражение, например, в известном словаре К. К. Юдахина, который, кстати, является редактором рецензируемого издания.

Как положительный факт следует отметить и то, что Ж. Мукамбаев в своей работе умело использовал опыт составления диалектологических словарей по другим тюркским языкам.

В словарь включены все типы диалектной лексики, выделяемые в современной диалектологии:

1. Фонетические диалектизмы, отличающиеся от соответствующих слов литературного языка лишь фонетически: āyul — лит. әyul 'скотный двор'; ādan — лит. pādan 'невежда' и т. д.

2. Морфологические диалектизмы, характеризующиеся, как правило, замещением словообразовательных аффиксов в соответствующих словах литературного языка: žatqāq — лит. žatalaq 'мышьяки' (болезнь у лошади) и т. д.

3. Лексические диалектизмы, образующие многочисленные лексические синонимы (например, āsāl/āsel — лит. bal 'мед') и представляющие собой наиболее многочисленную группу диалектной лексики. Во введении к словарю Ж. Мукамбаев дает их классификацию: этнографические диалектизмы, связанные с бытом, хозяйством населения данной местности; диалектизмы, восходящие к особенностям флоры и фауны данной местности и т. д. Широко представлена в словаре также относящаяся к данной группе профессиональная лексика, связанная с различными отраслями местного хозяйственного производства.

4. Семантические диалектизмы, например: bat 'название болезни у человека' — лит. bat 'быстро, скоро' и т. д.

Достоинства рецензируемого словаря несомненны, однако есть в нем также ряд моментов, требующих дальнейших уточнений.

При рассмотрении богатейшего фразеологического материала, собранного в словаре, возникает закономерный вопрос, все ли приводимые фразеологизмы относятся к диалектизмам. Большинство приведенных в словаре фразеологизмов широко употребляется в богатом устном творчестве киргизов. Пока, правда, не все они зафиксированы в киргизских словарях, но это еще не является достаточным основанием для того, чтобы считать их диалектизмами. Автор не проводит четкой грани между диалектами и разговорным языком. Поэтому все, что встречается в разговорной речи, автором включается в словарь. Таким образом, контуры диалектологического словаря несколько расплываются. Возможно, подобное явление в какой-то мере специфично для киргизского словаря. Можно, например, сослаться на словарь К. К. Юдахина, где также приводится немало диалектного материала, то есть и здесь не всегда при отборе слов проводится четкая грань между литературной нормой и диалектной лексикой.

В словаре следовало бы более четко различать диалектную и узко профессиональную лексику. Например, вряд ли оправдано включение в диалектологические словари специальных терминов химической технологии (употребляемых рабочими химического завода, находящегося на данной территории), садоводства и т. д. В рецензируемом же словаре профессиональная терминология занимает достаточно большое место. Например, при литературном слове *айта* даны многочисленные термины, связанные с выращиванием яблоны (стр. 74—77); аналогичная картина наблюдается и при подаче слов *агра* (стр. 121), *агса* (стр. 125); приводится специальный термин табаководства *дуңчапа* и т. д. Подобные слова, на наш взгляд, целесообразнее давать не в диалектологических, а в специальных терминологических словарях по отдельным отраслям производства.

Словарь перегружен не всегда оправданно громоздкими иллюстративными материалами. Например, к слову *алундугуш* дается иллюстрация — стихотворение в 25 строк (стр. 83—84). Без особой необходимости приведены многословные примеры также к словам *аргар* (стр. 119), *ат* (стр. 135—139), *баš* (стр. 272—281), *bädik* (стр. 288—289); большим фольклорным отрывком сопровождается слово *бица* (стр. 389—393) и т. д.

В словарь вошло много слов, употребляемых в литературном языке и в произведениях устного народного творчества; например, приписываемое южному диалекту *бет асаг* (стр. 326) (см. также приведенные выше *аргар*, *баš*, *ат* и многие другие). Вряд ли стоило включать в диалектологический

словарь и такие слова, как *зеңезап*, *зеңей*, *зеңеёс*, — звательные формы слова, характерные для киргизского языка в целом. Нам кажется, что автор должен был строже подходить к отбору слов и включать в словарь только те слова из литературного языка, которые в диалектах имеют семантические отклонения.

Нередко реестровое слово в составе аналитической формы или конструкции рассматривается автором в отрыве от другого компонента, без которого оно не употребляется. Например, слово *bat* объясняется как «опухание всего тела человека», но, как явствует из иллюстративного примера, в данном случае речь может идти об аналитическом глаголе *bat bol-* (стр. 267). Отдельное толкование получает также слово *bašmaldaq I* (стр. 283), хотя оно входит в состав аналитического глагола *bašmaldaq at-*. Автор неоправданно усложняет пользование словарем. В частности, неудачен принцип подачи многочисленных названий родов. Например, названия всех родов, входящих в более крупное подразделение, даются при слове *bätär II: aqča, aruq, asan* и т. д. (стр. 296), ср. также *zarqun* (стр. 626) и др. По нашему мнению, каждое из названий рода или племени следовало дать как реестровое, что значительно облегчило бы поиск нужного слова читателем.

Материалы словаря должны были быть более строго систематизированы. Нередки, например, случаи смешения самых различных понятий. Так, на стр. 135 в одном реестровом слове *at-* объединены различные грамматические явления. В одном случае *at-* выступает как вспомогательный, служебный элемент, например, *čecek at-* 'цвети' (здесь *at-* не имеет самостоятельного значения); в другом — как основной элемент: *atur ketip öl-* 'умереть от аппендицита' (в обоих случаях *at-* — компонент сложного глагола). В третьем случае *at-* является элементом в составе имени *atur qaštaj* — название игры в мяч.

По-видимому, в диалектологических словарях не следует прибегать к сравнению с данными других языков, тем более что эти сравнения носят случайный характер (см., например, стр. 100, где *arugaqaj* сравнивается с монгольским *aruqhaj*) и только излишне перегружают словарь; к тому же сравнение не входит в задачу диалектологического словаря.

Полезно было бы снабдить словарь (хотя бы реестровые слова) русскими переводами, что значительно расширило бы круг читателей.

Высказанные замечания и пожелания отнюдь не умаляют общей ценности рецензируемого труда и могут быть учтены при подготовке последующих томов, скорейшее издание которых представляется весьма желательным.

К. М. Мусаев

К. СЫЗДЫҚОВ. МҰХТАР ӘУЕЗОВ — ӘДЕБИЕТ СЫНШЫСЫ.

«ҒЫЛЫМ» БАСПАСЫ. АЛМАТЫ, 1973, 144 стр.

Мухтар Ауэзов широко известен как романист, драматург, автор повестей и рассказов. Художественные произведения выдающегося казахского писателя стали предметом литературоведческих исследований сразу же после их публикации. Им посвящены многие работы советских и зарубежных авторов.

Однако целый ряд литературоведческих работ М. Ауэзова, в частности его критические статьи, а также публицистика, сравнительно мало известны. Между тем М. Ауэзов — литературовед и критик — занимался такими проблемами, как исследование народного эпоса, сказок и других жанров фольклора, изучал творчество Абая, современную казахскую прозу, вопросы взаимосвязи литератур народов СССР, проблеме традиций и новаторства в современной советской литературе, а также целый ряд общих проблем истории и теории литературы.

Следует, однако, разграничить крупные, известные литературоведческие работы М. Ауэзова, написанные на русском языке или переведенные на русский, и статьи, написанные и опубликованные в начале творческого пути М. Ауэзова — в 1917—1927 гг. и впоследствии не перепечатывавшиеся и не переведенные на русский язык. Эти работы, естественно, известны лишь узкому кругу специалистов.

Именно ранние литературно-критические и публицистические статьи М. Ауэзова и легли прежде всего в основу рецензируемой книги — «Мухтар Ауэзов — литературный критик». Но это не помешало автору обратиться и к более поздним работам М. Ауэзова, созданным в 40—50-е годы в затрагивающим вопросы литературных связей, развития казахской драматургии и романа и т. д.

Название книги, на наш взгляд, несколько условно, ибо проблематика работ М. Ауэзова, анализируемых в монографии, намного шире. В статьях, написанных в течение 1917—1926 гг., автором ставятся вопросы социально-политической и культурной жизни народа: необходимость осуществления социальных преобразований в казахском обществе, расширение просвещения, улучшение положения женщины, развитие терминологии и т. д. Эти работы, строго говоря, нельзя рассматривать как собственно литературно-критические, это скорее публицистические работы как по содержанию, так и по форме, типичной для эпохи 20-х гг. В последних разделах книги К. Сыздыкова рассматриваются статьи М. Ауэзова о киноискусстве, актерском мастерстве.

Первая глава книги, наиболее обширная, почти полностью посвящена анализу публи-

цистических и литературоведческих статей М. Ауэзова, опубликованных в различных периодических изданиях в 1917—1920 гг. и отчасти 1929—1947 гг.

Эти статьи М. Ауэзова, напечатанные в журналах «Сары-арка», «Абай», «Айкап» и периодических изданиях тех лет, долгое время оставались вне поля зрения литературоведов и критиков и специально не исследовались. К их числу относятся такие важные по проблематике статьи, как «Основа жизни — женщина», «Какой образ жизни культурнее?», «Культура и нация», «Научные термины» и другие. Написанные молодым, едва достигшим двадцатилетнего возраста автором, эти работы затрагивают острые «вопросы социального и философского характера», вскрывают «противоречия в казахском обществе и их основные причины». К. Сыздыков указывает, что интерес молодого писателя к публицистике, к острым социальным проблемам был вызван стремлением отразить глубинные процессы, происходившие в общественной и культурной жизни народа. Этот этап творчества М. Ауэзова берет начало в годы, непосредственно предшествовавшие установлению в Казахстане Советской власти, охватывает первые нелегкие годы борьбы за победу социалистического строя. Вполне естественно, что в работах молодого писателя нашли отражение сложность идейно-политической борьбы того времени и поиски своего творческого пути.

Бесспорна заслуга автора рецензируемой книги в сборе и систематизации материалов, ныне уже малоизвестных или почти забытых. Им с подлинной научной объективностью подробно рассмотрены и проанализированы сложные, порою противоречивые по содержанию печатные выступления и статьи молодого М. Ауэзова.

Обстоятельно говорится в этой главе также о некоторых чисто литературоведческих статьях М. Ауэзова, например, «Современный этап казахской литературы» и др.

Заслуживают внимания приводимые автором документальные, архивные материалы, проливающие свет на некоторые малоизвестные моменты творческой биографии молодого М. Ауэзова.

Во второй главе книги К. Сыздыков анализирует статьи и выступления М. Ауэзова, относящиеся к более позднему периоду и посвященные в основном проблемам литературных связей, перевода, драматургии, театра, жанра романа.

В этой же главе автором приводятся отдельные не известные широкому читателю материалы, например, тексты выступлений М. Ауэзова, извлеченные из архива киностудии «Казахфильм», и др.

Автор книги останавливается на таких работах М. Ауэзова, как «Традиции русского реализма и казахская дореволюционная литература», а также на его статьях о переводе произведений русской классики на казахский язык, о драматургии и театре, публиковавшихся лишь на казахском языке. Большое внимание уделено в монографии разработке М. Ауэзовым вопросов развития жанра романа в современной казахской литературе, трактовке им «проблемы художественного обобщения действительности, идейно-тематического единства, положительного героя, особенностей литературного языка» и т. д.

Автор раскрывает отношение М. Ауэзова к такой проблеме, как образ главного героя романа, и к такому «узко-филологическому вопросу», как поэтический синтаксис.

Работа К. Сыздыкова не лишена отдельных недостатков. Так, в кратком вступлении к работе говорится об общих задачах литературной критики и специфике работы критика, а о литературно-критической деятельности самого М. Ауэзова сказано скороговоркой.

Книга К. Сыздыкова в целом является содержательным, интересным исследованием. Обилие фактического материала, четкость и ясность изложения, глубина анализа основных материалов определили удачу автора, взявшегося за сложную и во многом неизученную тему, разработка которой была сопряжена с большими трудностями.

З. А. Ахметов

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

К 250-ЛЕТИЮ АКАДЕМИИ НАУК СССР

6 мая 1974 г. в Институте языкознания им. Насими Академии наук Азербайджанской ССР состоялась научная сессия, посвященная 250-летию Академии наук СССР.

Сессию вступительным словом открыл заместитель директора института проф. *М. Ш. Рагимов*.

М. Ш. Рагимов коротко остановился на истории организации Академии наук, ее роли в развитии отечественной науки. Организация филиалов Академии наук СССР в союзных республиках и последующее преобразование их в самостоятельные академии наук, подчеркнул *М. Ш. Рагимов*, было осуществлено при огромной помощи русских ученых и Президиума Академии наук СССР.

Доклад академика *М. Ш. Ширалиева* «Роль азербайджанского языкознания в развитии советской тюркологии» был посвящен месту, занимаемому азербайджанским языкознанием в общем развитии советской тюркологии.

Начало становления азербайджанского языкознания, подчеркнул докладчик, восходит к первой половине XIX века, когда вышла в свет фундаментальная «Общая грамматика турецко-татарского языка» (1839) *М. Казем-Бека*. В дальнейшем были изданы ценные труды *Л. Будагова*, *М. Везирова*, *Н. Нариманова* и других ученых, внесшие огромный вклад в изучение азербайджанского языка. Однако азербайджанское языкознание как самостоятельная область науки начало развиваться только лишь в годы Советской власти. В результате уже в 20-е годы Баку стал одним из признанных центров советской тюркологии. В 1926 году здесь был созван I Всесоюзный тюркологический съезд, сыгравший исключительную роль в дальнейшем развитии тюркологии в нашей стране.

В дальнейшем в Баку часто созывались тюркологические конференции и совещания, посвященные грамматическим, диалектологическим и лексикографическим проблемам тюркских языков. Определенных успехов

добились азербайджанские языковеды, разработавшие целый ряд вопросов, имеющих общетюркологическое значение, в том числе: принципы классификации частей речи, проблемы сложного слова, различий между категорией падежа и послелогами, взаимосвязи между категориями времени, наклонения и лица глагола, сущности сложной формы глагола, образованной посредством вспомогательных глаголов *idi*, *imiş*, категории вида глагола, особенностей причастия, отличающих его от прилагательного, и деепричастия — от наречия, различий между придаточным предложением и словосочетанием, однокомпонентных и двухкомпонентных простых предложений, безличных предложений в тюркских языках (на материале азербайджанского языка) и др.

Определенные успехи были достигнуты и в области лексикографии. Еще в 1928—1929 годах в Азербайджане был издан первый «Русско-азербайджанский словарь» под редакцией *Рухуллы Ахундова*. После организации в 1939 г. Института лексикографии Азербайджанского филиала Академии наук СССР сотрудниками этого института было издано несколько двуязычных словарей.

Издание четырехтомного «Русско-азербайджанского словаря» (1940—1946, 90 тыс. слов, под ред. *Г. Н. Гусейнова*; удостоен Государственной премии СССР) явилось значительным достижением советской лексикографии. Этот словарь послужил образцом для создания других русско-тюркских двуязычных словарей. В 1956—1959 годах вышел в свет двухтомный «Русско-азербайджанский словарь». В настоящее время находится в печати трехтомный «Русско-азербайджанский словарь».

Большим успехом азербайджанской лексикографии является подготовка четырехтомного толкового словаря азербайджанского языка. I том которого издан, а II, III, IV тт. находятся в печати.

Значительны достижения азербайджанской диалектологии, опыт которой широко

используется диалектологами других тюркоязычных республик и областей.

Именно на азербайджанских диалектологов возложена координация работ по созданию диалектологического атласа тюркских народов СССР.

В области истории языка подготавливается «История азербайджанского литературного языка» (в двух томах). Докладчик особо отметил роль русских ученых в разработке отдельных областей тюркского языкознания и подготовке высококвалифицированных кадров специалистов-тюркологов.

Успехам отечественной тюркологии мы обязаны тем, что в 1970 году в Баку был создан всесоюзный научно-теоретический журнал Академии наук СССР и Академии наук Азербайджанской ССР «Советская тюркология», почетная и ответственная задача издания которого была поручена азербайджанским ученым.

В. И. Асламов, выступивший с докладом «Мирза Казем-Бек и русское востоковедение», подробно остановился на жизни и деятельности одного из крупнейших востоковедов России XIX в., имя которого приобрело широкую известность и пользовалось признанием всего ученого мира. Глубокое знание Востока, энциклопедический ум, широкая научная эрудиция — снискали М. Казем-Беку славу патриарха русского востоковедения и одного из его основателей.

М. Казем-Бек вошел в тюркологию как основоположник сравнительно-сопоставительного метода изучения тюркских языков. Его «Грамматика турецко-татарского языка» написана с привлечением фактов многих тюркских языков.

В 1854 г. вышли из печати «Учебные пособия для временного курса турецкого языка», составленные М. Казем-Беком, а в 1857 г. им был издан текст «Дербенд-наме» с переводом на английский язык.

А. К. Алекперов в своем докладе «Роль русских ученых в развитии азербайджанского языкознания» отметил, что в отечественной тюркологии интерес к азербайджанскому и турецкому языкам в середине прошлого столетия заметно усилился.

Достойное место в истории тюркологии занимает двухтомный «Сравнительный словарь турецко-татарских наречий со включением употребительнейших слов арабских и персидских и с переводом на русский язык» (1869—1871), составленный Л. З. Будаговым.

В деле изучения старописьменных памятников огузских языков, в том числе азербайджанского языка, исключительно велики заслуги П. М. Мелиоранского и В. В. Бартольда. К классике тюркологических исследований следует отнести работу П. М. Мелиоранского «Араб-филолог о турецком языке», посвященную словарю Ибн-Муханны, и осуществленный В. В. Бартольдом перевод древнейшего тюркского эпоса «Книга моего деда Коркута».

Успехи тюркологии в Азербайджане после установления Советской власти неразрывно связаны с деятельностью русских ученых. С именами наиболее крупных из них связаны целые этапы или вехи в истории развития азербайджанского языкознания. Так, член-корреспондент Академии наук СССР Н. И. Ашмарин, изучавший в 1924—1925 гг. нухинский диалект, своим «Общим обзором народных тюркских говоров гор. Нухи» (Баку, 1926) заложил основы азербайджанской диалектологии. В конце 20-х гг. в Азгосуниверситете проф. Р. О. Шор читался спецкурс и проводились первые экспериментально-фонетические исследования в области азербайджанского консонантизма.

В создании основ научной грамматики азербайджанского языка, в разработке принципов сопоставительного изучения русского и азербайджанского языков, в подготовке кадров ученых для Азербайджана огромную роль сыграл Н. К. Дмитриев. Им была написана научная грамматика азербайджанского языка, к сожалению, безвозвратно утраченная во время ленинградской блокады. Н. К. Дмитриев был профессором Азгосуниверситета и одним из авторов академической грамматики азербайджанского языка. Традиции Н. К. Дмитриева в азербайджанском языкознании были продолжены и развиты его последователями. В числе видных современных ученых, работающих в головных учреждениях Академии наук СССР и принимающих в той или иной степени активное участие в научном процессе в области азербайджанского языкознания, докладчик назвал Э. В. Севортяна, А. Н. Кононова, Н. А. Баскакова, А. М. Щербака и некоторых других.

Докладчик отметил также исключительные заслуги акад. В. М. Жирмунского в области исследования огузского эпоса и метрики народного стиха.

Г. К. Кулиев

* * *

10 мая с. г. состоялось расширенное заседание Ученого совета Института литературы им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР, посвященное 250-летию Академии наук СССР.

Заседание открыл заместитель директора института проф. *К. Талыбаде*, отметивший в своем вступительном слове огромную роль Академии наук СССР в деле успешного исследования проблем классической и современной азербайджанской литературы. Он назвал имена таких выдающихся деятелей русской филологической науки, как В. Радлов, К. Залеман, А. Самойлович, В. Бартольд, Е. Бертельс, Н. Конрад и другие, указав, что научное сотрудничество азербайджанских филологов с учеными головных институтов Академии наук СССР всегда было исключительно плодотворным.

С докладом «Роль Академии наук СССР в изучении истории азербайджанской литературы» выступил *А. Мирахмедов*, подчеркнувший, что ученые Азербайджана всегда помнят о выдающейся роли Академии наук СССР в развитии науки в Азербайджане. Докладчик остановился на исторических предпосылках развития русско-азербайджанских научных связей, на роли в укреплении этих связей выдающихся государственных и культурных деятелей Азербайджана. В Азербайджане сторонниками русской ориентации были известный поэт и общественный деятель *М. П. Вагиф*, *Фатали-хан Кубинский* и другие. Укреплявшееся из года в год общение общественных деятелей Азербайджана с передовой Россией

уже с середины прошлого столетия начало благотворно сказываться на развитии национальной духовной культуры азербайджанского народа. Труды русских ученых-филологов, специально (или косвенно) посвященные проблемам азербайджанской литературы и ее отдельным крупным представителям, явились неоценным вкладом в азербайджанское литературоведение. Фундаментальные научные исследования, осуществляемые Академией наук СССР и посвященные насущным вопросам современного литературного процесса, служат в известной мере образцом для создания аналогичных работ на национальной почве, способствуя прежде всего успешному разрешению теоретических проблем социалистического реализма, литературных взаимосвязей и т. д. Усвоение лучших традиций академического литературоведения позволило ученым республики создать такие капитальные труды, как «Краткая история азербайджанской литературы» (в двух томах, 1943—1944), «История азербайджанской литературы» (в трех томах, 1956—1960), «Очерки истории азербайджанской советской литературы» (Москва, 1963), «История азербайджанской советской литературы» (в двух томах, 1967).

Доклад *А. Мирахмедова*, хотя и в краткой обзорной форме, убедительно раскрыл ту роль, которую сыграли Академия наук СССР и русские ученые в развитии литературоведения в Азербайджане.

И. Я. Гамидов

* * *

23 мая открылась юбилейная научная сессия Казанского филиала Академии наук СССР, посвященная 250-летию Академии наук СССР. На торжественном заседании в здании Театра оперы и балета имени *М. Джалиля* с обзорным докладом выступил академик *Б. А. Арбузов*. Среди гостей, приглашенных Президиумом Казанского филиала Академии наук СССР, находился видный ученый-тюрколог, член-корреспондент АН СССР *А. Н. Кононов*, выступивший с интересным и содержательным докладом «Тюркское языкознание в Академии наук СССР».

4 июля состоялось заседание Отделения общественных наук, в котором наряду с сотрудниками Института языка, литературы и истории им. *Г. Ибрагимова* Казанского филиала Академии наук СССР приняли участие работники вузов Казани, писатели, журналисты и представители широкой общественности. Директор института проф. *М. К. Мухарямов* рассказал в своем докладе об успехах филологов, особо отметив

диалектологические, лексикографические и источниковедческие работы.

На исторические темы было прочитано шесть докладов. Большое внимание привлекли доклады *М. А. Сайдашевой* «К изучению в республике проблемы „Ленин и Татария“» и *Х. Х. Хасанова* «Некоторые особенности формирования татарской нации». Доц. *Я. Г. Абдуллин* в докладе «Татарское просветительство и его значение в развитии общественной мысли и культуры» показал, что татарские просветители XVIII—XIX вв. сумели распознать и взять на вооружение из русской культуры все наиболее важное и передовое, что могло послужить прогрессу их собственного народа.

Оживленную дискуссию вызвал доклад проф. *М. З. Закиева* «Основные этапы развития тюркских литературных языков». Своей тематикой и содержанием привлекли внимание доклады *И. А. Абдуллина* «Текстология как отрасль татарского языкознания» и *М. Н. Нигмедзянова* «О состоянии и задачах исследования татарского музыкаль-

ного фольклора». В совместном докладе *А. Г. Ахмадулина* и *И. И. Иляловой* «Тенденции развития современной татарской драматургии и театра» говорилось о развитии театральной культуры и о «новом прочтении» классического драматургического наследия. Были прослушаны также доклады *Х. Р. Курбатова* «Система и структура в лингвистической стилистике и поэтике», *И. Н. Надирова* «Традиционные об-

разы татарской народной лирики» и *Р. Г. Мухамедовой* «Этнографическое изучение татарского народа».

Юбилейная сессия показала научные успехи, достигнутые татарскими учеными-филологами за последние годы, и одновременно выявила ряд актуальных задач, которые им предстоит разрешить в первую очередь.

Р. Г. Ахметьянов

PERSONALIA

МАМЕД АРИФ ДАДАШЗАДЕ

(К 70-летию со дня рождения)

Исполнилось 70 лет со дня рождения крупного азербайджанского ученого — литературоведа и критика, видного общественного деятеля, вице-президента Академии наук Азербайджанской ССР, заслуженного деятеля науки Азербайджанской ССР, члена редколлегии журнала «Советская тюркология», доктора филологических наук, профессора Мамед Арифа Магеррам оглы Дадашзаде.

М. А. Дадашзаде является одним из организаторов и руководителей развития филологической науки в республике, одним из основоположников литературной критики в Советском Азербайджане, последовательно выступающим за процветание литературы социалистического реализма.

М. А. Дадашзаде родился 10 июня 1904 года в г. Баку в семье рабочего. В 1925 г. он поступил на восточный факультет Азербайджанского государственного университета, по окончании которого в 1930 году был принят в аспирантуру Московского научно-исследовательского института народов Советского Востока.

Трудовая деятельность М. А. Дадашзаде началась рано. С 16-ти лет он занимается

преподавательской работой, позднее сотрудничает в газетах и журналах, выступая с фельетонами, рассказами, стихами и статьями.

С 1932 года М. А. Дадашзаде — старший преподаватель, а в дальнейшем доцент кафедры русской литературы Азербайджанского педагогического института им. В. И. Ленина. Позднее он руководит кафедрой русской литературы Азербайджанского государственного университета им. С. М. Кирова. С 1938 г. М. А. Дадашзаде работает в должности старшего научного сотрудника Института литературы и языка Азербайджанского филиала Академии наук СССР, а в 1939 г. назначается директором этого научного учреждения.

В 1944 году М. А. Дадашзаде успешно защищает кандидатскую диссертацию на тему «Пути развития азербайджанской советской литературы».

Докторская диссертация М. А. Дадашзаде «Творческий путь Джафара Джабарлы» (1954) явилась одним из лучших исследований, посвященных творчеству этого выдающегося драматурга.

Как крупный ученый, внесший большой вклад в азербайджанское литературоведение, М. А. Дадашзаде в 1955 г. избирается членом-корреспондентом, а в 1958 г. — академиком Академии наук Азербайджанской ССР.

С 1959 года Мамед Ариф Дадашзаде — академик-секретарь Отделения общественных наук, а с 1960 года — вице-президент Академии наук Азербайджанской ССР.

Центральное место в научно-исследовательской деятельности М. А. Дадашзаде занимают проблемы развития азербайджанской советской литературы. Глубоко владея марксистско-ленинским методом литературоведческого анализа, М. А. Дадашзаде много внимания уделяет литературной критике. В своих статьях по вопросам поэзии, прозы и драматургии М. А. Дадашзаде последовательно отстаивает ленинские принципы партийности и народности литературы, выступает за простоту и ясность языка и стиля, за высокую художественность. Он автор ряда исследований о творчестве большинства наиболее видных азербайджанских советских прозаиков и поэтов.

В научно-исследовательской деятельности М. А. Дадашзаде важное место зани-

мает также изучение произведений классиков азербайджанского народа — Низами, Насими, Физули, Вагифа, М. Ф. Ахундова, Сабира, Дж. Мамедкулизаде, А. Ахвердова и др.

Перу М. А. Дадашзаде принадлежит более трехсот научных и критических работ, отличающихся высоким научным уровнем и глубоким проникновением в историко-литературные явления.

М. А. Дадашзаде написаны монографические исследования: «Творческий путь Джафара Джабарлы» (1956), «Литература азербайджанского народа» (1958), «Драматургия Самеда Вургуня» (1964). В 1967—1970 гг. было осуществлено издание «Избранных сочинений» М. А. Дадашзаде в трех томах, в 1972—1973 гг. — «Избранного» в двух томах (на русском языке). Книга М. А. Дадашзаде «Литература азербайджанского народа» издана на азербайджанском, русском, армянском, английском и персидском языках. Целый ряд его статей опубликован в зарубежных изданиях.

В 1974 г. за научное исследование «История азербайджанской литературы» (Краткий очерк, 1971) М. А. Дадашзаде была присуждена Государственная премия Азербайджанской ССР.

В круг научных интересов М. А. Дадашзаде входят также проблемы взаимосвязей и взаимовлияния азербайджанской литературы и литератур братских народов СССР и прежде всего — русской литературы.

Перу М. А. Дадашзаде принадлежат написанные с глубоким проникновением в материал научно-популярные работы о Ломоносове, Крылове, Пушкине, Лермонтове, Белинском, Некрасове, Л. Толстом, Чехове, Горьком, Маяковском, Навои, Шевченко, Руставели, Ширванзаде и других, знакомящие азербайджанского читателя с творчеством этих классиков.

Под руководством и при непосредственном участии М. А. Дадашзаде были созданы капитальные обобщающие труды по истории азербайджанской литературы: «История азербайджанской литературы» в двух томах (1943—1944 гг.), «История азербайджанской литературы» в трех томах (1957—1960 гг.), «История азербайджанской советской литературы» в двух томах (1967), «Очерк истории азербайджанской советской литературы» (М., 1963 г., совместное издание Института мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР и Института литературы и языка им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР).

М. А. Дадашзаде — один из лучших переводчиков произведений русской и мировой литературы на азербайджанский язык. Им переведены «Дон-Кихот» Сервантеса (1933), I и IV тома «Войны и мира» Л. Толстого (1948—1953), «Как закалялась сталь» Н. Островского (1936), рассказы Чехова,

Горького, «Педагогическая поэма» А. Макаренко (1952) и др.

В последние сорок лет, можно сказать, ни одно важное мероприятие в области литературы и литературоведения в республике не проходит без непосредственного и руководящего участия М. А. Дадашзаде.

Большие заслуги принадлежат М. А. Дадашзаде и в области подготовки высококвалифицированных кадров филологов в республике. Под его научным руководством выросла целая плеяда ученых-литературоведов и литературных критиков — докторов и кандидатов наук.

Многие годы жизни отдал М. А. Дадашзаде преподавательской работе. Им было возглавлено написание учебников для студентов вузов Азербайджана, в том числе «Древней русской литературы» и «Истории русской литературы XVIII века». С 1932 г. переиздаются его учебники и хрестоматии по советской литературе для средних школ.

Своей неутомимой и плодотворной научной и научно-организационной деятельностью М. А. Дадашзаде заслужил высокий авторитет не только в республике, но и за ее пределами.

М. А. Дадашзаде является руководителем координационного Совета по культурным связям народов Закавказья, членом Научного совета Академии наук СССР по комплексной проблеме «Закономерности развития мировой литературы в современную эпоху», членом редакционных коллегий «Краткой литературной энциклопедии» и многотомного издания «История советской многонациональной литературы».

М. А. Дадашзаде избирался членом Президиума Союза писателей Азербайджана, был ответственным редактором литературно-художественного журнала «Вэтэн урунда» («За родину», 1941—1946; ныне «Азербайджан»), заместителем министра просвещения республики, одним из заместителей председателя общества «СССР — Иран». Дважды избирался он депутатом Бакинского совета, был депутатом и председателем Верховного Совета Азербайджанской ССР (VI созыва).

Партия и правительство высоко оценили разностороннюю творческую и общественную деятельность М. А. Дадашзаде, наградив его орденами Ленина и Октябрьской Революции, двумя орденами Трудового Красного Знамени и медалями СССР.

В связи с 70-летием со дня рождения ученого все многочисленные друзья, коллеги и ученики Мамед Ариф Дадашзаде от всего сердца желают ему доброго здоровья, многих лет творческого труда и новых успехов в деле развития азербайджанской советской литературоведческой науки.

М. Ю. Гулизаде

Х Р О Н И К А

«РАЗВИТИЕ КАРАКАЛПАКСКОЙ ЛЕКСИКИ В СВЯЗИ С РАЗВИТИЕМ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА»

28 ноября 1973 года на заседании Ученого совета филологического факультета Азербайджанского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. С. М. Кирова состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук старшим научным сотрудником Каракалпакского филиала Узбекского научно-исследовательского института педагогических наук **Бердимуратовым Есемуратом** на тему «Развитие каракалпакской лексики в связи с развитием функциональных стилей литературного языка».

В своей диссертации Е. Бердимуратов прослеживает пути становления и развития различных функциональных стилей каракалпакского национального литературного языка и на этой основе определяет закономерности дифференциации и развития соответствующих специфических слоев лексики, выявляя при этом стилистические особенности ее употребления. Диссертант указывает также, в какой степени данный процесс способствовал дальнейшему обогащению словарного состава и расширению его семантико-стилистических возможностей.

Е. Бердимуратов приходит к выводу, что развитие функциональных стилей каракалпакского языка тесно связано с расширением его общественных функций в советский

период. Автор показывает, что изменения в социально-экономической и культурной жизни каракалпакского народа нашли свое отражение и в языке.

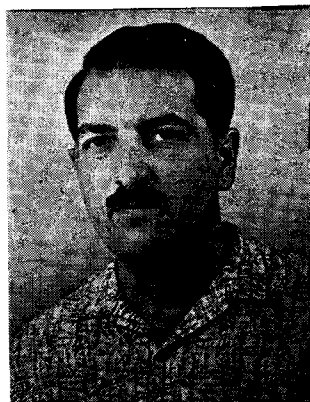
Материалами для диссертации послужили древнетюркские и дореволюционные каракалпакские письменные памятники, архивные документы, словари, документы делопроизводства, материалы периодической печати, произведения каракалпакской художественной и научно-технической литературы и т. д. Диссертант использовал также метод сопоставления отдельных лексико-стилистических явлений в различных тюркских языках.

Выступившие на защите в качестве официальных оппонентов д-р филол. наук, проф. Б. Ч. Чарьяров, д-р филол. наук, проф. М. Ш. Рагимов, д-р филол. наук, проф. Т. И. Гаджиев дали высокую оценку исследованию Е. Бердимуратова, отметив, что диссертантом собран и изучен богатый материал, что позволило ему успешно разработать важнейшие вопросы каракалпакской лексики.

Члены Ученого совета проголосовали за присуждение Е. Бердимуратову ученой степени доктора филологических наук.

Е. Кунназаров

«ПРОБЛЕМАТИКА ПЕРЕВОДА
КАК ПРЕДМЕТА
ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ»

9 января 1974 года на заседании Совета филологического факультета Азербайджанского государственного университета им. С. М. Кирова состоялась защита диссертации на тему «Проблематика перевода как предмета переводоведения», представленной доцентом кафедры общего языкознания университета **Таирбековым Байрамом Гарун оглы** на соискание ученой степени доктора филологических наук.

Опираясь на опыт своей многолетней практической работы в области переводов с азербайджанского языка на русский и с русского на азербайджанский, теоретически осмыслив и обобщив переводоведческую проблематику во всех ее звеньях, связях и опосредствованиях, Б. Г. Таирбеков сделал попытку обосновать с марксистско-ленинских позиций необходимость подхода к переводу как к самостоятельной форме человеческой деятельности, не укладывающейся ни в одну из классических или пограничных дисциплин в рамках филологических и прочих наук. В диссертации содержится краткий, однако насыщенный ценной информацией обзор состояния переводоведения как в нашей стране, так и за рубежом. Подводя итог обзору, диссертант заключает, что переводоведение должно рассматриваться как самостоятельная наука, со своим специфическим объектом, предметом, терминологией и элементарной единицей трансляциологии, или переводологии.

Далее в диссертации на базе логики науки и категорий материалистической диалектики рассматриваются вопросы методологии, онтологии и типологии перевода. Осветив семиотические и некоторые другие аспекты проблематики перевода, Б. Г. Таирбеков подходит вплотную к характеристике самого процесса транспонирования языковых знаков-значений на материале главным образом русско-азербайджанской и азербайджанско-русской лингвистической бинарности.

Официальные оппоненты — академики Академии наук Азербайджанской ССР М. А. Дадашзаде и М. Ш. Ширалиев, член-корреспондент Академии наук Азербайджанской ССР Ф. К. Кочарли, а также выступившие на заседании Совета доктора наук, профессора Дж. Т. Ахмедли, А. Р. Махмудов, А. К. Рзаев, А. З. Бабаев, А. С. Байрамов, М. Т. Тагнев отметили важное теоретическое значение диссертационной работы Б. Г. Таирбекова не только для филологических, но и философских, юридических, психологических, биологических и других наук.

Совет филологического факультета АГУ им. С. М. Кирова единодушно проголосовал за присуждение Б. Г. Таирбекову ученой степени доктора филологических наук.

А. К. Алекперов

«ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА»

15 января 1974 г. на заседании Филологической секции Ученого совета Отделения общественных наук Академии наук Азербайджанской ССР состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук заведующим отделом сравнительного изучения тюркских языков Института языкознания им. Насими Академии наук Азербайджанской ССР **Аслановым Вагифом Имамали оглы** на тему «Историческая лексикология азербайджанского языка».

Диссертация В. И. Асланова является первой капитальной, обобщающей работой, посвященной историческому исследованию лексики азербайджанского языка. В диссертации на материале письменных памятников азербайджанского языка рассматривается фонеморфологическое и лексико-семантическое развитие исконно тюркских слов.

В своем исследовании автор тщательно анализирует соотносительную связь фонетической и семантической сторон слова в его историческом развитии, отмечает звукоответствия и звукопереходы в различных позициях в слове. При установлении архетипов тех или иных тюркских морфем в работе делается попытка следовать от азербайджанского языка к пратюркскому, привлекая в случае необходимости данные азербайджанских диалектов, а также других тюркских языков. Разработанные В. И. Аслановым приемы реконструкции корневых морфем применимы ко всей исконной лексике

азербайджанского языка. Особо анализируются случаи семантического переразложения лексикализованных форм слов.

Коснувшись исторического своеобразия «избирательности» словообразующих аффиксов, автор рассмотрел все производные слова, не употребительные в современном азербайджанском языке, но встречающиеся в его письменных памятниках.

Важное место в диссертации уделено также случаям специализации и генерализации значений слов, проблемам синонимии, омонимии и антонимии лексических единиц.

Официальные оппоненты — член-корр. Академии наук Азербайджанской ССР А. Г. Оруджев, д-р филол. наук, проф. А. З. Абдуллаев и д-р филол. наук Дж. В. Каграманов, а также выступившие на защите научный консультант соискателя д-р филол. наук, проф. М. Ш. Рагимов, академик Академии наук Азербайджанской ССР М. Ш. Ширалиев, д-р филол. наук, проф. З. И. Будагова и канд. филол. наук А. К. Алекперов высоко оценили исследование В. И. Асланова, отметив, что оно посвящено проблеме, важной не только для азербайджанского языкознания, но и для тюркологии в целом.

Члены Ученого совета проголосовали за присуждение В. И. Асланову ученой степени доктора филологических наук.

Г. К. Кулиев

«ПРОБЛЕМЫ КАЗАХСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ»

11 февраля 1974 г. на заседании Объединенного совета по филологическим наукам Академии наук Казахской ССР состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук заведующим отделом диалектологии Института языкознания Академии наук Казахской ССР **Сарыбаевым Шора Шамгалиевичем** на тему «Проблемы казахской региональной лексикографии».

В диссертации, являющейся первым монографическим исследованием в области тюркской региональной лексикографии, нашел освещение целый ряд спорных вопросов диалектной лексикографии, теории и практики составления диалектологических словарей.

Диссертант исследует характер и типы лексических различий диалектных слов и их отношение к другим лексическим категориям, взаимосвязь литературной и региональной лексикографии. Подробно рассматриваются им различные виды диалектологических словарей, предлагается новый тип — литературно-диалектный словарь, реестровая часть которого должна содержать литературные слова, а в словарной статье — приводиться все их диалектные фонетические и лексические варианты.

В диссертации формулируются принципы построения диалектологического словаря казахского языка. В этой связи решаются проблемы отбора и подачи диалектной лексики в словарях, выявляются основные типы диалектной полисемии, дается классификация диалектной омонимии, определяется характер омоантонимов, устанавливаются отношения профессиональной, книжной, окказиональной, просторечной лексики к диалектным явлениям. Диссертантом разработаны принципы лексикографического оформления диалектно-литературных вариантов, диалектных омонимов и омоантонимов, диалектно-профессиональной лексики, диалектной полисемии и т. д.

Диссертационная работа Ш. Ш. Сарыбаева получила высокую оценку официальных оппонентов — члена-корр. Академии наук Казахской ССР М. Б. Балакаева, д-ра филол. наук, проф. Д. Г. Тумашевой и д-ра филол. наук Б. Ч. Чарыярова, отметивших ее важное теоретическое и практическое значение.

Ученый совет единогласно вынес решение ходатайствовать перед ВАК о присуждении Ш. Ш. Сарыбаеву ученой степени доктора филологических наук.

А. Т. Кайдаров

СОДЕРЖАНИЕ

К 250-ЛЕТИЮ АКАДЕМИИ НАУК СССР

- А. Н. Кононов* (Ленинград). Тюркское языкознание в Академии наук СССР 3

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- Г. Г. Джафаров* (Баку). Термины родства в семантической системе и грамматической структуре языка 19
М. И. Трофимов (Кызыл). К вопросу о хиатусе, твердом приступе и дифтонгах в современном уйгурском языке 32
М. А. Ахметов (Уфа). Деепричастия в языке орхоно-енисейских памятников и их отношение к современному башкирскому языку 39

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- В. К. Кельмаков* (Ижевск). Удмуртско-татарские языковые контакты и некоторые фонетические особенности периферийно-южного наречия удмуртского языка 52
А. Жаппуев (Нальчик). Роль соседних языков в развитии земледельческих терминов карачаево-балкарского языка 61

ТОПОНИМИКА

- А. Гусейнзаде* (Баку). О происхождении топонима «Апшерон» 66
Г. Ф. Сатгаров (Казань). К этимологии топонима «Набережные Челны» 71

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- Н. З. Гаджиева, Б. А. Серебренников* (Москва). Был ли начальный *j* в тюркских языках первичным? 75

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

- Б. Абилхасимов* (Алма-Ата). Н. И. Ильминский — первый исследователь казахского языка 83

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- П. И. Кузнецов* (Москва). Частотность употребления функциональных форм турецкого глагола 87
В. Я. Пинес (Баку). Некоторые вопросы автоматического перевода и тюркские языки 100

РЕЦЕНЗИИ

- А. М. Щербак* (Ленинград). *A. v. Gabain. Das Leben im uigurischen Königreich von Qobö (850—1250)* 108
К. М. Мусаев (Москва). *Ж. Мукамбаев. Кыргыз тилинин диалектологиялык сөздүгү* 112
З. А. Ахметов (Алма-Ата). *К. Сыздыков. Мұхтар Әуезов — әдебиет сыншысы* 114

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Г. К. Кулиев, И. Я. Гамидов* (Баку), *Р. Г. Ахметьянов* (Казань). К 250-летию Академии наук СССР 116

PERSONALIA

- М. Ю. Гулизаде* (Баку). Мамед Ариф Дадашзаде 120

ХРОНИКА

- «Развитие каракалпакской лексики в связи с развитием функциональных стилей литературного языка» 122
 «Проблематика перевода как предмета переводоведения» 123
 «Историческая лексикология азербайджанского языка» 124
 «Проблемы казахской региональной лексикографии» 125

CONTENTS

TOWARDS THE 250-th ANNIVERSARY OF THE ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR

- A. N. Kononov* (Leningrad). Turkic linguistics in the Academy of Sciences of the USSR 3

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

- G. G. Jafarov* (Baku). Kinship terms in semantic system and grammatical structure of language 19
M. I. Trofimov (Kyzyl). Towards the problem of hiatus, rough glide and diphthongs in the modern Uyghur language 32
M. A. Akhmetov (Ufa). Adverbial participles in the language of Orkhon-Yenisei inscriptions and their relation to the modern Bashkir language 39

LANGUAGES IN CONTACT

- V. K. Kelmakov* (Izhevsk). Udmurt-Tatar linguistic contacts and some phonetic features of periphery-south dialects of the Udmurt language 52
A. Zhappuyev (Nalchik). The role of neighbour languages in the development of agricultural terms of the Karachai-Balkar language 61

TOPONYMICS

- A. Guseynzade* (Baku). On the origin of the toponym «Apsheron» 66
G. F. Sattarov (Kazan). Towards etymology of the toponym «Naberezhniye Chelny» 71

DISCUSSIONS

- N. Z. Gadjeva, B. A. Serebrennikov* (Moscow). Was the initial *j* primary in turkic languages? 75

HISTORY OF NATIVE TURKOLOGY

- B. Abilkhassimov* (Alma-Ata). N. I. Ilminsky — the first investigator of the Kazakh language 83

REPORTS, SURVEYS

- P. I. Kusneisov* (Moscow). Frequency of functional forms of the turkish verb in the dialogue speech 87
V. Ya. Pines (Baku). Some problems of the automatic translation and turkic languages 100

REVIEWS

- A. M. Shcherbak* (Leningrad). A. v. Gabain. Das Leben im uigurischen Königreich von Qoço (850—1250) 108

<i>K. M. Musayev</i> (Moscow). Ж. Мукамбаев. Кыргыз тилинин диалектологиялык сөздүгү	112
<i>Z. A. Akhmetov</i> (Alma-Ata). К. Сыздыков. Мұхтар Әуезов — әдебиет сыншысы	114

SCIENTIFIC LIFE

<i>G. K. Kuliyeu, I. Gamidov</i> (Baku), <i>R. G. Ahmetyanov</i> (Kazan). Towards the 250th anniversary of the Academy of Sciences of the USSR	116
--	-----

PERSONALIA

<i>M. Y. Gulizade</i> (Baku). Mamed Arif Dadashzade	120
---	-----

CRONICLE

«Development of Karakalpak vocabulary in connection with development of functional styles of the literary language»	122
«Problems of translation as the subject of translation science»	123
«Historical lexicology of the Azerbaijanian language»	124
«Problems of Kazakh regional lexicography»	125

Технический редактор Б. А. Абдуллаев

Рукописи не возвращаются.

Корректоры А. Е. Сорокина, Э. Я. Алиева.

Сдано в набор 7/VI 1974 г. Подписано к печати 26/VIII 1974 г. ФГ 09658. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 3,75. Физ. печ. л. 10,5. Усл. печ. л. 11,2 Уч.-изд. л. 10,4
Заказ 3823. Тираж 3920. Цена 1 руб.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.